ПРОБЛЕМЫ ПРАВА
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

2 2018

16+

УЧРЕДИТЕЛИ:

ГОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет»

РГКП «Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова»

ООО «Южно-Уральский юридический вестник»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ЛЕБЕДЕВ В. А., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры конституционного и муниципального права МГЮА им. О. Е. Кутафина, г. Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АВАКЬЯН С. А., зав. кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ; **БЕКМАГАМБЕТОВ А. Б.**, заведующий сектором НИР Костанайского филиала ЧелГУ (Казахстан), кандидат юридических наук, член Оксфордского академического союза; **БОНДАРЬ Н. С.**, судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ; **ДАРОВСКИХ С. М**., зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики ЮУрГУ, доктор юридических наук, профессор; **ДУДКО И. Г.**, заведующий кафедрой государственного и административного права Мордовского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ; **ЗЕНИН С. С.**, директор института повышения квалификации, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА); **ЙИРАСЕК Й.**, зав. кафедрой конституционного права и международного публичного права юридического факультета Университета им. Палацкего в г. Оломоуц (Чешская Республика), кандидат юридических наук; **КАПУСТИН А. Я.**, первый заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; **КИРЕЕВ В. В.**, профессор кафедры конституционного и муниципального права, директор Института права Челябинского государственного университета, доктор юридических наук; **КРУСС В. И.**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права, Тверской государственный университет; **МАЙОРОВ В. И.**, доктор юридических наук, профессор; **МАЛИНОВСКИЙ В. А.**, член Конституционного Совета Республики Казахстан, доктор юрид. наук, Республика Казахстан, г. Астана; **МИНБАЛЕЕВ А. В.**, зам. декана юридического факультета ЮУрГУ, доктор юридических наук; **ПОДОЛЬНЫЙ Н. А.**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры правоохранительной деятельности и исполнительного производства Средне-Волжского филиала Российской правовой академии, г. Саранск.

Шеф-редактор **СОГРИН Е. К.** Ответственный секретарь **АНДРИАДИС Е. Ю.**
Верстка **ШРАЙБЕР А. Е.**

Издатель ООО «Южно-Уральский юридический вестник»

Журнал «Проблемы права» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования путем заключения договора с Российской электронной научной библиотекой

ISSN 2075-7913 Подписной индекс журнала **73848**

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-45180 от 19.05.2011 г.
Адрес редакции: Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76, Издательский центр.
Тел./факс **(351) 267-97-01.** E-mail: **urvest@mail.ru**

© «Проблемы права», 2003 —2018

PROBLEMY PRAVA
(ISSUES OF LAW)

2 2018

FOUNDERS JOURNAL:

South Ural State University
Kostanay State University
OOO "South Ural Legal Newsletter"

The «Problems of Law» Journal was created in 2003.
By the decision of the Higher Certification Board, since January 1, 2010 the "Problems of Law" journal has been included into the List of leading reviewed scientific journals and publications where the main research results for candidate's and doctor's theses should be published.

The Journal has its own International Standard Serial Number (ISSN 2075-7913).
The Journal is included into «Russian Post» catalog under index 73848.
The «Problems of Law» is included into Russian Science Citation Index according to the agreement with Russian Scientific Electronic Library.

CHIEF EDITOR

V. A. Lebedev, Doctor of Legal Science, Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Honored Lawyer of Russian Federation, Professor of Constitutional and Municipal Law Department of Moscow State Law Academy named after O. E. Kutafin, Moscow.

EDITORIAL BOARD:

S. A. Avakyan, Head of Constitutional and Municipal Law department, Lomonosov Moscow State University (Russia), Doctor of Legal Science, Professor, Honored Scientist of Russian Federation; **A. B. Bekmagambetov**, head of research and development section of Kostanay Branch of Chelyabinsk State University, Kazakhstan, member of the Oxford Academic Union, Candidate of Legal Sciences; **N. S. Bondar**, judge at Constitutional Court of Russian Federation (Russia), Doctor of Legal Science, Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Honored Lawyer of Russian Federation; **S. M. Darovskikh**, Doctor of Science (Law), professor, head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of South Ural State University (Russia); **I. G. Dudko**, Head of State and Administrative Law Department at Mordovian State University (Russia), Doctor of Legal Science, Professor; **S. S. Zenin**, Director of the Institute of Advanced Training, Ph.D., assistant professor of constitutional and municipal law of the Moscow State Law University. O. E.Kutafina **J. Jirasek**, Head of Constitutional Law and International Public Law Department at the Faculty of Law, Palacký University of Olomouc, (Czech Republic), Candidate of Legal Science; **A. Y. Kapustin**, Deputy director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Legal Science, Professor; **V. V. Kireev**, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Director of the Institute of Law of the Chelyabinsk State University, Doctor of Legal Science; **V. I. Kruss**, doctor of legal Sciences, Professor, head of chair of theory of law, Tver state University; **V. I. Mayorov**, Doctor of Legal Science, Professor (Russia); **V. A. Malinovsky**, member of the Constitutional Counsil of the Republic of Kazakhstan, PhD Law in the Republic of Kazakhstan, Astana; **A. V. Minbaleev**, Deputy Dean of the Faculty of Law of South Ural State University (Russia), Doctor of Legal Science; **N. A. Podolny**, doctor of legal Sciences, Associate Professo, Professor of the Department of law enforcement and Executive production of the Middle Volga Branch of the Russian Academy of Law, Saransk.

Editorial Director E. K. Sogrin; **Executive Editor** E. Y. Andriadis**; Layout** A. E. Schreiber

Published by OOO "South Ural Legal Newsletter"
The journal is registered in Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media. Certificate ПИ N ФС77-45180 of May 19, 2011.

Address of the editors office: 454080, 76 Lenina pr., SUSU, Publishing House, Chelyabinsk, Russia
For correspondence: 454080, Chelyabinsk, PO Box 12550
Phone/Fax (351) 267-97-01. E-mail: urvest@mail.ru

В НОМЕРЕ:

— 7 —
Тюлегенова Р. А.
«Костанайский филиал ЧелГУ: 20 лет созидания и успешного развития (на примере научно-исследовательской деятельности)»

КОНСТИТУЦИЯ, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

— 12 —
Байниязова З. С.
Консолидация прав и обязанностей как важное направление в укреплении правового статуса личности

— 17 —
Атжанова Ж. С.
Сравнительный анализ статуса прокуратуры Российской Федерации и Республики Казахстан

— 24 —
Нурмагамбетов Р. Г.
Пути совершенствования конституционного регулирования в Российской Федерации

— 29 —
Попов В. С.
Национальная безопасность как сложносоставной объект исследования

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

— 37 —
Пузиков Р. В., Зелиньский Я., Бекмагамбетов А. Б.
Правотворческая политика в правовой доктрине и в правовой жизни

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

— 50 —
Рак О. В., Литвинов Р. В., Людовских А. С.
Правовая природа криптовалюты

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

— 54 —
Военная Т. А.
Лицензионный договор как способ распоряжения исключительным правом в законодательстве России и Казахстана

ПРАВО И ТРУД

— 60 —
Хасенов С. Б.
Роль трудового стажа в пенсионном обеспечении

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА

— 64 —
Волошин П. В.
Особенности содержания современной уголовной политики в сфере предупреждения преступности

— 70 —
Галиев Б. Б.
Категория оценочных признаков и проблемы их толкования
в квалификационном процессе

— 75 —
Исмагулова А. Т.
Некоторые проблемные аспекты действия уголовно-правовых норм
в Республике Казахстан и в Российской Федерации,
регламентирующих принудительные меры медицинского характера

— 80 —
Рахманова Е. Н., Цветков П. В.
Некоторые проблемы совершенствования
российского уголовного законодательства в сфере спорта

— 85 —
Сафонов В. Н.
Криминогенность закона: масштабы, признаки, преодоление

— 89 —
Топильская Е. В.
Проблемы уголовно-правового воздействия на организованную преступность
на примере уголовных кодексов России и Казахстана

— 94 —
Шнарбаев Б. К.
Опыт пробации стран дальнего и ближнего зарубежья

— 105 —
Видершпан А. В.
Гуманна ли гуманизация?

— 112 —
Дубинин С. Н.
Психолого-педагогические особенности межличностных отношений
в девиантной среде и их характеристика

— 119 —
Мизанбаев А. Е., Петин И. А.
Преступность уголовно-правовых запретов
и пути перехода от формы к содержанию

4

ГРАЖДАНСКОЕ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

— 130 —
Шакун В. М.
Восстановление положения потерпевшего (реституция)
в уголовном судопроизводстве

— 138 —
Требования к статьям, представляемым к публикации
в журнале «Проблемы права»

IN THIS ISSUE

— 7 —
Tyulegenova R. A.
«Kostanai branch of the CSU: 20 years of creation and successful development (on the example of scientific research)» Raisa

CONSTITUTION, STATE AND SOCIETY

— 12 —
Bayniyazova Z. S.
Consolidation of Rights and Dutiesas an Important Trend in Strengthening Legal Status of the Individual

— 17 —
Athjanova J. S.
Comparative analysis of the prosecutor's office status the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan

— 24 —
Nurmagambetov R. G.
Cultivation path constitutional regulation in the Russian Federation

— 29 —
Popov V. S.
National security as a compound object of research

THEORY OF STATE AND LAW

— 37 —
Puzikov R. V. , Zelinsky Ya., Bekmagambetov A. B.
Human rights policy in the legal doctrine and in legal life

LAW AND ECONOMICS

— 50 —
Rak O. V., Litvinov R. V., Lyudovskikh A. S.
Legal status of crypto currency

CIVIL LAW

— 54 —
Voennaya T. A.
The license contract as a way of the order the exclusive right in the legislation of Russia and Kazakhstan

LAW AND LABOR

— 60 —
Khasenov S. B.
The role of seniority in pensions

CRIMINAL LEGAL DOCTRINE

— 64 —
Voloshin P. V.
Features of the content of modern criminal policy in the field of crime prevention

— 70 —
Galiev B. B.
The category of evaluation characteristics and the problems of their interpretation in the qualification process

— 75 —
Ismagulova A. T.
Some problem aspects of the operation of criminal law in the Republic of Kazakhstan and in the Russian Federation regulating compulsory measures of a medical nature

— 80 —
Rakhmanova E. N., Tsvetkov P. V.
Some problems of improving Russian criminal law in the sphere of sports

— 85 —
Safonov V. N.
The criminality of the act: scope, characteristics, overcoming

— 89 —
Topilskaya E. V.
Problems of criminal and legal impact on organized crime on the example of the penal codes of Russia and Kazakhstan

— 94 —
Shnarbaev B. K.
Probation experience of countries of near and far abroad

— 105 —
Vidershpan A. V.
Is humanism humane?

— 112 —
Dubinin S. N.
Psychological and pedagogical features of interpersonal relationships in a deviant environment and their characteristics

— 119 —
Mizanbaev A. E., Petin I. A.
Criminality of criminally-legal prohibitions and the path from form to content

6 CIVIL AND CRIMINAL PROCEEDINGS

— 130 —
Shakun V. M.
Restoration of the victim's situation (restitution) in criminal proceedings

— 139 —
Requirements to the Articles to be Published in Magazine "Problems of Law"

ПП № 2(66)-2018. с. 7 —11

УДК 378.4(574.21) + 001.891(574.21)

Р. А. Тюлегенова

«КОСТАНАЙСКИЙ ФИЛИАЛ ЧЕЛГУ: 20 ЛЕТ СОЗИДАНИЯ И УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)»

R. A. Tyulegenova

«KOSTANAI BRANCH OF THE CSU: 20 YEARS OF CREATION AND SUCCESSFUL DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF SCIENTIFIC RESEARCH)» RAISA

Время скоротечно. Вроде бы совсем недавно благодаря усилиям многих выдающихся личностей Российской Федерации и Республики Казахстан был создан уникальный международный проект. На основании приказа ЧелГУ № 315-1 от 2 июня 1998 года и Устава ЧелГУ образовалось Представительство «Костанайский учебно-консультационный пункт Института права и управления Челябинского государственного университета». Руководствуясь Соглашением от 23 мая 2000 г. о создании и функционировании филиалов высших учебных заведений в государствах-участниках Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. на основании пожеланий общественности и при поддержке администрации г.Костаная, Костанайской области, депутатов Парламента РК, руководством министерств образования и науки России (приказ № 2660 от 15.09.2000 г.) и Казахстана (№ 05-6/5690 от 8.09.2000 г.) подписано согласованное решение о создании в г. Костанае филиала ЧелГУ.

Мы гордимся историей нашего образовательного учреждения, у истоков которой стояли такие замечательные земляки, как нынешний профессор МГЮУ им. О. Е. Кутафина, главный редактор международного журнала «Проблемы права», заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, д. ю. н., профессор В. А. Лебедев. В 1998 году, когда открылось Представительство ЧелГУ в Костанае, он первый его и возглавил. В ряде своих публикаций[1], посвященным определенным знаменательным датам, неоднократно отмечалась его особая роль. Кроме того, наше сотрудничество продолжается и до сих пор.

Отдельно следует отметить, что мы ежегодно отдаем дань уважения, к сожалению, рано ушедших от нас, первому директору филиала ЧелГУ заслуженному работнику МВД РК, полковнику в отставке, к. ю. н. Т. Ж. Атжанову и его заместителю по науке и международным связям, к. ю. н., доценту, заслуженному работнику МВД РК, полковнику в отставке, члену Российской ассоциации международного права А. М. Роднову.

Благодаря их усилиям учебное заведение встало на ноги, были выработаны приоритеты развития, которые не утратили актуальности и сегодня. Основатели филиала еще в 90-е годы прошлого столетия предвосхитили процесс интеграции Казахстана в единое образовательное пространство и углубления приграничного сотрудничества. И вот сейчас, мы активно погружаемся в новую глобальную реальность – мир, в котором на передний план выходят достижения четвертой промышленной революции, в политико-правовой сфере наблюдается конвергенция, в том числе внедрение многих элементов и «ценностей» постиндустриального общества. Этому мы противопоставляем определенную перезагрузку собственной системы, обращаясь, с одной стороны к успешно апробированному зарубежному

[1] Подробнее см.: Тюлегенова Р. А. Вступительное слово к спецвыпуску журнала, посвященному 10-летию филиала // Правовая реформа в Казахстане: информационно-аналитический журнал. — 2011. — № 1. —С. 3—5; Тюлегенова Р. А. О некоторых современных трендах интеграции в образовании и науке (на примере деятельности Костанайского филиала ЧелГУ) // Проблемы права: международный правовой журнал. — 2015. — № 3. — С. 9—13.

опыту, а с другой стороны, реализуя масштабный проект по духовному возрождению населения, основанный на бережном сохранении и развитии собственной уникальной культуры многонационального и многоконфессионального казахстанского народа. В этом деле роль Костанайского филиала Челябинского государственного университета особенно важна. На это был сделан акцент администрацией Костанайской области, руководством Министерства образования и науки Челябинской области, ректором ЧелГУ во время выступлений на пленарном заседании международного конгресса «Россия в международном диалоге» 1 ноября 2017 года в г. Костанай, в конференц-зале нашего учебного заведения.

Об этом свидетельствует и особое внимание к нашей выставке во время приграничного форума с участием Президента РФ В. В. Путина и Президента РК Н. А. Назарбаева, состоявшегося в г. Челябинск, 8—9 ноября 2017 года.

За 20 лет поступательного развития в Костанайском филиале ЧелГУ, базируясь на постулатах *классического* университетского образования и одновременно ориентируясь на *современные модернизационные и интеграционные процессы*, удачно сочетаются *поддержка начинаний* (инициатив) молодых ученых, *академическая мобильность*, *преемственность* поколений и традиций.

В 2014 году успешно было реализовано 12 проектов на сумму 5815 тыс. руб, руководителями(исполнителями) которых отношении выступило 9 человек с учеными степенями (75 %). Объем финансирования проектов варьировал от 72 тыс. руб (ст. преп. кафедры права Л. С. Райхерт) до 922 тыс. руб. (проф.кафедры права, д. ю. н. А. Е. Мизанбаев — автор лучшей монографии 2012 года по праву в Республике Казахстан, профессор кафедры, д. ю. н. Б. К. Шнарбаев — лауреат звания Министерства образования и науки РК «Лучший доцент 2012 года» в сфере права).

В контексте общей тенденции ежегодного увеличения финансирования в рамках Научного фонда филиала согласно приказу № 160/03-08 от 26.12.2014 на 2015 год через конкурсный отбор утверждено 13 научных проектов (в 2014 г. — 12) на сумму 10 930 тыс. руб.

За последние три года из Научного фонда было выделено свыше 6114 тыс. руб. на издание монографий, учебников, учебно-практических и учебно-методических пособий, публикацию статей в рецензируемых периодических изданий, индексируемых Scopus, из перечня ВАК РФ, организацию, проведение и участие в научных форумах различного уровня; координацию научно-исследовательской работы студентов.

Благодаря финансовой поддержке в период с 2013 по 2017 год НПР филиала единолично и в соавторстве было опубликовано 24 статьи в журналах, индексируемых в международной базе Scopus. Из них в 2015, в 2017 годах опубликовано по 8 статей, в 2013 — 5, 2014 — 4. За этот же период было опубликовано около 100 публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, свыше 200 публикаций, индексированных РИНЦ. За период 2015—2017 издано 18 монографий.

С момента создания филиала при постоянной, системной, комплексной и адресной поддержке головного вуза по повышению научной квалификации сотрудников значительно раскрыт и укреплен кадровый потенциал. Благодаря такому подходу ежегодно повышалась квалификация начинающих ученых, растет мастерство их старших наставников и опытных коллег, увеличивается производительность научно-исследовательской деятельности в целом.

В диссертационных советах ЧелГУ защитили диссертации на соискание ученой степени кандидатов наук преподаватели кафедры права разных лет (Ж. С. Атжанова, Г. М. Байзакова, А. Б. Бекмагамбетов, Т. А. Военная, П. В. Волошин, Б. Б. Галиев, И. Н. Гальвина, А. Т. Исмагулова, Н. А. Нализко, А. А. Нуржанова, Р. Г. Нурмагамбетов, В. О. Пономарева, Ю. И. Симонова, В.М. Шакун), Это способствовало кардинальному росту процента остепенности сотрудников филиала и выполнять соответствующие критериальные показатели МОН РФ и МОН РК. Ряд преподавателей прошли переаттестацию ученых степеней: А. Б. Бекмагамбетов, П. В. Волошин, Н.П. Виноградова, Б. Б. Галиев, Р.Г. Нурмагамбетов.

Работа в данном направлении продолжается. Традиционно это одна из первостепенных стратегических задач каждой кафедры и соответствующей научной школы.

Сравнительно, если в 2016 году в соответствии с разделом 2.1. «Докторантура, аспирантура, соискание ученой степени» Плана научно-исследовательской деятельности филиала предметно ведением диссертационных исследований занимались 21 человек, в т. ч. на соискание степени доктора юридических наук — 3, кандидата юридических наук — 6,

В 2017 году суммарно кафедрами заявлено 16 тем диссертационных исследований, в том числе по кафедре права — 8. Из вышеперечисленного — 3 диссертационных исследования на соискание ученой степени доктора юридических наук, остальные кандидатские диссертации, в т. ч. 6 по юридическим.

Научными руководителями и научными консультантами преимущественно выступали и выступают ученые из головного вуза. Лишь у 2 соискателей ученой степени научные консультанты работают в вузах г. Москва: РУДН, МГЮУ им. О. Е. Кутафина.

В 2017 году ученое звание «доцент» присвоено ВАК РФ профессору кафедры права, к. ю. н. Р. Г. Нурмагамбетову, вначале 2018 года — зам.директора по науке А. Б. Бекмагамбетову

Наши научно-педагогические работники получили признание в профессиональном и научном сообществе. К. и. н., доцент Р. А. Тюлегенова и к. ю. н., доцент А. Б. Бекмагамбетов являются членами Оксфордского Академического Союза, к. ю. н., доцент Р. Г. Нурмагамбетов и к. ю. н. доцент П. В. Волошин — профессорами Российской Академии естествознания, к. ю. н., доцент А. Б. Бекмагамбетов — экспертом Комиссии по правам человека при Президенте РК, к. ю. н., доцент А.Б. Бекмагамбетов, к. э. н., доцент Н. П. Виноградова, д. психол. н. С. Н. Дубинин, к. пед. н. Э. М. Карасева — академиками Международной академии информатизации, д. ю. н., доцент Б. К. Шнарбаев — членом диссертационного совета Академии правоохранительных органов Республики Казахстан, д. ю. н. А. Е. Мизанбаев — членом диссертационного совета Карагандинского государственного университета им. Букетова, к. ю. н., доц. А. Б. Бекмагамбетов и к. ю. н., доцент Р. Г. Нурмагамбетов — членами редакционных советов рецензируемых периодических изданий ВАК РФ «Проблемы права», «Вестник Российской Правовой академии», д. ю. н., доцент Б. К. Шнарбаев и д. ю. н. А. Е. Мизанбаев — членами редакционного совета рецензируемого журнала Комитета по контролю в сфере образования и науки МОН РК «Ғылым», А. Б. Бекмагамбетов – председателем научно-экспертной группы Ассамблеи народа Казахстана Костанайской области (АНК КО).

В Костанайском филиале ЧелГУ научно-экспертная деятельность имеет важное прикладное значение и вносит вклад в развитие сфер образования, науки, межкультурной коммуникации, межэтнических и межконфессиональных отношений, законотворчества, экономики, приграничного сотрудничества. С другой стороны это способствует повышению квалификации научно-педагогических работников, продуктивности интеграции теории и практики различных отраслей знаний и профессиональной деятельности.

С учетом профиля журнала отмечу, что серия учебников, учебных и учебно-практических пособий, монографий, аналитических записок (докладов) д. ю. н., доц. Б. К. Шнарбаева и д. ю. н. А. Е. Мизанбаева, к. ю. н., к. и. н., доцента Р. А. Тюлегеновой в соавторстве с к. ю. н. Ж. С. Атжановой, доцента А. Б. Бекмагамбетова, к. ю. н. Б. Б. Галиева, к. ю. н. А. Т. Исмагуловой, к. ю. н., доцента Р. Г. Нурмагамбетова, к. ю. н. Попова В.С., к. ю. н. В. М. Шакуна, магистра юридических наук О. В. Гарась содержат полезные для законодательства и правоприменительной практики в сфере конституционного, гражданского, административного, уголовного и уголовно-исполнительного права, арбитража, адвокатуры, борьбы с коррупцией в виде проектов нормативно-правовых актов и практических рекомендаций. Б. К. Шнарбаев, А. Е. Мизанбаев вносят вклад в развитие компаративистики, так как являются соавторами учебника по уголовно-исполнительному праву Российской Федерации, подготовленного под эгидой Уральского государственного юридического университета.

19 мая 2017 г. Костанайский филиал ЧелГУ совместно с Парламентом РК, Санкт-Петербургским международным криминологическим клубом, прокуратурой Костанайской области организовал и провел международную научно-практическую конференцию «От криминологического законодательства к праву противодействия преступности (криминологии закона)», по итогам которой была издана коллективная монография, содержащая полезные практические рекомендации. На данном форуме принимали участие известные ученые: доктор права Эдвард Гондолф (США), доктор права Клаус Сессар, доктор PhD Зигмунт Ольга (ФРГ), заслуженные деятели науки РФ, доктора юридических наук, профессора Д. А. Шестаков и И. Я. Козаченко (Россия) и член-корреспондент НАН Н. О. Дулатбеков, доктора юридических наук Р. Т. Нуртаев, А. А. Смагулов, А. Е. Мизанбаев,Б. К. Шнарбаев (Казахстан), а также аким Костанайской области, депутаты Мажилиса Парламента РК,

прокурор Костанайской области, ректора и научно-педагогические работники вузов, руководители и сотрудники государственных и правоохранительных органов, студенты и курсанты юридических специальностей, представители НПО, СМИ.

В рамках сотрудничества и финансирования КГУ «Қоғамдық келісім» акимата Костанайской области филиалом организованы и проведено 5 крупных научных форумов, реализован мультидисциплинарный проект и по его итогам издана коллективная монография «Актуальные проблемы исследования межэтнических отношений (по материалам Костанайской области)», удостоенная Гран-при республиканского конкурса проектов. Инициатор проекта — к. ю. н. А. Б. Бекмагамбетов.

В целом, ряд монографий, учебников, учебных и учебно-практических пособий по юриспруденции (авторы: к. ю. н., доцент А. Б. Бекмагамбетов, к. ю. н., Б. Б. Галиев, к. ю. н., доц. Р. Г. Нурмагамбетов, д. ю. н. А. Е. Мизанбаев, д. ю. н., доц. Б. К. Шнарбаев), истории Казахстана (к. и. н, доцент Т. К. Нуртазенов, к. и. н., доцент Р. А. Тюлегенова), имеют прикладную значимость, поскольку их авторы выступают признанными экспертами в соответствующих отраслях знаний. Именно поэтому такие книги получили высокую оценку международных книжных выставок, организованных РАЕ, а также в данный момент направлены для участия в международном конкурсе «Лучшее вузовское издание в сфере правоохранительной деятельности» (Академии правоохранительных органов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан).

Под научным руководством преподавателей только в 2017 году ряд студентов становились победителями и призерами международных конкурсов проектов. Ниже приведем конкретные сведения.

1. Сироткина А. Тематический видеоролик «Защита прав интеллектуальной собственности», набравший большое количесвтво просмотров в социальных сетях, Республиканская акция «Контрафакт», (г. Астана, Министерство юстиции Республики Казахстан, 2018 год) (1-е место).

2. Реброва Ю. доклад «Конституционный суд Российской Федерации: вопросы совершенствования», XII Международная научно-практическая конференция молодых исследователей «Современные проблему юридической науки», Секция «Современные проблемы конституционного и муниципального права» (г. Москва, Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина, 2-е место).

ППС филиала также имеет серьезные успехи и достижения. К. ю. н., доцент А. Б. Бекмагамбетов, к. и. н., доцент Т. К. Нуртазенов, к. ю. н., доцент Р. Г. Нурмагамбетов стали обладателями Гран при республиканского конкурса научных проектов Ассамблеи народа Казахстана в 2016 году, к. ю. н., доцент А. Б. Бекмагамбетов в 2017 году стал лауреатом республиканского форума патриотов Министерства культуры и спорта, к. ю. н., доцент Р. Г. Нурмагамбетов — победителем конкурса «Лучший преподаватель» Костанайского филиала Академии государственного управления при Президенте РК, ряд преподавателей поощрены грамотами и благодарственными письмами Министерства образования и науки Челябинской области, ректора ЧелГУ, акимата Костанайской области. В целом, НПР филиала высоко востребован в качестве экспертов в ряде различных консультативно-совещательных органов.

Особо следует отметить новое направление – сотрудничество с вузами Евразийской Ассоциации Университетов. Ниже представлена информация о крупных мероприятиях, которая была направлена в МОН РФ.

Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Уголовное право и процесс: история и современность», посвящённая 95-летию д. ю. н., профессора заслуженного юриста РФ Александра Абрамовича Леви (12 мая 2017 г.). Организатор: Российский университет дружбы народов, г. Москва, Участники: д. ю. н., доцент Б. К. Шнарбаев, к. ю. н., доцент А. Б. Бекмагамбетов. Участники вузы — члены ЕАУ — Алтайский государственный университет, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, КазНУ имени Аль-Фараби, ЧелГУ.

Международный форум ученых и экспертов «Современное полиэтничное государство: национальные модели и стратегии развития», заседание Центрально-Азиатского научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстана (АНК) «Национальный код и идентичность в эпоху глобализации» в г. Астана, 28—29 сентября 2017 года, г. Астана, Национальный музей Республики Казахстан, Nazarbayev University. Организаторы: Ассамблея народа Казахстана, Научно-экспертный совет АНК, Республиканское государственное учреждение «Қоғамдыққелісім»

при Президенте Республики Казахстан, при участии Центра по изучению межэтнических и межконфессиональных отношений в Центрально-азиатском регионе Академии государственного управления при Президенте РК. Участники: ученые из Беларуси, Казахстана, Китая, Кыргызстана, России, Таджикистана, Узбекистана, Южной Кореи, в т. ч. МГУ им. М. В. Ломоносова, ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, филиала ЧелГУ. (к. ю. н., доцент А. Б. Бекмагамбетов, председатель научной экспертной группы областной АНК).

Международная научно-практическая конференция «Противодействие незаконной миграции в России и за рубежом: проблемы, опыт, перспективы», организованная кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики РУДН совместно с ЕНУ им. Л. Н. Гумилева (18—19 октября 2017 г.). Участник к. ю. н., доц. А. Б. Бекмагамбетов.

XVIII Ежегодная международная научно-практическая конференция Юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (МГУ) и XIII Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» МГЮУ им. О. Е. Кутафина (МГЮА) «Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики» (21—23 ноября 2017 г.). Участники: к. ю. н., доцент Р. Г. Нурмагамбетов Участники —вузы — члены ЕАУ — Алтайский государственный университет, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, КазНУ им. Аль-Фараби, МГИМО МИД России, ЧелГУ.

Наше образовательное учреждение дорожит действующими научно-творческими связями в рамках ранее подписанных договоров о научно-творческом сотрудничестве с Академией Следственного Комитета России, Академией МВД Республики Беларусь, Тамбовским государственным университетом им. Г. Р. Державина, Институтом международного права и экономики им. А. С. Грибоедова, Уральским государственным экономическим университетом, Костанайским государственным университетом им. А. Байтурсынова, а с Ближневосточным университетом Северного Кипра был подписан меморандум. Это сотрудничество воплотилось в множество успешных проектов.

В данный момент на стадии согласования договоры о научно-творческом сотрудничестве с Волгоградской академией МВД Российской Федерации, Северо-Западным филиалом Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург), Республиканским учебным центром гражданской защиты Комитета по чрезвычайным ситуациям МВД РК (г. Алматы).

В целом, научно-исследовательская деятельность Костанайского филиала ЧелГУ характеризуется:

1. Позитивной динамикой научных школ и направлений кафедр права, экономики, СГЕНД, филологии в плане издания монографий, учебников, публикации статей в изданиях, индексируемых в международных базах Scopus, рецензируемых научных журналах ВАК РФ, Комитета по контролю в сфере образования и науки МОН РК, ВАК зарубежных стран.

2. Солидные результаты имеются в осуществлении международного сотрудничества путем организации крупных научных форумов, участия в научно-представительских мероприятиях в ВУЗах России (в г.Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Волгоград, Тамбов), Латвии (Рига), Польши (Варшава, Сельдц), в том числе входящих в Евразийскую ассоциацию университетов.

3.Серьезными успехами в части побед на крупных международных конкурсах студенческих исследовательских работ и проектов в сфере экономики, филологии, права, информатики.

4.Ориентацией на практическое решение современных стратегических задач научного и научно-технологического развития общества и государства с акцентом на реализацию совместной детализированной Дорожной карты междисциплинарных исследований, в том числе путем организации деятельности Лаборатории цифровой грамотности.

Костанайский филиал ЧелГУ ведет активную, насыщенную разноплановую деятельность (учеба, наука, творчество, спорт) и имеет амбициозные перспективные планы. Ведь, в конце концов, 20 лет существования и развития – это не предел, а значит впереди нас ждут новые горизонты.

ТЮЛЕГЕНОВА Раиса Амиржановна, директор Костанайского филиала ФГБОУ ВО «ЧелГУ», к. и. н.

TYULEGENOVA Raisa Amirzhanovna, director of Kostanai branch FGBOU IN «CSU «,Candidate of Historical Sciences, Ph. D.

ПП № 2(66)-2018. с. 12 —17

УДК 342.7(470)

З. С. Байниязова

КОНСОЛИДАЦИЯ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ КАК ВАЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В УКРЕПЛЕНИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

Z. S. Bayniyazova

CONSOLIDATION OF RIGHTS AND DUTIES AS AN IMPORTANT TREND IN STRENGTHENING LEGAL STATUS OF THE INDIVIDUAL

В статье рассматривается проблема укрепления правового статуса личности. Автором обосновывается положение о необходимости обеспечения консолидированного соотношения прав и обязанностей личности как важном условии упрочения основ правового статуса личности. В статье предлагается рассматривать консолидацию прав и обязанностей как направление в укреплении правового статуса личности, что необходимо для развития российской правовой системы.

Ключевые слова: *правовой статус личности, права и обязанности, правовая система, правовая политика, правотворчество, правоприменение.*

The article deals with the problem of strengthening legal status of the individual. The author substantiates the proposition that it is necessary to provide consolidated correlation of rights and duties of the individual as an important condition for strengthening the basis of the individual's legal status. It is suggested that consolidation of rights and duties should be considered as a trend in strengthening legal status of the individual which is necessary for the development of the Russian juridical system.

Keywords: *legal status of the individual, rights and duties, juridical system, policy of law, law making, law enforcement.*

На современном этапе развития Российского государства особый интерес представляет исследование вопроса о правовом статусе личности. Устойчивое и поступательное общественное, правовое и государственное развитие во многом зависит от укрепления правового статуса личности.

Это целый спектр вопросов, связанных с реализацией прав и свобод человека и гражданина, укреплением их гарантий, как актуальной задачи отечественной правовой системы и правовой политики. Аксиологическая значимость правовой системы намного повысится, если она будет нацелена на улучшение института правового статуса личности, на поддержание его на качественном уровне, который соответствует общепризнанным международным стандартам. Функциональные возможности правовой системы наиболее отчетливо проявляются в способности обеспечивать эффективное осуществление прав и свобод личности, создавать условия для расширения правовой активности личности. В данном случае этот вопрос тесно связан с проблемой упрочения основ правового статуса личности.

Конституция России определила конституционные параметры осуществления именно гуманитарно-правовой стратегии, тем самым закрепив гуманистическую направленность развития правовой системы. На нормативном уровне это выражается прежде всего в ст. 2 и 18 Конституции РФ. Согласно ст. 2 Конституции России, «человек, его права и свободы являются

высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». В ст. 18 закреплено, что «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Вместе с тем конституционно-правовая регламентация основ правового статуса личности в Российской Федерации предполагает обращенность к проблеме четкого нормативно-правового регулирования обязанностей личности с точки зрения обеспечения их консолидированного единства с правами личности.

Структура правового статуса личности включает в себя не только права, свободы и обязанности, но и другие элементы [1]. Однако качественная характеристика правового статуса личности прежде всего раскрывается по состоянию именно прав и обязанностей, как важнейших его элементов. Ценность правового статуса личности во многом определяется по характеру соотношения прав и обязанностей человека и гражданина. Консолидация прав и обязанностей является непременным условием упрочения основ правового статуса личности. Права и обязанности — это системообразующая основа, тот фундамент, на базе которого полноценно может происходить консолидация правового статуса личности. На наш взгляд, консолидация прав и обязанностей — это принцип правового статуса личности. Как верно отмечает Л. И. Глухарева, «...обязанность есть необходимый компонент прав человека, фактор, вместе с правами решающий общую гуманитарную задачу в сфере регулирования права и других общественных отношений» [2, с. 27]. Обязанности — это такой же необходимый компонент правового статуса личности, который должен находить свое широкое нормативно-правовое регулирование, выражать ценностный аспект правового статуса личности. По нашему мнению, важно преодолеть неравномерность нормативно-правового регулирования в области прав и обязанностей личности. Это одна из основных проблем юридической практики. Такая неравномерность порождает проблему неконсолидированного правового статуса личности. Сбалансированное соотношение прав и обязанностей должно быть прежде всего на нормативном уровне, иначе это может привести к дисбалансированному развитию правовой системы и правовой политики государства. Гармоничное единство прав и обязанностей на нормативном уровне определяет соответствующую правоприменительную практику. Без обязанностей права человека остаются лишь декларативной моделью. Как подчеркивается в юридической литературе, «доктрина конституционализма исходит из существования не только прав человека по отношению к обществу и государству, но и его соответствующих обязанностей» [8, с. 17]. «Прояснение природы (сущности) основных (конституционных) обязанностей в Российской Федерации имеет не только практико-ориентирующее, но и теоретико-правовое значение...» [3, с. 173]. По мнению Н. И. Матузова, «юридические обязанности, как и права, носят субъективный характер, то есть принадлежат субъектам и в известной мере зависят от их воли и сознания, особенно в смысле реализации. Безличных, абстрактных, никому не принадлежащих обязанностей не существует. Это не отвлеченные понятия» [4, с. 155]. Поэтому нормативное равновесие прав и обязанностей является необходимым условием обеспечения прочности правоотношений, устойчивого развития правовой системы.

Следует подчеркнуть, что в XX веке было выдвинуто предложение о необходимости принятия Всеобщей декларации обязанностей человека. В ООН был разработан ее проект. К сожалению, Всеобщая декларация обязанностей человека так и осталась нереализованным проектом.

Современная отечественная правовая система должна быть надежным правовым инструментом защиты прав и свобод личности. Не случайно в Венской декларации и программе действий от 25 июня 1993 г. говорится о необходимости создания надежно функционирующих правовых систем, способных обеспечить защиту прав человека. Правовой статус личности и правовая система — это взаимосвязанные, взаимообусловленные явления. С одной стороны, правовой статус личности во многом определяет характер правовой системы, а с другой стороны, правовая система является необходимым условием реализации правового статуса личности. Взаимообусловленность правового статуса личности и правовой системы подчеркивается прежде всего ценностью личности, ее прав и свобод.

При этом необходимо учитывать, что организация отечественной правовой системы, прежде всего на уровне право-

творчества и правоприменения, должна отвечать задачам укрепления правового статуса личности, защиты и упрочения прав и свобод человека и гражданина, что является важным в современных условиях.

Заявленная Российским государством гуманитарно-правовая стратегия предполагает оптимизацию правового регулирования посредством достижения взаимосогласованного действия правотворческого и правоприменительного механизмов, исходя из гуманистических ценностей. Правотворчество и правоприменение, согласуемые с принципом ценности личности, ее прав и свобод, обеспечивают полноценную реализацию гуманитарно-правовой стратегии. Ориентированность правотворческой и правоприменительной деятельности на выражение гуманистических ценностей является необходимым условием обеспечения эффективного развития правовой системы. В данном случае следует исходить из конституционных ценностей, которые в то же время являются ценностями правотворчества и правоприменения. Приверженность правотворческих и правоприменительных органов всех видов и уровней конституционным ценностным установкам во многом позволит избежать противоречивого, неравномерного правового регулирования. При этом большую роль в придании такого вектора правотворчеству и правоприменению, в целом правовой системе призвана выполнять правовая политика. Социальная ценность правовой системы, связанная с воплощением в жизнь идеи уважения личности, ее прав и свобод, во многом реализуется при условии, если правовая политика основывается на гуманистических ценностях, задает соответствующий вектор развития правовой системе, если она носит сбалансированный и системно ориентированный характер.

Правовая политика, так же, как и правовая система, должна выступать явлением, полноценно гарантирующим правовую самореализацию личности, возможности осуществления ею своих прав и свобод. Во многом упрочение основ правового статуса личности зависит от умения государства правильно применять такой его правовой инструмент, как правовую политику. Как справедливо отмечается в литературе, правовая политика корректирует тот или иной тип взаимодействия личности и власти [7, с. 73]. Совершенствование правовой политики в таком направлении — это одна из задач государства. При этом важным является поведенческий аспект в деятельности государства. Роль государства в консолидации правового статуса личности должна выражаться не только в обеспечении прав и свобод, в их реальном гарантировании, но и в создании условий для осуществления обязанностей личности, поскольку качественная характеристика правового статуса личности выражается не только в степени реализации прав и свобод, но и в характере выполнения обязанностей. Соотнесение правовой активности личности и деятельности государства является важным фактором осуществления правовой политики, формирования у нее функциональных свойств. Аналогично это относится и к правовой системе. На наш взгляд, важно обеспечить консолидированный механизм реализации прав, свобод, обязанностей, гарантий в современной российской правовой системе, который предполагает формирование устойчивой, сбалансированной системы отношений между субъектами, прежде всего личностью и государством.

В обеспечении личностью выполнения своих обязанностей большую роль играет такой фактор, как создание системы мотивации к такому ее поведению посредством наполнения ценностным содержанием права, правотворчества, правоприменения и других явлений в рамках правовой системы с использованием правовой политики государства. По нашему мнению, речь должна идти о необходимости формирования со стороны личности культуры правомерного поведения, которая выражается в повышении ее правовой активности на уровне использования не только законодательно закрепленных прав и свобод, но и на уровне выполнения своих обязанностей. Как подчеркивается в литературе, «только осознание необходимости инициативного поведения в правовой сфере, повышения юридической и политической культуры сможет стать настоящей гарантией приоритета прав человека и гражданина как высшей ценности...» [5, с. 65].

Правовая система и правовая политика должны рассматриваться как взаимодополняющие друг друга явления, которые в тесном формате способны обеспечить реализацию гуманитарно-правовой стратегии развития Российского государства. В данном случае правовая политика должна быть ориентирована в ценностном отношении на системное воплощение гуманистических ценностей в правовой системе, которые придают ей устойчивый характер. В связи с этим основное требование к правовой

политике состоит в том, чтобы она была сбалансированной, обеспечивала бы становление условий эффективного развития правовой системы. Только устойчивое развитие правовой системы, основанное на системной правовой политике в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, будет способствовать укреплению основ правового статуса личности. При этом важно учитывать, что обеспечение устойчивых основ правового статуса личности связано с правоотношениями. Правоотношения определяют динамику правового статуса личности. Правовой статус личности во многом реализуется в правоотношениях. И в данном случае это снова затрагивает проблему сплочения прав и обязанностей личности, учитывая сущность правоотношения. Как верно отмечает О. Ю. Рыбаков, «правоотношения — среда проявления, утверждения и осуществления определенного юридического статуса» [6, с. 226]. По мнению Р. О. Халфиной, «рассматривая правоотношения как единство материального содержания и правовой формы, можно различить следующие связи элементов правоотношения: 1) связь прав и обязанностей как той модели, которая должна определять реальное поведение; 2) реальная связь участников правоотношений, которая должна соответствовать модели; 3) связь реального поведения и модели, которая находит свое выражение в осуществлении прав и выполнении обязанностей» [9, с. 211].

Очевидно, что укрепление правового статуса личности предполагает консолидацию прав и обязанностей в правовом статусе личности. Вопросы защиты и укрепления правового статуса личности выражают собой одно из основных направлений развития правовой системы и правовой политики, одним из аспектов которого является обеспечение прочного единства прав и обязанностей личности.

Литература

1. Витрук, Н. В. Общая теория правового положения личности / Н. В. Витрук. — М., 2008.
2. Глухарева Л. И. Обязанности человека и гражданина в контексте теории прав человека / Л. И. Глухарева // История государства и права. — 2009. — № 7.
3. Крусс, В. И. Природа конституционных обязанностей в Российской Федерации / В. И. Крусс // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика : материалы ежегодной Междунар. науч. конф. памяти профессора Ф. М. Рудинского / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. — Рязань, 2017.
4. Матузов, Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. — Саратов, 1987.
5. Малько, А. В. Политическая и правовая жизнь России: актуальные проблемы / А. В. Малько. — М., 2000.
6. Рыбаков, О. Ю. Право, отчуждение и согласие в современном Российском государстве / О.Ю. Рыбаков. — М., 2009.
7. Рыбаков, О. Ю. Правовая политика как юридическая категория: понятие и признаки / О.Ю. Рыбаков // Журнал российского права. — 2002. — № 3.
8. Хабриева, Т. Я. Теория современного основного закона и российская Конституция / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. — 2008. — № 12.
9. Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. — М., 1974.

References

1. Vitruk N.V. Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti. — M., 2008.
2. Gluhareva L.I. Obyazannosti cheloveka i grazhdanina v kontekste teorii prav cheloveka // Istoriya gosudarstva i prava. — 2009. — № 7. — S. 27.
4. Kruss V.I. Priroda konstitucionnyh obyazannostej v Rossijskoj Federacii // Prava i svobody cheloveka i grazhdanina: teoreticheskie aspekty i yuridicheskaya praktika. Materialy ezhegodnoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii pamyati professora F.M. Rudinskogo / pod obshch. red. D.A. Pashenceva. — Ryazan', 2017. — S. 173.
5. Matuzov N.I. Pravovaya sistema i lichnost'. — Saratov, 1987. — S. 155.
7. Mal'ko A.V. Politicheskaya i pravovaya zhizn' Rossii: aktual'nye pro-blemy. — M., 2000. — S. 65.
8. Rybakov O.YU. Pravo, otchuzhdenie i soglasie v sovremennom Rossij-skom gosudarstve. — M., 2009. — S. 226.
6. Rybakov O.YU. Pravovaya politika kak yuridicheskaya kategoriya: ponyatie i priznaki // ZHurnal rossijskogo prava. — 2002. — № 3. — S. 73.
3. Habrieva T.YA. Teoriya sovremennogo osnovnogo zakona i rossijskaya Konstituciya // ZHurnal rossijskogo prava. — 2008. — № 12. — S. 17.
9. Halfina R.O. Obshchee uchenie o pravootnoshenii. — M., 1974. — S. 211.

БАЙНИЯЗОВА Зульфия Сулеймановна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского» (г. Саратов, Российская Федерация). E-mail: kafedraTIGP-SGY@yandex.ru

BAYNIYAZOVA Zulfiya Suleymanovna, Candidate of Legal Science, Assistant Professor Department of State and Law Theory, Law Faculty, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Saratov National Research State University". Saratov. E-mail: kafedraTIGP-SGY@yandex.ru

ПП № 2(66)-2018. с. 17 —23

УДК 343.16 (470 + 574)

Ж. С. Атжанова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТАТУСА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

J. S. Athjanova

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE STATUS THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

В статье проводится анализ правового статуса прокуратуры Российской Федерации и Республики Казахстан, подчеркивается особое место прокуратуры в системе органов государственной власти, обусловленное спецификой общественных отношений, входящих в объект его контрольной (надзорной) деятельности, а также форм его осуществления — прокурорского надзора, участия в осуществлении уголовного преследования и в рассмотрении судами дел, отнесенных к их ведению.

Исходя из анализа, автор дает рекомендации по изменению современного законодательства: во — первых, прокурорский надзор следует отразить в статье 129 Конституции РФ как конституционную функцию прокуратуры, поскольку прокурорский надзор является самостоятельным институтом государственной власти; во — вторых, статус прокуратуры с учетом ее самостоятельных функций и места в системе государственных органов РФ должен быть урегулирован федеральным конституционным законом

Автор приходит к выводу о том, что прокуратура в России и Казахстане, с учетом ее надзорных функций представляет самостоятельную систему органов государственного надзора за исполнением законов самими государственными органами.

Ключевые слова: *прокуратура, правовой статус прокуратуры, цели и задачи прокуратуры, прокурорский надзор, государственный орган.*

The article analyzes the legal status of the prosecutor's office of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, emphasizes the special place of the prosecutor's office in the system of government bodies, conditioned by the specifics of public relations that are part of its supervisory (supervisory) activity, as well as the forms of its implementation — prosecutor's supervision, criminal prosecution and in the consideration by courts of cases referred to their jurisdiction.

Based on the analysis, the author gives recommendations on changing the current legislation: firstly, prosecutor 's supervision should be reflected in Article 129 of the Constitution of the Russian Federation as a constitutional function of the prosecutor' s office, since prosecutor 's supervision is an independent institution of state power; secondly, the status of the prosecutor's office, taking into account its independent functions and place in the system of state bodies of the Russian Federation, must be regulated by the federal constitutional law

The author comes to the conclusion that the prosecutor's office in Russia and Kazakhstan, considering its oversight functions, represents an independent system of state supervision bodies over the execution of laws by the state bodies themselves.

Keywords: *prosecutor's office, legal status of the prosecutor's office, goals and tasks of the prosecutor's office, prosecutor's supervision, state body.*

Прокуратура Российской Федерации в системе государственных органов Российской Федерации занимает особое место, которое определяется ее предназначением, состоящем в осуществлении от имени государства функции надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации [12]. Она исполняет и другие функции, предусмотренные федеральными законами, но все они подчинены ее основной надзорной функции.

Понятие правовой статус неоднозначно трактуется в юридической литературе и имеет различный элементный состав. Например, в зависимости от норм, определяющих положение субъекта, различают конституционно-правовой статус, административно-правовой, гражданско-правовой и другие.

Правовой статус прокуратуры представляет установленное правовыми нормами положение прокуратуры в системе государственных органов Российской Федерации, определяемое ее функциональным предназначением, структурным построением и компетенцией [17, с. 215].

В научной юридической литературе к элементам, образующим правовой статус прокуратуры относят: полномочия, принципы, цели и задачи прокуратуры, нормы, которые определяют систему прокуратуры и ее место среди органов государственной власти.

Как известно, основу правового статуса любого субъекта права образует его конституционно-правовой статус. Конституционно-правовой статус прокуратуры определяется как закрепленное в основном законе страны правовое положение данного органа, ее социальное назначение, место в системе органов власти, принципы организации и деятельности.

Однако, нормы о прокуратуре как в Российской Федерации, так и Республике Казахстан не в полной мере соответствуют такому пониманию конституционно-правового статуса прокуратуры. Закрепление статуса прокуратуры в Конституциях России и Казахстана фактически свелось к установлению ее системы и решению основных вопросов ее организации. Такие элементы правового статуса как социальное предназначение прокуратуры, ее компетенция и место в системе органов государственной власти ни Конституция РФ, ни Конституция РК не закрепляют. Это свидетельствует о неопределенности правового статуса прокуратуры.

В демократических государствах одной из основ конституционного строя является осуществление государственной власти на основе принципа разделения властей. С учетом рассматриваемого конституционного принципа определяется место прокуратуры.

В Конституции Российской Федерации нормы о прокуратуре отражены в ст. 129 главы 7 «Суд и прокуратура». Из держания ст. 129 видно, что прокуратура не имеет отношения к судебной власти. Учитывая принцип разделения властей, возникает вопрос: какое же место должна занимать прокуратура в системе трех ветвей власти. Этот повод для дискуссии продолжает оставаться актуальным.

В настоящее время можно выделить две противоположные позиции по данной проблеме. Одни авторы пытаются определить прокуратуру в триаде органов государственной власти, другие говорят о существовании прокурорской власти или особой надзорной власти [2].

По мнению В. К. Маркарова, одной из современных мировых тенденций является выделение контрольных и надзорных органов государственной власти, не входящих в систему разделения властей и независимых от трех ветвей государственной власти (к примеру, Счетный комитет, прокуратура). Система государственного контроля за государственной властью выделяет четвертую самостоятельную ветвь государственной власти — власть контрольную [10, с. 54—55].

М. С. Нарикбаев, Г. К. Утибаев и М. М. Алиев склонны считать, что термин «прокурорская власть» почти не встречается в юридической литературе и редко применяется на практике. В теории государства и права прокурорская власть определяется как контрольно-надзорная власть [19].

Среди контрольных и надзорных органов современного демократического правового государства институт прокуратуры занимает особое место, обусловленное спецификой общественных отношений, входящих в объект его контрольной (надзорной) деятельности, а также форм его осуществления — прокурорского надзора, участия в осуществлении уголовного преследования и в рассмотрении судами дел, отнесенных к их ведению.

Е. Р. Ергашев, напротив, отмечает, что органы прокуратуры в силу своей специфики осуществляемой ими деятельности и ее общего назначения не могут претендовать на отдельную ветвь власти, поскольку прокурорская деятельность

содержит в себе элементы всех, хотя и не входит ни в одну из них [6, с. 11].

Е. Б. Деменкова обозначила несколько основных направлений относительно установления правового статуса прокуратуры. Во-первых, прокуратура выступает органом государственного надзора, а поскольку прокурорский надзор не относится ни к одной из трех ветвей власти, поэтому правовой статус прокуратуры должен включать в себя максимальный объем полномочий в данном направлении. Во-вторых, органы прокуратуры занимают особое место в структуре российского государства, поскольку они обладают определенными функциями по отношению к ветвям власти. Прокурорский надзор способствует уравновешиванию ветвей власти, обеспечивая оптимальное функционирование, что обуславливает необходимость уравновешивания полномочий органов прокуратуры некоторыми ограничениями со стороны органов власти. В-третьих, прокуратура и парламент России представляют собой две самостоятельные системы сдержек и противовесов, поскольку осуществление надзора за исполнением законов есть гарант устойчивости всей законодательной системы. В-четвертых, прокуратура выступает не только органом надзора, но и участвует в уголовном процессе, в рамках которого она обладает полномочиями по проверке законности и обоснованности принятых решений. Таким образом, по мнению Е. Б. Деменковой сложившийся дисбаланс в сфере взаимного влияния прокуратуры и исполнительной власти уравновешивается сильной президентской властью над ними обеими [5].

Большая часть ученых России склонны считать, что прокуратура как надзирающий орган, по своему статусу представляет особый механизм по отношению ко всем ветвям власти, контролирующий и сдерживающий каждую из них. Прокуратура призвана устанавливать и принимать меры по искоренению нарушений закона.

С точки зрения Э. Н. Примовой и Н. Н. Примова, ст. 129 Конституции РФ определяет правовые основы организации и деятельности прокуратуры России. Однако она не содержит никаких указаний на полномочия, организацию и порядок деятельности прокуратуры РФ. Вопросы определения полномочий, организации и порядка деятельности прокуратуры отнесены к предмету регулирования федерального закона.

Таким образом, конституционная норма является отсылочной, что само по себе не должно быть присуще Конституции как Основному закону, который призван устанавливать основы правового регулирования разных сфер правовых отношений.

Э. Н. Примова и Н. Н. Примов считают, что данная конструкция нормы Конституции о прокуратуре является недоработкой законодателя, потому, что ст. 3 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» определяя правовые основы деятельности прокуратуры, в свою очередь, отсылает к Конституции РФ: «Организация и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации и полномочия прокуроров определяются Конституцией Российской Федерации, настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами, международными договорами Российской Федерации» [3].

Данную недоработку можно объяснить влиянием изначально заложенной в Конституцию РФ концепции реорганизации прокуратуры в орган поддержания обвинения в суде [12].

Наименование главы 7 Конституции РФ «Судебная власть и прокуратура», не только подтверждает тот факт, что органы прокуратуры судебную власть не представляют, а являются самостоятельной системой государственных органов, в отличие от прежнего наименования главы 7 Конституции, оно не противоречит п. «о» ст. 71 Конституции, в которой прокуратура, как судоустройство, занимает самостоятельное место.

Следовательно, необходимо устранить взаимоисключающие отсылки и определить статус прокуратуры непосредственно в Конституции РФ.

Прокурорский надзор следует отразить в ст. 129 Конституции РФ как конституционную функцию прокуратуры, поскольку прокурорский надзор является самостоятельным институтом государственной власти.

Таким образом, прокуратура с учетом ее надзорных функций представляется самостоятельной системой органов государственного надзора за исполнением законов самими государственными органами.

Статус прокуратуры с учетом ее самостоятельных функций и места в системе государственных органов РФ должен быть урегулирован федеральным конституционным законом [13].

Анализ конституционных положений позволяет определить правовой статус прокуратуры, как единой централизованной системы, федеральный государственный орган, не относящийся ни

к одной из трех ветвей государственной власти, обладающий значительными государственно-властными полномочиями.

Большинство ученых сходятся во мнении, что российская прокуратура — это специальный, самостоятельный орган государственной власти, который в системе разделения властей занимает обособленное место. Эта позиция отчетливо изложена, например, в публикации «Настольная книга прокурора» [14], где говорится, что «прокуратура Российской Федерации ни функционально, ни структурно не включена в классическую триаду ветвей государственной власти (законодательная, исполнительная, судебная). Роль прокуратуры в демократическом федеральном правовом государстве определяется тем, что она представляет собой необходимый и надежно работающий государственный институт в системе разделения и взаимодействия властей» [11, с. 20]. Авторский взгляд на проблему в целом не отличается от последней, обобщенной точки зрения.

Вопрос о месте прокуратуры Республики Казахстан в системе государственно-правовых институтов вытекает из общей концепции механизма казахстанской государственности, закрепленной в Конституции Республики Казахстан. Республика Казахстан является унитарным государством с президентской формой правления. Согласно Конституции Республики Казахстан государственная власть в стране едина, осуществляется в соответствии с принципом ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви, которые должны взаимодействовать между собой с использованием системы сдержек и противовесов. В Казахстане положения о прокуратуре расположены в Разделе VII «Суды и правосудие». Наличие конституционной нормы о прокуратуре в разделе VII «Суды и правосудие» Основного закона не означает, что данный надзорный орган входит в систему судебной ветви власти, а обусловлено тесным сотрудничеством прокуратуры с судами республики в вопросах обеспечения прав и законных интересов граждан, общества и государства [7].

В соответствии с ч. 2 ст. 83 Конституции Республики Казахстан Прокуратуры Республики Казахстан подотчетна Президенту Республики Казахстан. В этой связи приходим к выводу, что прокуратура РК не входит ни в одну из традиционных ветвей государственной власти, разработанную мыслителями XVII—XVIII веков, но входит в состав «президентской ветви власти».

По мнению А. Б. Ахметовой, одним из направлений развития законодательства о прокуратуре Республики Казахстан является превращение прокуратуры в правовое средство Президента РК по обеспечению функций гаранта Конституции РК, прав и свобод человека и гражданина. Именно прокуратура стала занимать это место в системе разделения властей. И даже не в системе разделения властей, а в механизме сдержек и противовесов [4].

Аналогичную позицию занимают В. В. Росинский [15, с. 34], С. Ж. Абдрахманова, А. К. Канатов [1], которые отмечает, что в рамках принципа разделения властей прокуратура выполняет функции одного из элементов «системы сдержек и противовесов».

Анализ норм Конституций РФ и Конституций РК позволяют сделать вывод о том, что прокуратура в этих государствах, не входит ни в одну из ветвей власти, в том числе судебную. Конституции обоих государств не признают существование четвертной ветви власти. Современная прокуратура взаимодействует со всеми ветвями государственной власти, действует в их интересах и, представляет собой механизм контроля за реализацией полномочий каждой ветви власти, осуществляет надзор за правильным применением законов.

Как видно, прокуратура выступает балансом, который нивелирует другие ветви власти, поэтому прокуратура и суд, как органы государственной власти, имеют общие цели и задачи, которые стоят перед государством, так и конкретные цели и задачи, связанные с их деятельностью в этой сфере. Именно общегосударственные цели и задачи, не смотря на самостоятельность и обособленность ветвей власти явились основой конституционной обязанности Президента РФ (ч. 2 ст. 80) обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти [9].

К единым для прокуратуры и суда общегосударственным целям следует отнести содействие заявлению и укреплению законности и правопорядка в государстве; охрану прав и свобод граждан, а также оберегаемых законодательством заинтересованностей сообщества и государства; создание почтительного отношения к закону и общечеловеческим ценностям.

Важное значение имеет то, что Конституцией РК [8] возложено на органы прокуратуры осуществление высшего надзора за точным и единообразным применени-

ем законов. Прокурорский надзор является «высшим», поскольку Генеральный Прокурор Республики Казахстан, возглавляющий органы прокуратуры, назначается Главой государства с согласия Сената, и не ограничивается рамками отдельных систем органов и отраслей управления, отдельных должностных лиц, а осуществляется с позиции обеспечения точного и единообразного применения законов, всемерного укрепления законности и правопорядка всеми и на всей территории страны. Надзор называется высшим потому, что прокуратура действует от имени государства и он распространяется на все министерства, государственные комитеты, ведомства, предприятия, учреждения, организации, должностных лиц и правоприменяющих субъектов. Прокуратура распространяет свою деятельность на объекты, не подчиненные ей в административном порядке и она обладает конкретными властными полномочиями по привлечению к ответственности лиц, виновных в нарушении законов.

Законодательство Российской Федерации и Республики Казахстан свидетельствуют о расширении сферы взаимодействия прокуратуры и суда, повышении значимости однообразного понимания и применения законов правоприменительными органами.

Ряд ученых, рассматривая проблему существующей неопределенности государственно-правового статуса прокуратуры, предлагают конкретные пути и способы ее решения. Наиболее полными и комплексно отражающими решение проблемы представляются предложения Т. Ю. Сафоновой о законодательном определении прокуратуры России как системы органов государства с особым статусом, о корректировке соответствующих норм Конституции Российской Федерации для выведения органов прокуратуры за пределы основных ветвей власти, о наделении Генерального прокурора РФ правом законодательной инициативы и самостоятельного обращения в Конституционный Суд РФ, о подготовке и принятии нового Федерального конституционного закона «О прокуратуре Российской Федерации», в котором было бы закреплено особое место прокуратуры в системе органов власти и ее особый правовой статус [16, с. 5—9].

Разделяя идею Т. Ю. Сафоновой о необходимости наделения прокуратуры особым государственно-правовым статусом и его законодательного закрепления, Н. И. Цымбалюк [18] полагает, что подобное позиционирование прокуратуры должно быть осуществлено непосредственно в Конституции Российской Федерации.

В соответствии с концептуальной моделью места и роли прокуратуры в механизме обеспечения национальной безопасности можно было бы предложить следующие проекты поправок в соответствующие статьи Основного закона страны: ст. 129 главы 7 «Судебная власть» изложить следующим образом: «Прокуратура Российской Федерации является особой в организационно-правовом отношении государственной структурой, законодательно наделяемой специальными полномочиями для практической реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности».

Конкретные полномочия, структурная организация, а также цели и функции, порядок и условия деятельности прокуратуры Российской Федерации устанавливаются федеральным конституционным законом.

Представляется, что предлагаемое конституционно-правовое позиционирование прокуратуры в полной мере отражает актуальные аспекты проблемы о месте и роли органов прокуратуры в системе государственных органов власти и управления в современных условиях, а также обусловливает более широкие ресурсные возможности прокуратуры в деле обеспечения предельно согласованных действий правоохранительного сообщества в процессе противодействия всем видам преступлений.

Литература

1. Абдрахманова, С. Ж. К вопросу определения места и роли органов прокуратуры / С. Ж. Абдрахманова, А. К. Канатов // Право и государство. — № 4 (73). — 2016. — С. 26—31.
2. Бывальцева, С. Г. Конституционно-правовой статус прокуратуры: проблемы и перспективы / С. Г. Бывальцева // Конституционное и муниципальное право. — 2011. — № 5. — С. 23—25.
3. Васканян, А. А. Конституционные вопросы положения прокуратуры в государственном механизме стран — членов Таможенного Союза / А. А. Васканян // Конституционное и муниципальное право. — 2015. — № 12. — С. 42—44.
4. Гришин, Е. А. Сравнительно-правовой анализ места органов прокуратуры Республики Казахстан и прокуратуры Российской Федерации в системе го-

сударственной власти / Е. А. Гришин // Правовая реформа в Казахстане. — 2016. — № 1. — С. 11—15.
5. Деменкова, Е. Б. Прокуратура в системе органов государственной власти / Е. Б. Деменкова // Государство и право в XXI веке. — 2016. — № 1. — С. 58—63.
6. Ергашев, Е. Р. Компетенция прокуратуры Российской Федерации / Е. Р. Ергашев. — Екатеринбург, 2008.
7. Журсимбаев С. Новые подходы в сфере прокурорского надзора / С. Журсимбаев // zakon.kz : официальный сайт. — URL: https://www.zakon.kz/4870843-novye-podkhody-v-sfere-prokurorskogo.html (дата обращения: 12.03.2018).
8. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года // Казахстанская правда. — 1995. — 8 сент; 2017. — № 51 (28430).
9. Конституция Российской Федерации : офиц. текст // Российская газета. — 1993. — № 237; Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
10. Маркаров В. К. Конституционно-правовой статус прокуратуры в Российской Федерации и зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / В. К. Маркаров. — М., 2012.
11. Настольная книга прокурора / под общ. ред. С. Г. Кехлерова, О. С. Капинус ; науч. ред. А. Ю. Винокуров. — М., 2013.
12. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I, в ред. от 29 июля 2017 г. № 246-ФЗ // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 8. — Ст. 366; Российская газета. — 2017. — № 172.
13. Примова, Э. Н. Проблема совершенствования правового статуса прокуратуры Российской Федерации / Э. Н. Примова, Н. Н. Примов // Евразийский союз ученых. — 2015. — № 11-4(20). — С.149—153.
14. Пойда, Е. С. Тенденции и перспективы правового регулирования прокурорского надзора в РФ / Е. С. Пойда // Основы экономики управления и права. — 2014. — № 3(15). — С. 83—84.
15. Росинский, В. В. Правозащитная функция прокуратуры Российской Федерации: конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Росинский. — М., 2007.
16. Сафонова, Т. Ю. Конституционно-правовое регулирование деятельности прокуратуры России как государственного органа с особым правовым статусом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т. Ю. Сафонова. — Елец, 2011.
17. Смирнов, А. Ф. К вопросу о правовом регулировании статуса прокуратуры Российской Федерации / А. Ф. Смирнов // Актуальные проблемы российского права. — 2017. — № 1 (74).
18. Цымбалюк, Н. И. Место и роль прокуратуры в современной России / Н. И. Цымбалюк // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2015. — № 3. — С. 68—71.
19. Шокатаев, С. Статус прокуратуры и ее место в системе государственных органов / С. Шокатаев // Юрист. — 2005. — № 9. — URL: https://journal.zakon.kz/203719-status-prokuratury-i-ee-mesto-v-sisteme.html(дата обращения: 15.04.2018).

References

1. Abdrakhmanova S.Zh., Kanatov A.K. On the issue of determining the place and role of the prosecutor's office // Law and the state. — No. 4 (73). — 2016. — P. 26-31.
2. Byvaltseva, S.G. Constitutional-legal status of the prosecutor's office: problems and prospects / S. G. Byvaltseva // Constitutional and municipal law. - 2011. — No. 5. — P. 23-25.
3. Vaskanian A. A. Constitutional issues of the prosecutor's office in the state mechanism of the member countries of the Customs Union // Constitutional and municipal law. — 2015. — No. 12. — P.42-44.
4. Grishin E.A. Comparative legal analysis of the place of the bodies of the Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan and the Prosecutor's Office of the Russian Federation in the system of state power // Legal reform in Kazakhstan. — 2016. — №1. — P. 11-15.
5. Demenkova E.B. Prosecutor's Office in the system of public authorities // State and Law in the XX I century. — 2016. — No. 1. — P. 58-63.
6. Ergashev E.R. Competence of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Ekaterinburg, 2008. — P.11
7. Zhursimbaev S. New approaches in the field of prosecution supervision // Official site zakon.kz. URL: https://www.zakon.kz/4870843-novye-podkhody-v-sfere-prokurorskogo.html (date of circulation: 12.03.2018).
8. The Constitution of the Republic of Kazakhstan of August 30, 1995 // Kazakhstanskaya Pravda. — September 8, 1995; 2017. — No. 51 (28430).
9. Constitution of the Russian Federation [Text]: officer. text. // Russian newspaper. — 1993. — No. 237; Collection of legislation of the Russian Federation. — 2014. — № 31. — Art. 4398.

10. Markarov V.K. Constitutional and legal status of the prosecutor's office in the Russian Federation and foreign countries: a comparative legal study. Diss. for the degree of Cand. — M., 2012. — P. 54-55.
11. The prosecutor's desk book / under total. Ed. S.G. Kehlerova, O.S. Kapinus; sci. Ed. A.Yu. Vinokourov. — M., 2013. — P. 20.
12. Federal Law of January 17, 1992, № 2202-I, in the red. from July 29, 2017 No. 246-FZ «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. — 1992. — No. 8. — Art. 366; Russian newspaper. — 2017. — No. 172.
13. Primova EN, Primov NN The problem of improving the legal status of the prosecutor's office of the Russian Federation // The Eurasian Union of Scientists. — 2015. — No. 11-4 (20) P.149-153.
14. Poyda E.S. Trends and Prospects of Legal Regulation of Public Prosecutor's Supervision in the Russian Federation // Fundamentals of Management Economics and Law. — 2014.-No. 3 (15). — P. 83-84.
15. Rosinsky V.V. The human rights function of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: a constitutional legal study. Diss. for the degree of Cand. — M., 2007. — P.34.
16. Safonova T.Yu. Constitutional and legal regulation of the activities of the Prosecutor's Office of Russia as a state body with a special legal status: author's abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. — Yelets, 2011. — P. 5-9.
17. Smirnov A.F. On the issue of legal regulation of the status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation / / Actual problems of Russian law. — 2017. — No. 1 (74). — P.215.
18. Tsymbalyuk N.I. The place and role of the prosecutor's office in modern Russia // Actual issues of combating crimes. — No. 3. — P.68-71.
19. Shokataev.S. The status of the prosecutor's office and its place in the system of state bodies // The site The specialized monthly magazine «LAWYER». 2005. № 9. URL: https://journal.zakon.kz/203719-status-prokuratury-i-ee-mesto-v-sisteme.html (date of circulation: 15.04.2018).

АТЖАНОВА Жанат Сабитовна, профессор кафедры права Костанайского Филиала ФГБОУ ВО «ЧелГУ», кандидат юридических наук. 110006, Республика Казахстан, г. Костанай, ул. А. Бородина, 168 А. E-mail: atzhanova1972@mail.ru

ATZHANOVA Zhanat Sabitovna, Professor of the Law Department of the Kostanai Branch of the FGBOU VO "ChelGU", Ph.D. jurid. sciences. 110006, Republic of Kazakhstan, Kostanay, A. Borodina, 168 A. E-mail: atzhanova1972@mail.ru

ПП № 2(66)-2018. с. 24—28

УДК 342.4 (470)

Р. Г. Нурмагамбетов

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

R. G. Nurmagambetov

CULTIVATION PATH CONSTITUTIONAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

В данной статье проводится анализ проблем и путей совершенствования конституционного регулирования в Российской Федерации. В частности раскрывается содержательная их сторона. Проаназировав нормы Конституции РФ автор приходит к выводу что проблемы конституционного регулирования во многом связаны с нарушениями юридической техники. К числу таких проблем он относит наличие в тексте Конституции РФ большого количества скрытых терминов, предписывающих иное содержание, несоблюдение логической последовательности использования терминов, неточное употребление наклонений глаголов, наличие декларативных положений, частое использование местоименных прилагательных, наличие неполных синонимов. Характеризуя по отдельности каждый их вид автор приходит к выводу что в совокупности они снижают значимость конституционного регулирования общественных отношений, ограничивают эффективность его действия. В научной статье предлагаются действенные пути совершенствования этого явления в Российской Федерации.

Ключевые слова: *конституционное регулирование, нормы, нормативные правовые акты, юридическая техника, регулирование, общественные отношения, права и свободы, органы государственной власти.*

This article analyzes the problems and ways of improving the constitutional regulation in the Russian Federation. In particular, the substantial side of them is revealed. Proanonsiroval the provisions of the Constitution of the Russian Federation the author comes to the conclusion that the problems of the constitutional regulation are largely associated with violations of legal technique. Among these problems, he refers to the presence in the text of the Constitution of the Russian Federation a large number of hidden terms prescribing a different content, non-compliance with the logical sequence of the use of terms, inaccurate use of verb tendencies, the presence of declarative provisions, frequent use of local adjectives, the presence of incomplete synonyms. Describing separately each of their species the author comes to the conclusion that together they reduce the importance of the constitutional regulation of social relations, limit the effectiveness of its actions. The scientific article suggests effective ways to improve this phenomenon in the Russian Federation.

Keywords: *constitutional regulation, norms, normative legal acts, legal technique, regulation, social relations, rights and freedoms, public authorities.*

12 декабря 1993 г. в российском обществе произошло важное событие — в результате всенародного голосования была принята действующая Конституция. Отличие Конституции Российской Федерации от иных нормативных правовых актов в том, что она впервые провозгласила в своих нормах путь на построение правового, демократического (ст. 1) и социального государства (ст. 7). За последние двадцать четыре года ее функционирования она коренным образом изменила условия существования личности, общества и государства, порядок взаимоотношений между ними. Произошел революционный переход от отношений, основанных на государственной собственности на средства производства, к рыночному типу производственных отношений [1]. Это не могло не привести к изменениям

в государственно-правовой надстройке, которые в наиболее наглядной форме отразились в реализации конституционных норм. В данных условиях особую значимость приобретает анализ теоретических и практических проблем, связанных с комплексным переосмыслением некоторых вопросов конституционного регулирования, поиском возможных путей и форм совершенствования этого процесса путем включения в него разнообразных видов общественных отношений, обеспечивающих в новых условиях функционирование общества и государства. Это весьма существенно, поскольку согласно господствующей в науке конституционного права точке зрения конституционное регулирование является важнейшим средством, обеспечивающим действенность процесса реализации конституционных норм.

Постановка вопроса об исследовании конституционного регулирования во все времена имела и имеет прикладное значение для развития конституционного законодательства. На этот аспект указывают многие авторы [3—5; 7]. Несмотря на значительный объем научных знаний, категория «конституционное регулирование» в современных реалиях наполнилась обновленным содержанием. Это обстоятельство и обусловило потребность в комплексном анализе политико-правовых основ конституционного регулирования, в частности, его понятия, признаков, предмета, пределов, методов, механизма конституционного регулирования, а также проблем и путей его совершенствования.

Необходимо отметить, что содержательная сторона всех существующих проблем конституционного регулирования во многом связана и с нарушениями юридической техники. Представляется, что основными направлениями деятельности должно стать устранение технико-юридических несоответствий, пробелов и дефектов Конституции РФ. Все эти факторы повысили значимость конституционного регулирования, обусловили обнажения тех обстоятельств, которые не способствуют эффективному его осуществлению.

В первую очередь необходимо остановиться на технико-юридических проблемах текста самой Конституции РФ, которые снижают потенциал конституционного регулирования. Проблемы юридической техники проявляются в наличии в тексте Конституции РФ большого количества скрытых терминов, которые предписывают иное содержание, несоблюдение очередности изложения правовых терминологий по всему тексту Конституции РФ, употребление наклонений, наличие декларативных положений, частое использование местоименных прилагательных, наличие неполных синонимов. Приведем ряд практических примеров подтверждающих данную мысль.

К числу таких неточностей можно отнести название главы 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина». Если проанализировать ее содержание то можно заметить что ст. 38, 44, 57—59 Конституции РФ наряду с конституционными правами и свободами закрепляются и конституционные обязанности. Использование местоименных прилагательных («каждый») расширяет границы конституционного регулирования, субъектный состав, в отношении которого осуществляется воздействие. Это происходит при характеристике конституционных прав и свобод граждан, где местоименное прилагательное («каждый») указывает те только на человека и гражданина, в отношении которого устанавливается перечень прав, но и на другие виды субъектов правоотношений, перечень которых не уточняется. Так, к примеру, в ч. 2 ст. 6 Конституции РФ установлено что «каждый гражданин Российской Федерации обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации». Итогом наличия неточности является снижение понимания субъектами правоотношений, целей и идей конституционного регулирования. Конституция РФ, как основной закон страны, должна быть по логике предельно корректна и юридически точна в выдвигаемых формулировках. В Конституции РФ в некоторых случаях использована достаточно спорная терминология. Отдельным вопросом является наличие пробелов в Конституции РФ.

К сожалению, в Конституции РФ есть ряд пробелов нуждающихся в корректировке. Эти пробелы закреплены в различных главах Конституции РФ. Так, к примеру, в Конституции РФ закреплено право на жизнь (ч. 1 ст. 20 Конституции РФ), резонно поставить вопрос и о праве на смерть. По мнению ряда авторов необходимо закрепить и конституционное право на смерть, выражающееся, в частности, в снятии запрета на эвтаназию [2, с. 159]. На один из явных видов пробелов обращает внимание Б. А. Страшун, указывая, что в «ст. 79 Конституции РФ говорится, что Россия может участвовать в межгосударственных объединениях. В конституции

не уточняются формы таких объединений, в этом и проявляется обобщенность и абстрактность некоторых положений Основного Закона, в этом и есть ее особенность» [6]. Одним из пробелов является отсутствие отдельных конституционных норм об уполномоченном по правам человека в РФ, об уполномоченном по правам ребенка в РФ, об уполномоченном по защите прав предпринимателей в РФ. Данные конституционные нормы установили бы ясность в определении их конституционного статуса и места в системе разделения властей в Российской Федерации.

Отдельным вопросом является вопрос о совершенствовании конституционного регулирования в сфере решения озвученных теоретических проблем. Решение теоретических проблем включает в себя комплекс мероприятий, направленных на формирование единообразного понимания конституционного регулирования.

Первое. В целях решения актуальной проблемы определения понятия конституционного регулирования, его в роли категориальном аппарате науки конституционного права, четком системном определении ключевых понятий теории конституционного регулирования, предлагается организовать на системном уровне деятельность по включению в юридические словари, доктринальные комментарии терминологию, раскрывающую содержание конституционного регулирования. Эта деятельность должна осуществляться на постоянной основе. Это бы решило сразу несколько насущных проблем — они были бы адекватны сегодняшней правовой действительности, не давали бы возможности их произвольного толкования, установили бы единые стандарты конституционного регулирования. Для осуществления данной работы имеются в государстве все необходимые ресурсы. Было бы целесообразным издание соответствующего приказа министра образования и науки Российской Федерации «О дополнении учебной литературы, учебно-методических пособий разделом «конституционное регулирование». Рассмотрим содержание некоторых видов таких терминов.

Под конституционным регулированием общественных отношений понимается упорядоченное воздействие Конституции РФ на различные виды общественных отношений в сфере основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, организация государственной власти и взаимодействие Федерации с ее субъектами местного самоуправления, осуществляемое при помощи системы специфических конституционных средств, способов и механизмов регулирования.

Объект конституционного регулирования — это основополагающие принципы в сфере основ конституционного строя, функционирования государства и его органов, основ правового положения человека и т. д., определяющие направленность регулятивного воздействия Конституции РФ.

Предмет конституционного регулирования — это совокупность различных по содержанию видов общественных отношений, закрепленных в Конституции РФ, подвергнутых при помощи особой системы юридических средств, способов, приемов конституционной регламентации в части установления порядка взаимодействия граждан и государства, государственных органов, федерации с ее субъектами.

Метод конституционного регулирования есть совокупность средств (способов) воздействия на участников общественных отношений, входящих в предмет конституционного регулирования и соответствующих уровню эволюционного развития государства.

Пределы конституционного регулирования — это законодательно очерченные Конституцией границы вмешательства государства в различные сферы общественных отношений, основанных на объективных закономерностях развития государства и общества, необходимости внесения порядка в общественные отношения. Они устанавливают рамки конкретных субъективных прав. К их видам можно отнести установление границ в действующих статьях Конституции РФ, закрепление их в обобщенном смысле, употребление в различных декларациях и международно-правовых актах. Пределы конституционного регулирования фиксируются в них, в основном, в виде словесных символов, т. е. посредством письменных знаков естественного языка (слов, предложений).

Под механизмом конституционного регулирования необходимо понимать набор конституционных средств, с помощью которых осуществляется воздействие на объекты конституционного регулирования, с целью упорядочения, нормального функционирования, развития и охраны основополагающих общественных отношений в соответствии с установленными в конституции задачами общества и государства.

Научной проблемой является отсутствие в юридической литературе пони-

мания того, как осуществляется конституционное регулирования общественных отношений, т. е. его порядок. В связи с этим хотелось бы отметить, что научному сообществу впервые предложен на обсуждение целостный механизм действия конституционного регулирования, который включает в себя сложный алгоритм. Он включает в себя прохождение нескольких сменяющих друг друга стадий: формирование конституционных норм, возникновение субъективных прав и обязанностей (правоотношения) и реализация прав и обязанностей.

Второе. Важным направлением устранения имеющихся теоретических проблем конституционного регулирования является расширение его инструментария. Применительно к науке, необходимость обращения к этому вопросу связана с решением насущной проблемы выведения из тени тех конституционных регуляторов, которые уже давно задействованы в воздействии на общественные отношения. К их числу можно отнести конституционные стимулы и дозволения. Практика функционирования Конституции РФ показывает явную недостаточность стимулов и дозволений в системе конституционного регулирования. Во многом их длительное отсутствие объективно привело к увеличению неправовых средств регулирования общественных отношений — норм морали и обычаев. Считаем оправданным добавление конституционного стимула в п. 1. ст. 19 Конституции РФ «Все равны перед законом и судом. Государство, в целях обеспечения заинтересованности субъектов в реализации данной нормы в своей политике, будет поощрять действия граждан, направленные на пресечение нарушения данной нормы субъектами правоотношений». Еще одной новеллой может, служить закрепление конституционного стимула в п. 3 ст. 44 Конституции РФ, которую следует изложить в следующей редакции «Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Государство в своей политике будет поощрять действия субъектов, направленные на сохранение исторического и культурного наследия». Дополнить п. 3. ст. 6 Конституции РФ следующей нормой — дозволения «Гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его. Государство признает наличие права гражданина в свободном выборе гражданства другого государства».

Третье. В целях устранение существующих коллизий конституционного регулирования, предлагаем инициировать принятие следующих видов федеральных конституционных законов: «О Конституционном Собрании РФ», «О политической системе РФ», «О гражданском обществе РФ», «О федеральных округах РФ», «О национальной и региональной политики Российской Федерации», «Об избирательной системе РФ», «О субъектах РФ», «Об основах законодательства РФ». В анализе путей совершенствования практической направленности конституционного регулирования важно внедрить в правовую материю практику соблюдения правил юридической техники. Во многом способствовать этому процессу будет проведение конституционного мониторинга на предмет соответствия конституционного регулирования тенденциям развития правовой системы, единым требованиям, признакам научной обоснованности, планомерности, последовательности и т. д. Его проведение позволит выявить и найти пути решения «хронических ошибок законодателя», тех пробелов и дефектов конституционного регулирования, которые нуждаются в исправлении и корректировке. Но роль конституционного мониторинга нельзя сводить лишь к выявлению и решению политико-правовых пробелов и дефектов Конституции РФ в целом и конституционного регулирования в частности. Она, безусловно, шире. Думается, что проведение конституционного мониторинга позволит раскрыть и скрытые резервы конституционного регулирования, которые в будущем будут служить ориентирами конституционного развития Российской Федерации.

Считаем, что решение вопросов по проведению конституционного реформирования не может осуществляться произвольным образом. Наряду с действующим Указом Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» важно дополнить п. 5. ст. 125 Конституции РФ формировкой «Конституционный Суд Российской Федерации по запросам Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, органов законодательной власти субъектов Российской Федерации дает толкование Конституции Российской Федерации и проводит конституционный мониторинг норм Конституции РФ».

Дополнение данной нормы позволит конституционно закрепить начало проведения в Российской Федерации сложной комплексной планомерной работы по

сбору, обобщению, анализу информации на предмет эффективности действия положений Конституции РФ. В целях реализации конституционной нормы важно разработать план проведения конституционного мониторинга на 2017—2018 годы.

Таким образом, озвученные проблемы теории конституционного регулирования и предложенные теоретические и практические пути решения во многом восполняют образовавшийся теоретический научный пробел в науке конституционное право.

Литература

1. Авакьян, С. А. Конституция Российской Федерации: итоги развития / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. — 2008. — № 23. — С. 4—9.
2. Балагурова Н. Н. Действие Конституции Российской Федерации: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид.наук / Н. Н. Балагурова. — Челябинск, 2012.
3. Бланкенагель, А. Пробелы в Конституции Российской Федерации и возможности ее совершенствования / А. Бланкенагель // Пробелы в российской Конституции и возможности ее совершенствования ; ред. сост. К. Г. Гагнидзе. — М. : Изд-во Центра Конст. иссл-я МОНФ, 1998. — С. 6—9.
4. Доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 г. — С. 3—4. — URL: http://ombudsmanrf.org/content/doclad2015 (Дата обращения 4.12.2017 г.)
5. Кравец, И. А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления / И. А. Кравец. — URL: http://fictionbook.ru/author/igor_kravec/rossiyiskiyi_konstitucionalizm_problemyi/read_online.html?pag e=10 (Дата обращения 05.03.2018);
6. Страшун, Б. А. К вопросу о понятии конституционного права / Б. А. Страшун // Журнал российского права. — 2006. — № 10. — С. 19—21.
7. Ходыкин, И. В. Несовершенство формулировки статьи 14 Конституции как проблема реализации свободы вероисповедания / И. В. Ходыкин // Философия права. — 2014. — № 4(65). — С.11—14.

References

1. Avak'yan, S.A. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: itogi razvitiya // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. — 2008. — № 23. — S. 4-9
2. Balagurova N.N. Deystviye Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: teoretiko-pravovoye issledovaniye: Diss..kand.yurid.nauk. — Chelyabinsk.,2012 — S.159.
3. Blankenagel', A. Probely v Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii i vozmozhnosti yeye sovershenstvovaniya // Probely v rossiyskoy Konstitutsii i vozmozhnosti yeye sovershenstvovaniya / red. sost. K.G. Gagnidze. Izd-vo Tsentra Konst. issl-ya MONF, 1998. S. 6.-9.;
4. Doklad upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii za 2015 g.//http://ombudsmanrf.org/content/doclad2015 (Data obrashcheniya 4.12.2017 g.) — S.3- 4.;
5. Kravets, I.A. Rossiyskiy konstitutsionalizm: problemy stanovleniya, razvitiya i osushchestvleniya // http://fictionbook.ru/author/igor_kravec/rossiyiskiyi_konstitucionalizm_problemyi/read_online.html?pag e=10 (Data obrashcheniya 05.03.2018);
6. Strashun B.A. K voprosu o ponyatii konstitutsionnogo prava // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2006. — № 10.- S.19-21
7. Khodykin, I.V. Nesovershenstvo formulirovki stat'i 14 Konstitutsii kak problema realizatsii svobody veroispovedaniya// Filosofiya prava. — 2014. — №4(65). — S. 11—14.

НУРМАГАМБЕТОВ Рашит Габитович, профессор кафедры права Костанайского филиала ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», Доктор Ph.D, ассоциированный профессор. 110000, Республика Казахстан г. Костанай, ул. Бородина 168-а. . E-mail: orel032@mail.ru

NURMAGAMBETOV Rashit, professor, Department of law, the Kostanay branch of the «Chelyabinsk state University», Doctor of Ph.D, associate Professor. ". 110000, Republic of Kazakhstan, Kostanay city, Borodin 168-a. E-mail: orel032@mail.ru

ПП № 2(66)-2018. с. 29—36

УДК 341.23 + 351.86 + 323.1 : 34.03

В. С. Попов

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СЛОЖНОСОСТАВНОЙ ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

V. S. Popov

NATIONAL SECURITY AS A COMPOUND OBJECT OF RESEARCH

Будучи явлением всепронизывающим и всепоглощающим, безопасность оттого и объектом исследований представляется неохватным. Аддитив «национальная безопасность» — сохраняя целостность явления — ко всему прочему позволяет ограничить её рассмотрение пределами страны. В рамках национальной безопасности выделяются, в виде автономных её составляющих, минимизация неизбежной уязвимости от неблагоприятных воздействий природных факторов и защищённость в сфере антропогенной; пресечение опасностей извне и безопасность внутренняя. Основная задача публикации — обозначить прикосновение к теме диалектики заботы о безопасности: личной и коллективной, силами самоорганизующегося общества и средствами государства. Связанность со сверх полиэтническим обществом, коим является и Россия и Казахстан, обуславливает тяготение к исследованию общественных организмов, объединяющих людей на основе этнокультурной идентификации.

Ключевые слова: *природный или антропогенный генезис опасности, национальная безопасность, вызовы извне страны и внутренние, общественные организмы, безопасность личная и коллективная, объекты исследований.*

Being an all-pervasive and all-absorbing phenomenon, security is an unobserved object of research. The additive "national security" — while preserving the integrity of the phenomenon — makes it possible to limit its consideration to the borders of the country. Within the framework of national security, in the form of its autonomous components, the minimization of the inevitable vulnerability from the adverse effects of natural factors and the protection in the anthropogenic sphere are singled out; suppression of dangers from the outside and internal security. The main purpose of the publication is to indicate a touch on the topic of the dialectic of caring for security: personal and collective, by the forces of a self-organizing society and by state funds. The connection with a super multi-ethnic society, such as Russia and Kazakhstan, causes the gravitation towards the study of social organisms that unite people on the basis of ethno cultural identification.

Keywords: *natural or anthropogenic genesis of danger, national security, challenges from outside the country and internal, public organisms, personal and collective security, research facilities.*

Не будет преувеличением замечание преамбульного характера о том, что бытие на всём протяжении его исторического времени, так скажем, пронизано устремлённостью к самосохранению всего сущего в нём — к защищённости от уязвления, умаления и разрушения вследствие множества разнообразнейших опасностей свершения того и угроз, так или иначе, уже реализуемых. Вместе с тем, неосознанная: инстинктивная, подсознательная и т. п., прежде всего; но и осознанная: до осуществления направленной на защиту от опасностей организационно-практической деятельности не иначе как в соответствии с научными изысканиями по этому поводу и на основе политико-правовых концепций об этом — забота о безопасности как бы поглощает бытие[1]. Безопасность в качестве общего фундаментального объекта

[1] Бытие наполнено не только стремлением к самосохранению, но этим, в числе прочего (быть может, прежде всего) — несомненно. См. по этому поводу [1; 15].

теоретических социально-правовых исследований оттого видится как будто бескрайней. В силу неисчерпаемости интерпретаций существа её, в первую очередь; вдобавок к тому ещё и не ограниченности в сопряжениях с разными субъектами и в приложении её к различным предметам и явлениям, сферам и областям деятельности и ещё ко многому другому — она таковой предстаёт на самом деле.

Отмеченный и, безусловно, неустранимый феномен не может не стать преткновением на пути к умозрительному структурированию системы безопасности — должному предварять практическое создание действующих механизмов её. Выстраивание комплекса обеспечения защищённости, то есть реально действующей системы всеобщей всесторонней безопасности видится разумным как проекция умозрительной конструкции, создаваемой на основе научных методик выявления разновекторных вызовов, дающих возможность полного и всестороннего осознания содержания и сущности всякой из угроз и т.д. Следовательно, названное обстоятельство есть помеха в первую очередь отчётливой констатации и системному осмысливанию опасностей: так или иначе проявленных, и потенциальных, то есть до поры не актуализированных.

Множественность таковых не поддаётся счислению; однако же, и необходимости в этом не усматривается. Потребность видится в ином — сгруппировать их на каком-то основании в объединения и соединения: каждое со своими внутренними подразделениями. Поскольку усмотрение во всяком целом (в нашем случае это безопасность) его составляющих, а в них слагаемых и т.д., открывает возможность исследования в каждом из могущих быть выделенными для того сегментов цельного явления: с собственным его предметом и в задаваемых тем пределах. Также как в бескрайности мирового океана, оставляя его таковым, усматриваем некоторым образом обособленные его составляющие, а в них моря, заливы и т. д. Они становятся для нас предметами непосредственного интереса — такими, что в них находим как своеобразие (оригинальность) частного, так и всеобщность целого.

Непреходящей заботой тогда остаётся единственно, что при всяком избирательном прикосновении к теме безопасности не выпускать из поля обозрения данное явление в нераздельной его цельности: как объект научного интереса, вне сомнения, самостоятельный, но вместе с тем — общий также и для исследований «точечного» типа. Причём, важно не только не утратить интерес к тому, но ещё и не забыть об этом в условиях сосредоточенности на задачах прикладного характера (такие возникают, в том числе, в процессе правотворчества, а также перед законодателем).

Представляется вполне очевидным, что совокупность опасностей: как те, от которых защищаться требуется без промедления, равно как и те, к отражению коих следует быть заблаговременно подготовленным, может быть разделённой на две составляющих. Поскольку в ней выделяются как раз две её части: сложно сопряжённых — так что друг от друга как будто неотделимых; вместе с тем, самостоятельных — отдельных по источникам их, по факторам генерирования и многому другому. В самом общем виде это *опасности* ценностным объектам: одни *природного происхождения*, а другие — антропогенные, то есть *исходящие от человека*: как побочные следствия его существования либо как целенаправленные результаты его деятельности. Соответственно, в действительности, то есть в реалиях бытия в том или ином виде имеют место быть предпосылки для умозрительного конструирования — в первую очередь — двух базовых типов обеспечения всеобщей защищённости: от опасностей природных и антропогенных. С последующим затем, на научно-теоретической основе осуществляемым, практическим созданием единой системы безопасности (*обеспечения всеобъемлющей защищённости* и т. п.) — от опасностей природных и антропогенных — в которой более или менее отчётливо прослеживается её составляющие двух названных базовых типов.

Следующий (а лучше, одновременный) шаг на пути построения всё охватывающей системы безопасности, заявленный в названии публикации, это уход к региональной локализации. Что даёт возможность — сохранив в целостности понимание безопасности как бинарной системы защищённости от природных и антропогенных деструктивных воздействий — разместить умозрительную и практическую её конструкции в пределах страны. Таким образом, во-первых, открывается выход на национальную безопасность, то есть на *безопасность конкретной страны и государства*, что является как бы калькой безопасности всеобщей: пределами страны не ограниченной.

«Национальную безопасность», вместе с тем, следует рассматривать в качестве

аддитива, позволяющего — при сохранении целостности явления в пределах страны — более отчётливо обозначить предмет данного явления. «Национальная безопасность» это в целом *безопасность нации*, которая есть безопасность страны: каждого человека и всех населяющих её народов — объединённых в государстве (данной конкретной страны).

При всём том, определённым как бы в первом приближении объектом исследования во всех случаях должна приниматься безопасность как личная защищённость каждого человека (а через это — безопасность нации) вкупе с защищённостью цивилизационных организмов и творений — разумея таковые, вместе с тем, неотделимым от человека лоном его бытия. Что в этой связи ни в коем случае не должно отождествляться с *окружающей средой существования человека*. «Цивилизационных организмов», внутри которых только и возможно благоприятное — а это безопасное в первую очередь — пребывание человека, видится всего два. Это могущее существовать в отсутствие государства общество и непременно связанное с обществом, как будто обрамляющее его государство.

Ничего иного, кроме защищённости названных мега-объектов, скажем так, вмещаться в национальную безопасность и приниматься в качестве таковой не должно; имеющие место быть устремления к сохранению, сбережению всего иного относить к национальной безопасности напрямую (ибо опосредованно к ней относится — всё) нельзя. В противном случае, если брать в расчёт также и опосредованные связи, неминуемо возвращение к неохватности объекта исследовательского и практического интереса.

Только лишь в рамках «национальной безопасности» в совокупности угроз усматриваются *опасности: внешние* (то есть угрозы нации извне) и *внутренние*. Открывающаяся вследствие того возможность объективного разделения опасностей, тоже на две составляющих, предоставляет ещё одно основание построения полностью их объемлющей системы национальной безопасности. Иными словами, комплекс защищённости представляет собой (как бы ещё одну) двоичную систему безопасности — с её составляющими: внешней безопасностью и внутренней

Здесь уже уместно заявить, что комплекс национальной безопасности в самом общем его виде представляет собой совокупность сложносоставных систем обеспечения безопасности человека, а равно общества и государства. Система национальной безопасности в целом есть совокупность комплексов (как подсистем) её обеспечения в различных сферах бытия, в отдельных его областях и т. д.: неизбежно налагающихся друг на друга — ввиду того, что структурируются они по различным основаниям. Однако непреходящие базовые её составляющие определяются по источникам возникновения опасностей и по факторам их генерирования — как системы обеспечения всеобщей защищённости нации от опасностей природных и антропогенных; от тех и других: внутри страны активировавшихся (и активированных) или извне исходящих.

При очевидности, казалось бы, такого усмотрения; то есть, прежде всего, естественности (объективности) выделения в безопасности — далее рассматриваемой в качестве безопасности национальной — двух пар базовых типов её она видится и строится на самом деле иначе. В практической сфере, т.е. в нормативном и организационном планах, система всеобщей — всё (все сферы) охватывающей — безопасности формируется без должной степени учёта того. Называемые законодателем её виды представляют собой произвольную их совокупность (не упорядоченную) и стройной, то есть, по меньшей мере, сопряжённой между составными элементами, системы не образуют. Что довольно отчётливо отражается в национальном: Российской Федерации и Республики Казахстан — законодательстве о безопасности, где вид её, именуемый безопасностью экологической, не вполне основательно пребывает в одном ряду с государственной и общественной безопасностью; а ещё с политической и экономической, с информационной безопасностью, военной. Вместе с ними, отдельными и равными им, усматриваются другие её разновидности[1]. Все они соотносятся друг с другом как элементы разные по обоснованиям их создания (военная есть аспект безопасности государственной или политической); как целое и

[1] В России наряду с Федеральным Законом «О безопасности» [6] действуют другие нормативно-правовые акты, которыми вводятся различные иные виды безопасности, сообразные наименованию выявленной опасности. В частности, радиационная [9].
В Казахстане базовый — Закон РК «О национальной безопасности» [7]. Действующим является также Закон РК «О радиационной безопасности населения» [10]. Легитимный, обсуждаемый и т. д. вид безопасности — «продовольственная», хотя в стране специальный закон об этом отсутствует.

его слагаемые (например, экономическая и продовольственная). Очевидно, что для установления различных видов безопасности использовались в каждом случае разные критерии, оттого их перечень произвольный; выглядит прихотливым.

На отсутствие системного (сформированного на научно-теоретической основе) ви́дения всеобщей всесторонней безопасности указывает, в числе прочего, понимание здесь экологической безопасности: безосновательно расширенное и в целом неправильное, как некоего комплекса обеспечения защищённости государства, общества и человека от катаклизмов разного рода. Природных, прежде всего, но равно также и от связанного с природой (как бы экологизированного) воздействия антропогенных факторов. То есть как защищённость страны и населения: от глобального потепления и повышения уровня моря (похолодания и т. д.) до купирования для них же угроз локальных — связанных с паводковыми водами или селями и т. п. Впрочем, также как, например, от повышенного в какой-то местности или на отдельных объектах радиационного излучения: естественного (фонового) либо попутно образованного промышленными предприятиями; военными т. д. Экологическая безопасность оттого становится по факту равнообъёмной с безопасностью национальной; и как будто замещает её собой — что не может не вызывать дополнительных сомнений.

Между тем как, известно, «экологический предмет»: экологические проблемы и т. д., а здесь, равно, «экологические опасности», фокусируются в сферах охраны окружающей среды (природной среды в основе своей) и рационального использования природных ресурсов. Корень всех «эко»-понятий и соответствующих им «эко»-терминов есть др.-греч. οἶκος (ойкос) — жилище, дом. Вследствие того экологические взаимосвязи как правовые отношения упорядочиваются правовыми актами не о безопасности, а изначально природоохранными (то есть природу охраняющими) законами, обоснованно развёрнутыми ныне, расширенными до законодательства об охране окружающей среды. Усматриваемые здесь признаки безопасности (явления так или иначе всеохватного) — относятся только к защищённости, сохранению, скажем так, места обитания[1].

Экологическая безопасность — поддержание режима так называемой *благоприятной* для каждого (человека) *окружающей среды*, основа которой *природная среда* [13; 14] — достигается отнюдь не посредством обеспечения защищённости всех пребывающих в стране от природных стихий и/или от исходящих из антропосреды разрушительных сил. Напротив, благоприятная для населения окружающая среда создаётся и поддерживается вследствие охраны окружающей среды, то есть сбережения природы, прежде всего, и в первую очередь защиты её — от человека [напр., 12]. Поэтому «каждый (полагаем, здесь это не только человек и гражданин — *авт.*) обязан охранять природу и окружающую среду» [2, ст. 58]. Лишь в относительно малой доле благоприятные условия для жизни людей, их деятельности создаются и поддерживаются за счёт «укрощения» природных сил.

Равно и даже более отчётливо экологическая безопасность выражается в рациональном использовании природных ресурсов, т. е. природной среды, в сохранении от неразумного (безответственного, сугубо потребительского) их использования людьми, хозяйствующими субъектами и государством[2] [7]. В этом плане лишь в т. н. хищническом потреблении национальных природных ресурсов иностранными физическими и юридическими лицами (т. е. «чужими») — помимо причинения тем самым вреда природе — усматриваются признаки как бы личного ущерба каждому жителю страны. Соответственно, основания к выстраиванию противостояния угрозам человеку (стране и государству) как безопасности — экологической.

Как бы то ни было, экологическая безопасность не может пониматься, одновременно, как ***безопасность человека от природы*** (от окружающей его среды) и как ***сохранение природы*** (окружающей среды) ***от человека***. Соответственно, юридическая лексема «экологическая безопасность» не должна использоваться в качестве правового омонима — применительно к безопасности от деструктивного воздействия природных и связанных с ними антропогенных факторов: как на человека, так и на окружающую среду. Равно негативная оценка названных воздействий, во-первых, вовсе не означает одинаковости таких воздействий: на тех и других; во-вторых, не влечёт одинакового понимания защищённости: тех и других.

[1] См. ст. 42 Конституции Российской Федерации [2] и ч. 1 ст. 31 Конституции Республики Казахстан [3].

[2] В частности, положения Лесного кодекса (в России это [4]; в Казахстане [5] основаны на тезисе: «лес является одним из важнейших компонентов биосферы, имеющий глобальное экологическое, социальное и экономическое значение».

Тем не менее, в контексте закона о безопасности «экологическая безопасность» представлена в виде подсистемы обеспечения защищённости человека и общества от деструктивного воздействия на них обоих типов угроз: природного происхождения и антропогенных. При этом — не от прямых для них таких угроз, а от опосредованных через опасности другим требующим защиты объектам. Конкретно, от неблагоприятных последствий прямого вредоносного воздействия на место жизни и деятельности человека (населения страны), территорию её расположения и др., то есть на окружающую (природную, прежде всего) среду.

Поэтому оказывается, что экологическая безопасность — это «состояние защищенности жизненно важных интересов и прав человека и гражданина, общества и государства». (Причём, защищенность не человека, общества и государства, а жизненно важных для них интересов (и прав)). Наряду с тем, указывается, что это состояние защищенности не от непосредственных для них опасностей. Это отсутствие для названных субъектов опасности «от угроз, (опосредованно для них — *авт.*) *возникающих в результате* (то есть вследствие и т. п. — *авт.*) антропогенных и природных *воздействий* на окружающую среду» [7, п. 2 ст. 6]. Безопасность человека от последствий вреда, человеком причинённого природе, ввиду совпадения защищаемого субъекта с источником опасности обретает признаки оксюморона.

В комплексе по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера объединены опасности природного происхождения и некоторая доля антропогенных (поскольку техногенные есть всего лишь одна из разновидностей в их совокупности). При этом обратим внимание, что предметом регулирования специального закона об этом [8; 11] одинаково не является: ни обеспечение защищённости людей (общества) от опасностей природных и/или техногенных, ни сохранение от таковых природной (в целом окружающей) среды. Предмет его есть устранение неблагоприятных (конечно, равно неблагоприятных: и для человека и для окружающей его среды) последствий случившегося бедствия, ликвидация сложившейся в результате того чрезвычайной ситуации.

Такой подход в первую очередь связывается с сосредоточенностью на практических задачах устранения вредных последствий, образовавшихся вследствие природных катаклизмов и аварий техногенного происхождения. И те, и другие несут одинаковые угрозы для ценностных объектов: от локального, фрагментарного и т. д. их разрушения до полного, возможности к регенерации не оставляющего, уничтожения. Однако данный тезис не отменяет обусловленности позиции осознанным небрежением (полагаем, всё же видимой и признаваемой) всеохватности безопасности в целостности её составляющих. Надо полагать, именно поэтому закон о чрезвычайных ситуациях: он и не о безопасности и не о защищённости населения и не о сохранении окружающей среды, но — об устранении видимых последствий случившихся бедствий от опасностей разного рода: природных и техногенных. Вместе с тем, он как будто обо всём этом вместе взятом.

В этой связи необходимо заметить, что речь идёт не о непременности формального и при этом как бы педантичного деления комплекса всеобщей защищённости (его обеспечения) на названные здесь базовые составляющие безопасности, а затем о выделении в них слагаемых. Тем более, в реальной действительности опасности приходят не разделёнными (во всяком случае, не разделёнными видимо и именно таким образом), но сложным образом сочетанными. Однако надо полагать, что уклонение от обращения должного внимания к заявленной в публикации теме влечёт более существенные последствия, чем принято считать. Прежде всего, это влечёт ослабление видения множественности констант в правовом поле, то есть совокупности задач, что решаются всякий раз. Дело в том, что сосредоточение на одной из них не может не привести к ошибкам в отдельных случаях и всегда — к потерям. Также как, например, чрезмерно сосредоточившийся на мяче в его ногах футболист, упускающий оттого из виду игровое поле (поле его деятельности) в целом. Быть может, он не допустит персональных ошибок, однако возможность реализовать голевые ситуации утратит без сомнения.

Иными словами, проблема в том, что небрежение фундаментальными теоретическими основами, явленое в законодательстве: институционном (о национальной безопасности) и ином, обусловленное ориентированностью его на прагматизм, рано или поздно приведёт к выявлению ошибок и к метаниям правовым и административно-организационным. Всё это, так или иначе, становится видимым в целом как понижение эффективности нормативного регулирования системы безопасности в той или иной области.

Реально проявляется во взаимном наложении нормативно-правовых актов, регулирующих соответствующие комплексы фактических отношений и, как следствие того, в «ведомственной беспризорности» их в административно-хозяйственном и организационном планах.

Выше был выдвинут — весьма значимый для определения объектов защищённости — тезис о принятии безопасности единственно в качестве *совокупной защищённости людей и цивилизационных организмов* как неотделимого от человека лона его бытия; вне чего человек становится ординарным биологическим существом. Цивилизационные организмы, в внутри которых возможны благоприятные, то есть безопасные, жизнь и деятельность человека, два: это общество и связанное с ним государство.

Будучи соборным организмом — и в таком виде целостным субъектом цивилизационного развития — общество не перестаёт быть, вместе с тем, органичным соединением подобных ему элементов меньшего масштаба. Для обозначения таковых видится основательной и удачной категория «общественные организмы», поскольку использование других терминов: вроде общественных организаций, вектору исследовательского запроса не отвечает. В рамках теоретических размышлений они будут восприниматься выхолощенными юридизмами, затрудняющими выход на абрис общества в целом именно как цивилизационного организма, но не цивилизационного творения: неорганической, механистической конструкции.

Вот каким в плане представлености его общественными организмами видится гипотетическое общество. Практически повсюду оно представляет собой сожительство этносов и субъэтносов, внутри которых пребывают (ныне забытые или сберегаемые) родоплеменные ячейки: нечто вроде тейпов и т. п. Развитое общество страны, так или иначе, стратифицировано: оно непременно сословное (иногда до степени близкой к кастовости); коли угодно, ещё и классово противопоставленное. Всякое общество, вместе с тем, представляет собой совокупность религиозных общин, разбавленных атеистическим субстратом, и т. д. — до разумной бесконечности.

Заявленная безграничность объекта изучения именно на том зиждется. Национальная безопасность это обеспеченная защищённость человека, пребывающего и проявляющего себя в первую очередь в множественности общественных организмов: таким образом, это одновременно и равно — их безопасность. Ибо вне общественных организмов человека на самом деле нет — от него остаётся биологический вид, не поднявшийся на качественно иную ступень развития.

Поэтому выход человека из лона общественных организмов, в целом мотивируемый восприятием таковых теперь в качестве прокрустова ложа — влекущий, довольно отчётливо наблюдаемую ныне, всё большую степень *атомизации социума* — есть схождение с данной ступени развития. Освобождением от их бремени (а то и их оков и т. п.) — вне зависимости от естественности либо инспирированности процесса — создаются новые предметы озабоченности безопасностью человека, общества и государства. Это качественно другие предметы безопасности, создаваемые в обществе произошедшими и происходящими разломами по новым их линиям: очевидные и так или иначе сокрытые. Основной из них — во всеобщем разделении населения (кажется, самое подходящее обозначение общества в контексте излагаемого). Общество сепарируется на составляющие фракции: это освободившиеся (освобождающиеся) от стесняющих их уз пребывания в лоне общественных организмов лица и остающиеся (всё ещё и пока ещё) в зоне притяжения таковых. Самая очевидная следующая из того дилемма для государства — о чьей безопасности с учётом того заботиться или, лучше так: о безопасности кого из них теперь радеть больше.

Более или менее приемлемое разрешение её весьма затруднительно, поскольку в её основе должна быть мировоззренческая и, зиждущаяся на таковой фундаментальная правовая платформа; а ввиду недостаточности таковых проблема решается посредством правовой политики. В такой ситуации нормативная выраженность решения проблемы не может не быть неустойчивой. Перманентность изменений нормативной массы, внесения в неё дополнений и растущий оттого её объём; внутренняя противоречивость и мн. др. обусловлены, в числе прочего, и этим обстоятельством.

Взаимосвязанность общественных организмов прочна и всеобъемлюща настолько, что основные его составляющие выступают представителями общества в целом (вроде того, что общество это народ страны). Вместе с тем, эти связи метафизичны, не явны и т. д., так что всякий из образующих общество элементов выступает самостоятельным актором разви-

тия: со своей динамикой, с собственной историографией и мн. др. Пример того казачество; как бы оно ни рассматривалось относительно общества в целом: субъэтносом или сословием — прошедшее путь от одного из субъектов обеспечения *собственной* (как общественного организма) и *коллективной* (общества в целом) безопасности до нынешнего реликта.

Уровень безопасности лица вследствие так или иначе декларированной принадлежности к «родовой семье», к сословию, этнической группе etc. и, наконец, в целом к народу страны возрастает на порядки. Именно данное обстоятельство структурирует социум, скрепляет общество в стабильности его конструкции и побуждает к развитию. Потребность в реальной личной защищённости и во всё более надёжной иной безопасности предстаёт фактором, объединяющим людские массы в различные общественные организмы; не основанные на близком (кровном) родстве и этнической идентичности, в том числе. Примером такого, не кровнородственного общественного организма — порождённого всецело стремлением к сугубо личной защищённости, но ставшего затем одним из акторов обеспечения коллективной безопасности — является (вновь обратимся к нему) казачество как разноплемённое сословие. Весьма значимый на протяжении долгого времени общественный организм системы «русского мира» есть следствие контактов его с общественными организмами «тюркского мира».

Появляющаяся в достигшем некоторого уровня развития обществе — уже более или менее осознанная — озабоченность безопасностью становится сакральным движителем появления и развития государства. Определяемый таким образом источник явления государства снимает антагонизм между теориями происхождения государства: договорного и внедоговорного генезиса, во всяком случае. Государство всегда появляется с неизменным его предназначением — обеспечение безопасности всего, объединяемого под эгидой государства: территорий и всего ими вмещаемого, людей и их творений, общественных организмов; и его самого, конечно. Забота о безопасности общества (всех его организмов) и составляющих его людей видится основным смыслом его существования. В силу того безопасность есть свойство государству имманентное; так что допустимо заявить, что радение о безопасности страны — один из идентифицирующих признаков государства.

Под эгидой государства национальная безопасность получает правовое её закрепление: начиная от нормативных установлений, сведённых в «12-ть глиняных табличек» до «12-и в 12-й степени» нормативно-правовых актов каждого государства новейшего времени. Вследствие переосмысливания её существа и содержания с правовой позиции национальная безопасность вновь структурируется с тем, чтобы за счёт правового закрепления обрести дополнительный ресурс эффективности.

В самом общем виде национальная безопасность как объект научного и практического интереса представляет собой сложносоставной комплекс. Базовой основой которого является защищённость человека — непременно в лоне общественных организмов и в правовых рамках государства. Это всесторонняя защищённость их от внешних и внутренних угроз природного происхождения и антропогенных. Именно этим должна определяться вся дальнейшая детализация системы безопасности — должной представлять собой более или менее совершенную: не противоречивую, по меньшей мере, систему.

Литература

1. «Бытие и время» Мартина Хайдеггера в философии XX века: материалы обсуждения //«Вопросы философии». — 1998. — № 1. — С. 110—121.
2. Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.03.2017 г.). — URL: http://online.zakon.kz
4. Лесной кодекс РФ от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Лесной кодекс Республики Казахстан от 8 июля 2003 года № 477-II (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2018 г.). — URL: http://online.zakon.kz

6. О безопасности : Федеральный закон от 28 декабря 2010 года № 390 // СПС «КонсультантПлюс».
7. О национальной безопасности : Закон РК от 6 января 2012 года № 527- IV. — URL: http://online.zakon.kz
8. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 № 68-ФЗ : Федеральный закон // СПС «КонсультантПлюс».
9. О радиационной безопасности населения» от 09.01.1996 № 3-ФЗ : Федеральный закон // СПС «КонсультантПлюс».
10. О радиационной безопасности населения : Закон РК от 23 апреля 1998 № 219-I. — URL: http://online.zakon.kz
11. О чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера : Закон Республики Казахстан от 5 июля 1996 № 19-I. — URL: http://online.zakon.kz
12. Об охране озера Байкал : Федеральный закон от 01.05.1999 № 94-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
13. Об охране окружающей среды : Федеральный закон от 10 января 2002 года № 7 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Экологический кодекс Республики Казахстан (принят Законом РК от 9 января 2007 года № 212- III). — URL: http://online.zakon.kz.
15. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Бибихина. — М. : Академический Проект, 2011. — 460 с.

References

1. Martin Heidegger's «Being and Time» in 20th-Century Philosophy: Discussion Materials, «Questions of Philosophy.» - 1998. - No. 1. - P. 110-121.
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of December 30, 2008, No. 7-FKZ of December 30, 2008, dated 05.02.2014
No. 2-FKZ, from July 21, 2014 No. 11-FKZ) // SPS «ConsultantPlus».
3. The Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted at the republican referendum on August 30, 1995) (with amendments and additions as of March 10, 2017). - URL: http://online.zakon.kz
4. Forest Code of the Russian Federation as of 04.12.2006 N 200-FZ (as amended on December 29, 2017) // SPS «ConsultantPlus».
5. Forest Code of the Republic of Kazakhstan of July 8, 2003, No. 477-II (with amendments and additions as of 01.01.2018). - URL: http://online.zakon.kz
6. On Security: Federal Law No. 390 of December 28, 2010 // SPS «ConsultantPlus».
7. On National Security: Law of the Republic of Kazakhstan of January 6, 2012 No. 527- IV. - URL: http://online.zakon.kz
8. On the Protection of the Population and Territories from Natural and Man-made Emergencies «of December 21, 1994, No. 68-FZ: Federal Law // SPS» ConsultantPlus «.
9. On Radiation Safety of the Population «of 09.01.1996 No. 3-FZ: Federal Law // SPS» ConsultantPlus «.
10. On Radiation Safety of the Population: Law of the Republic of Kazakhstan of 23 April 1998
No. 219-I. - URL: http://online.zakon.kz
11. On emergency situations of natural and man-made nature: Law of the Republic of Kazakhstan of July 5, 1996 No. 19-I. - URL: http://online.zakon.kz
12. On the protection of Lake Baikal: Federal Law of 01.05.1999 No. 94-FZ // SPS «ConsultantPlus».
13. On Environmental Protection: Federal Law of January 10, 2002 No. 7 // ATP «ConsultantPlus».
14. Ecological Code of the Republic of Kazakhstan (adopted by the RoK Law No. 212-III of January 9, 2007). - URL: http://online.zakon.kz.
15. Heidegger, M. Genesis and Time / M. Heidegger; trans. with him. V. V. Bibikhina. - M.: Academic Project, 2011. - 460 p.

ПОПОВ Валерий Сергеевич, кандидат юридических наук; Костанайский филиал (Республика Казахстан) ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», доцент кафедры права. 110000, Республика Казахстан г. Костанай, ул. Бородина 168-а. E-mail: ive90@mail.ru

POPOV Valeriy, Candidate of Jurisprudence, Kostanay branch (Republic of Kazakhstan), Associate Professor of Law Department Chelyabinsk State University. 110000, Republic of Kazakhstan, Kostanay city, Borodin 168-a. E-mail: ive90@mail.ru

ПП № 2(66)-2018. с. 37—49

УДК 34.02(470) + 340.1

Р. В. Пузиков, Я. Зелиньский, А. Б. Бекмагамбетов

ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ И В ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ

R. V. Puzikov, Ya. Zelinsky, A. B. Bekmagambetov

HUMAN RIGHTS POLICY IN THE LEGAL DOCTRINE AND IN LEGAL LIFE

В настоящей статье делается попытка раскрыть сущность и правовую природу одной из краеугольных проблем современной правовой жизни России — проблемы осознания и оценки места и роли доктрины права в формировании различных правовых институтов. Отмечается, что, несмотря на многообразие различных форм реализации правовой политики принципиально важно исследовать их взаимосвязь и взаимообусловленность не в вертикальной плоскости (соподчинения и степени важности), а в горизонтальной (взаимообусловленности), отдавая себе отчет в том, что только в сбалансированной реализации их всех, будут достигнуты исходные цели. Наиболее «заметной» по форме своего внешнего выражения выступает правотворческая политика, однако чтобы успешно решать стоящие перед ней задачи, правотворческая политика должна базироваться на системе определенных принципов, к числу которых относятся: научная обоснованность, системность, предсказуемость и планомерность, что, безусловно, недостижимо без использования таких форм как доктринальной, обучающей и т. д.

В статье исследуется правовая природа и функции правотворческой политики, анализ ее соответствия международным стандартам, положениям юридической науки и основам государственного устройства.

Ключевые слова: *доктрина права, правовая политика, правотворческая политика, государственное устройство, функции права.*

In this article, an attempt is made to reveal the essence and legal nature of one of the cornerstones of modern legal life in Russia - the problem of comprehension and assessment of the place and role of the doctrine of law in the formation of various legal institutions. It is noted that, despite the diversity of various forms of implementing legal policy, it is of fundamental importance to investigate their interrelations and interdependence not in the vertical plane (subordination and importance) but in horizontal (interdependence), aware that only in the balanced realization of all of them , the initial goals will be achieved. The most visible in the form of its external expression is the law-making policy, but in order to successfully solve the tasks facing it, the law-making policy should be based on a system of certain principles, including: scientific validity, systemic, predictable and planned, which, undoubtedly, is unattainable without using such forms as doctrinal, teaching, etc.

The article explores the legal nature and functions of law-making policy, analyzes its compliance with international standards, the provisions of legal science and the basics of the state system.

Keywords: *doctrine of law, legal policy, law-making policy, state structure, functions of law.*

Одной из краеугольных проблем современной правовой жизни России была и остается проблема осознания и оценки места и роли доктрины права в формировании различных правовых институтов. Очевидно, что постоянное реформирование российского государства и общества, в течение последних десятилетий, на кардинально иной уровень вывело потребность в определении совершенно иной, новой роли права, а также о принципиальном обновлении и развитии законодательства, построенного, прежде всего на принципах научности. Бесспорно, что за последние годы законодательство РФ существенно обновилось, но вместе с этим следует отметить, что, к сожалению, в погоне за количеством мы совершенно утратили интерес к качеству, и как отмечается в юридической науке «столь стремительный темп правотворчества породил ряд острых противоречий и проблем как теоретического, так и практического плана» [6].

Прежде всего, следует отметить, что, несмотря на многообразие различных форм реализации правовой политики принципиально важно исследовать их взаимосвязь и взаимообусловленность не в вертикальной плоскости (соподчинения и степени важности), а в горизонтальной (взаимообусловленности), отдавая себе отчет в том, что только в сбалансированной реализации их всех, будут достигнуты исходные цели. Так, бесспорно, наиболее «заметной» по форме своего внешеного выражения выступает правотворческая политика, однако чтобы успешно решать стоящие перед ней задачи, правотворческая политика должна базироваться на системе определенных принципов, к числу которых относятся: научная обоснованность, системность, предсказуемость и планомерность, что, безусловно, недостижимо без использования таких форм как доктринальной, обучающей и т. д.

Доктрина правотворческой политики государства с одной стороны обусловлена направлением правовой политики страны в целом, однако одновременно с этим именно результат правотворческой политики, внешне выраженный, в первую очередь в виде норм права, дает возможность оценить насколько верно выбраны стратегически направления реализации функций государства, в том числе соответствует ли она международным правовым стандартам, а также выработанным правовой доктриной теориям и практике построения правового государства [17]. Игнорирование положений юридической доктрины в процессе реализации правотворческой политики, непременно влечет появление различных детерминант влияющих в целом на эффективность правотворчества, которые выражаются, прежде всего, в регулярном нарушении законодателем границ правового регулирования тех или иных общественных отношений, порождающих принятие правовых норм без какого либо правового содержания. В качестве одной из детерминант также препятствующих построению эффективной правотворческой политики выступает, безусловно, отсутствие четких критериев и границ разграничения полномочий между государственными органами различных уровней и органов местного самоуправления

Как отмечается в юридической науке, именно на правотворческую политику возлагается основная роль по устранению существующих проблем в правовом регулировании правовой жизни современной России. Как отмечает А. П. Мазуренко именно правотворческая политика выступает приоритетным направлением правовой политики России, и выражаеться в «...в *научно обоснованной* (курсив *Р. П.*), планомерной и системной деятельности государственных органов и негосударственных структур, направленной на определение стратегии и тактики правотворчества...» [19, с. 8—9].

В этой связи одним из приоритетных направлений правотворческой политики должно стать обеспечение юридической наукой развития и совершенствования существующего «правового поля», обеспечение динамичного развития действующего права, исключение застоя в правовом регулировании общественных отношений, доктринальное осмысление и формирование четких границ предмета и методов правового регулирования в зависимости от специфики регулируемых правом общественных отношений. Именно юридическая доктрина, со всем присущим ей методологическим инструментарием, реально способна и должна обеспечить механизмами и средствами не только выявления возможно существующих пробелов и противоречий современного законодательства, но и выработать четкие рекомендации и предложения для их устранения и исключения появления в будущем.

Игнорирование в правотворчестве положениями юридической доктрины касаемых, таких элементов как юридическая техника, методов сравнительно-правового анализа, научной обоснованности и целесообразности зачастую ведет не просто к отсутствию единой

системы российского права, а к прямому противоречию. Так, например, до сих пор не устранены коллизии в части регулирования охраны и защиты прав несовершеннолетних гражданским, семейным и уголовным законодательством, о котором мы неоднократно писали [31; 32].

Важным элементом доктринальных начал правотворческой политики выступает объективно обусловленная необходимость не только в определении реальных потребностей общества в правовом регулировании тех или иных сфер правовой жизни современной России, но и, что не маловажно в их преемственности и последовательности и во взаимосвязи обеспечения частных и публичных интересов.

Особое внимание в данном случае через призму положений юридической доктрины должно быть приковано к частноправовому регулированию. Говоря о необходимости построения правотворческой политики современной России в сфере частного права, надлежит базироваться, прежде всего, на доктринальных началах. Следует оговориться, что в контексте данного исследования под юридической доктриной мы понимаем — выработанную юридической наукой систему взглядов на проблемы правового регулирования общественных отношений, выраженных в форме принципов, презумпций, аксиом и иных основоположений, которая является моделью позитивного права, служит регулятором общественных отношений, определяет приоритетные направления, закономерности и тенденции развития законодательства, независимо от того, зафиксированы ли ее положения в каком либо документе [5; 33; 36].

Исходя из специфики предмета и метода правового регулирования частноправовых отношений, вполне закономерно сделать вывод о том, что именно в сфере частного права роль юридической доктрины наиболее заметна. Прежде всего, это связанно с методом правового регулирования частного права, который предполагает свободу волеизъявления участников, закрепленное в Гражданском кодексе РФ (далее ГК РФ), в частности п. 2 ст. 1 ГК РФ провозглашает, что участники гражданских правоотношений «...*свободны (курсив Р. П.)* в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении *любых* не противоречащих законодательству условий договора [10]». Кроме того, как вытекает из содержания принципа свободы договора, являющего одним из системообразующих правовых принципов частного права, предполагается правомочие контрагентов заключать договора как прямо предусмотренные ГК РФ, так и не предусмотренные им, но прямо ему не противоречащих. Именно поэтому на юридическую науку ложится ответственность по наиболее детальному регламентированию принципов гражданского права, оценочным категориям месте гражданского права в системе права и т. д.

Немаловажную, роль в этой связи, отводиться юридической доктрине как регулятору общественных отношений в сфере частного права постольку поскольку ст. 6. ГК РФ допускает применение к правоотношениям прямо не урегулированные ГК РФ либо договором гражданского законодательства, регулирующего схожие отношения (аналогия закона), а при невозможности аналогии закона, определять исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогии права), а что как не юридическая доктрина в состоянии оперативно и четко выявить данные начала и применить их на практике?

В этой связи в качестве основного постулата доктринальных начал построения правотворческой политики в сфере частного права следует выделить, научную обоснованность, последовательность и системность государственной политики в рассматриваемой нами сфере. Одной из задач юридической доктрины стоит критический анализ современного гражданского законодательства в его системе и взаимосвязи различных институтов гражданского права. Наиболее пристальное внимание при формировании правовой политики частного права России следует обратить на обоснованность и целесообразность достаточно детального дробления на различные виды юридических лиц как субъектов гражданского права относящихся к группе некоммерческих. Как нам представляется, более обоснованным при развитии концепции некоммерческих юридических лиц, возникает объективная необходимость систематизация и обобщение схожих по своей правовой природе организационно правовых форм.

Внесенные в последние годы изменения в ГК РФ существенно расширили как классификацию по группам некоммерческих юридических лиц, так и их перечень, что, к сожалению, на практике может привести к негативным явлениям, когда участники сами будут не в состоянии выявить характерные отличия и особенности одного юридического лица от другого.

В этой связи трудно не согласится с Д. А. Медведевым, который в свое время

отмечал, что он видит *«главную цель такого совершенствования»* в том, чтобы на основе огромного опыта судебного толкования и применения Гражданского Кодекса пополнить его часть первую нормами, полнее *отражающими состояние отношений собственности в нашей стране, более точно регламентирующими статус юридических лиц разных видов»* [22], что, как нам кажется, сохранило свою актуальность и по настоящий момент.

Трудно не согласиться с позицией, которая сложилась, еще начиная с советского периода развития права в нашей стране, характеризующая правотворчество как деятельность государства (государственных органов) по выявлению потребности в нормативном правовом регулировании общественных отношений и создании в соответствии с выявленными потребностями новых правовых норм, замене и отмене действующих. Такая точка зрения является наиболее распространенной и в современной теории права.

В настоящее время, достаточно часто, критикуя и обосновывая несовершенство правотворческой политики в современной России, авторы объясняют данное положение вещей «...отсутствием федерального закона, регулирующего правотворческую процедуру...», с чем достаточно сложно согласиться, поскольку сам факт наличия подобного закона никоим образом не позволит исключить существующих проблем и ошибок. Как нам представляется, речь в данном случае должна идти, прежде всего, о более активном участии и роли ученых правоведов в правотворческом процессе на различных стадиях подготовки и рассмотрения законопроектов, в том числе: общественные дебаты; заслушивание обоснований целесообразности того или иного проекта закона; научная экспертиза готовящихся законопроектов; тщательная подготовка всех необходимых материалов к законопроектам, включая обоснование общественной потребности в таком законе, экономической эффективности, финансовой обеспеченности и т. д.; к сожалению практически полностью в современной правотворческой политике перестал использоваться сравнительно правовой хорошо известных юридической доктрине; привлечение видных ученых как в отдельных отраслях права так и теоретиков права для участия непосредственно в качестве членов комиссий и рабочих групп; и т. п.

В свете вышеуказанного следует отметить, что одной из центральных проблем правотворчества, влияющей на эффективность законодательства, является именно некачественная подготовка проектов нормативных правовых актов. Как правило, проекты готовятся и обсуждаются на заседаниях правотворческих органов без участия ученых-юристов, специализирующихся на изучении правотворчества, не привлекаются также и юристы-практики. Такое положение дел приводит к тому, что игнорируются требования юридической техники, а как следствие страдает качество законодательства.

Вместе с тем именно активизация роли ученых-юристов в правотворчестве выступает необходимым условием повышения качества принимаемых нормативных правовых актов и предпосылкой эффективности содержащихся в них норм. Справедливости ради нельзя сказать, что тезис о необходимости научного обеспечения правотворчества не претворяется в жизнь, однако проблема в том, что выбор экспертов сам по себе полностью оставлен на усмотрение приглашающих их должностных лиц, и далеко не всегда эксперты являются специалистами в соответствующей проблематике.

Существенное влияние на эффективность правотворческого процесса может оказать использование научных разработок, конструктивных рекомендаций, предлагаемых учеными-юристами.

Бесспорным представляется точка зрения, согласно которой правотворчество с абсолютной уверенностью целесообразно соотносить в их взаимообусловленности как в научной так в практической ее составляющей. Именно доктринальные исследования в их взаимосвязи выступает, пожалуй, одним из важнейших, если не единственным условием обеспечения надлежащего качества и эффективности в последующей правоприменительной практике.

Отсюда вытекает необходимость четкого понимания и установления правовых доктрин разграничения в особенностях правового регулирования отраслей частного и публичного права.

Особенного нарекания с позиций юридической доктрины правотворческая политика имеет в части непоследовательности, а зачастую и полного отсутствия преемственности, что в свою очередь приводит к различным негативным последствиям. Так, например, постоянная смена и изменение правил дорожного движения зачастую служит источником к способствованию возникновения ДТП и как следствие причинения вреда жизни здоровью и имуществу граждан и юриди-

ческих лиц. Зачастую данные изменения носят характер поступательных движений на одном месте, когда сначала отменяются старые правила и вводиться новые, а затем отменяются новые и возвращаются к ранее действовавшим в результате чего участники дорожного движения не успевают за законодателем. В качестве примера следует привести проект Постановления, подготовленный и представленный на утверждение Правительством РФ «О внесении изменений в Правила дорожного движения Российской Федерации», согласно которого Правительство Российской Федерации предлагает: Внести в Правила дорожного движения Российской Федерации, утвержденные постановлением Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации, 1993, № 47, ст. 4531; Собрание законодательства Российской Федерации, 2010, № 20, ст. 2471), следующие изменения: «... в) дополнить новым пунктом 13.111 следующего содержания: «13.111. При въезде на перекресток, на котором организовано круговое движение, обозначенный знаком 4.3, водитель транспортного средства обязан уступить дорогу транспортным средствам, движущимся по такому перекрестку» [7]. В изменении правил проезда на круговых перекрестках нет необходимости, заявил RT глава Движения автомобилистов России Виктор Похмелкин. По его словам, у водителей есть привычка при отсутствии дорожных знаков уступать тем, кто заезжает на круговой перекресток справа, поэтому новые правила могут нести в себе опасность. «Это вызовет существенную дезорганизацию дорожного движения. Потому что люди могут не знать о новом правиле, и получится полная неразбериха» [46]. Очевидно, что для того чтобы предоставить приоритет водителям транспортных средств, двигающихся по кругу, достаточно поставить перед круговыми перекрестками соответствующие знаки, что в настоящее время и делается на дорогах в России.

Не менее важным с позиций правовой доктрины выступает необходимость в процессе осуществления и реализации правотворческой политики учитывать современные процессы происходящие в мире в первую очередь процессы глобализации и интеграции. Экономическая интеграция государств и рост уровня их взаимозависимости приводят к формированию международного (глобального) гражданского общества. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, имеет особое значение, поскольку в этих условиях на государство ложится дополнительная ответственность по обеспечению мира, безопасности, прав и свобод человека и верховенства права, что, как известно, выступает в качестве основной задачи правотворческой политики.

В рамках нашего исследования следует акцентировать внимание на том, что всякая политика имеет в целом и правотворческая прежде всего (должна иметь) два уровня — теоретический, или научный (доктринальный), и практический, или прикладной. Всякая политическая программа есть, по сути, теоретический аспект той или иной практической политики. Именно с нее начинается постановка целей и задач, определение способов и средств их достижения. Именно в связи с этим вызывает нарекание практически полное отрицание возможности использования юридической доктрины в правотворчестве. Более того, ситуация в этой области представляется весьма противоречивой. Так, с одной стороны, в современной российской юридической литературе наблюдается повышенный интерес к проблеме правовой политики и ее доктринальным началам. Ей посвящаются «круглые столы» [20] и научные конференции [15; 21; 29; 30], монографии [1; 11; 14; 36] и учебные пособия [27; 38]. На эту тему защищаются докторские и кандидатские диссертации [16]. Трибуной ее обсуждения выступают журналы «Право и политика» (г. Москва), «Правовая политика и правовая жизнь» (г. Саратов). С другой стороны, понятие правовой политики в целом и правотворческой политики в частности так и не стало общепринятым в научной литературе.

Противоречивость и непоследовательность правовой политики в современной России лишь подтверждает, что эта политика не может быть эффективнее того права, которое используется для ее осуществления. Именно на правотворческую политику возлагается та стержнеобразующая функция, которая должна проходить «красной нитью» в процессе формирования правовой системы.

Представляется, что одним из существенных факторов противоречивости отечественной правовой политики последнего столетия является не всегда корректная и непоследовательная методология ее исследования. Дефекты этой методологии в общем и целом сводятся к отсутствию системности в видении правовой политики. Кроме того практически отсутствует деятельность по выявлению

закономерностей развития и действия законодательства, игнорирование выработанного юридической доктриной «закон исторического повторения». Закономерность истории состоит в том, что всякий новый общественный строй вырастает как бы «на плечах» предшествующего. Это означает, что его предпосылки формируются в недрах старого общества, а сам он является продуктом исторической эволюции, (даже там, где утверждается революционным путем). Еще Гегель отмечал, что в каждую новую эпоху происходит отрицание старого общества путем восприятия его в «снятом», или преобразованном виде [8]. В условиях очередного переходного периода власть легко может сделать непродуманные шаги, совершить ошибки. В этих условиях задача экспертов заключается не только в том, чтобы указать на ошибки, но и в том, чтобы предложить более правильные, более целесообразные решения [43]. Именно в правотворческой политике нельзя не учитывать этапы развития законодательства, выделяя при этом главную стратегическую цель, которая связана с принципами законодательства [40].

Представляется бесспорным, что в настоящее время «...как никогда от правовой науки требуется активное вторжение в жизнь, разумное критическое отношение к юридической действительности» [2].

Вместе с тем, следует отметить, что в последнее время наметился заметный сдвиг законодателей всех уровней к обращению своего внимания в процессе осуществления правотворческой деятельности к положениям юридической доктрины. Необходимо также отметить тенденцию на то, что законодатель в процессе правотворческой деятельности обращается к положениям не только юридической доктрины отдельных отраслей права но, что немаловажно к общеправовой юридической доктрине. В частности все чаще законопроекты разрабатываться с участием видных ученых и научных коллективов, проходят правовую экспертизу в научно исследовательских институтах и т. д. Однако данное положение все еще остается в неразвитом состоянии, что в свою очередь приводит к пробелам в праве, к правовым коллизиям, принятию декларативных нормативно-правовых актов и т. д. Одной из причин такого отношения к юридической доктрине была приверженность нашего государства к позитивной теория представления о праве, где под правом понимался непосредственно закон. В настоящее время представления о соотношении права и закона меняются, что в большей мере соответствует тем положениям юридической доктрины, которые были выработаны учеными на протяжении многих лет. Еще Людвиг Фейербах говорил «право первоначально не зависит от закона, а, наоборот, закон зависит от права. Закон закрепляет только то, что является правом и по праву, только превращает право в долг для других» [41, с. 320]. В данном случае именно «право науки восполняет пробел» [34, с. 311] в писаном праве; другими словами «подлежащие применению юридические положения нужно извлечь из этого права, нужно добыть научным путем, применением внутренних основ» [34, с. 311]. Данные задачи может решить только юридическая доктрина, ведь «история человечества есть постоянная борьба между идеями и интересами, последние всегда побеждают на мгновение, длительно же побеждают всегда идеи» [41, с. 322].

Именно поэтому необходимо обратить внимание на то, что необходимым условием оптимизации правотворческой попытки, а, следовательно, и принимаемых законов является их научное обоснование. Готовя законопроект, законодатель должен всегда помнить, что «пирамиду законов венчает вечный закон, который заключен в боге. Производным от него является естественный закон, а конкретизацией последнего служат позитивнее законы» [42, с. 141], другими словами законодатель всегда должен помнить, что превыше любого закона стоит право, а кто как не ученые могут дать объективную оценку праву на той или иной стадии развития общества.

На наш взгляд трудно не согласиться с высказыванием С. В. Полениной говорящей о том, что «Активизация роли науки в формировании правотворческой политики и в законотворчестве — необходимая предпосылка повышения качества принимаемых законов и эффективности содержащихся в них норм» [26, с. 192]. Именно повышение роли науки, является необходимым фактором, который поможет не только повысить качество принимаемых законов, но и их применение в последующем, а также, что является не маловажным фактором, снизит уровень правового нигилизма в нашем обществе, одной из причин существования которого как раз и является огромное количество нормативно-правовых актов принятых в обход существующей в нашей стране юридической доктрине.

Безусловно, неправомерно говорить о полном игнорировании положений юри-

дической доктрины в процессе реализации правотворческой политики, очевидно, что субъекты правотворческой политики различного уровня нередко привлекают научную общественность к разработке тех или иных правовых актов, однако в целом этот процесс является единичным и не системным. Одной из причин данного положения вещей на наш взгляд являться непризнание нашей правовой системой юридической доктрины в качестве источника права, что соответственно приводит к тому, что законодатель использует в своей деятельности положения юридической доктрины только тогда, когда положения юридической доктрины совпадают с его представлениями о том или ином правовом явлении. А ведь еще А. Эйнзидель в своих трудах отмечал, что «неверный взгляд, будто воля народа творит закон. Необходимо также отметить, что поскольку не все люди еще столь культурны, чтобы это понимать, законы должны поначалу исходить от культурного меньшинства» [45, с. 288], то есть от юридической доктрины, которая занимается этими проблемами на профессиональной основе. В данном случае именно юридическая доктрина выступает в качестве источника нового права. Именно построение всего правотворческого процесса в нашей стране на основе юридической доктрины приведет к реализации идеи Гераклита о том, что «Народ должен сражаться за законы, как за свои стены» [9, с. 82], а это возможно только в том случае, когда народ будет признавать принимаемые законы как законы, построенные на началах естественного права.

Кроме того, необходимо отметить, что именно не учитывание положений юридической доктрины России на начальном этапе построения «новой» России привело к слепому переписыванию законов других стран без учета национальных особенностей нашей правовой системы и что не маловажно без учета тенденций изменения общественных отношений в мире. При этом юридической доктриной уже давно сформулировано положение о недопустимости подобных заимствований, в частности Г. Ф. Пухта [34, с. 305] писал — право одних народов по необходимости отличается от права других народов. Следствием этого является различие прав по народам; особенности юридических воззрений так же, как и язык, принадлежит к характеристическим признакам различной национальности. Как общность права есть одна из духовных связей, поддерживающих народ, так и своеобразное развитие юридического сознания образует один из элементов, отличающих один народ от других. Также справедливым представляется его утверждение о том, что право обладает своими провинциализмами так же, как и язык [34, с. 307]. В своих рассуждениях он идет дальше и говорит о том, что даже когда один народ распадается на многие народы, то между ними замечается родство, как в праве, так и в языке, но, с другой стороны, каждый из этих народов будет в обоих отношениях развиваться своеобразным образом. И подтверждение данных позиций мы можем наблюдать в наши дни, когда произошло разделение СССР на отдельные государства и каждое государство, несмотря на общность, имеет свои особенности. Такой же позиции придерживался и Люй Бу-Вэй, который в своем произведении «Люй-ши чунь цю» датируемый III веком до н. э. писал: «...Почему государи не берут за образец законы прежних правителей? Не потому, что эти правители были не мудры, а потому, что нельзя брать их законы за образец. Законоположения прежних ванов дошли до нас через ряд прошлых поколений, при этом некоторые люди добавляли к ним что-то, некоторые исключали из них что-то; как же можно брать и копировать эти законы?» [18, с. 68]. Говоря о недопустимости слепого копирования чужих законов, мы должны понимать, что данное «правотворчество» неизменно придем к элементарным ошибкам в понятийном аппарате, который свойственен при переводах с иностранных языков «у древних и нынешних законов язык различный и уложения несхожие — вот почему в древних названиях многое не подходит к сегодняшним словам, а в нынешних законоположениях многое не соответствует древним законам» [18, с. 69].

Любой закон прежних правителей был необходим в свое время. Время и закон развиваются не одинаково, и пусть старые законы дошли до нас, все же копировать их нельзя. Данную мысль развивает в своем труде «О достоинствах и приумножениях наук» Ф. Бэкон, в частности он пишет, Существует два способа создания нового закона. Первый — усилить и подкрепить прежние законы аналогичного содержания и затем кое-что прибавить или изменить. Второй — полностью уничтожить созданное до этого и поставить на его место совершенно новый закон. Последний способ, несомненно, лучше [3, с. 184].

Говоря об ошибках допущенных нашими законодателями на начальной стадии формирования нашего государства, можно говорить о том, что нежелание при-

знавать свои ошибки и соответственно их исправлении, несмотря на многочисленные высказывания ученых на научных конференциях может привести к последствиям, о которых писал Люй Бу-Вэй говоря, что «когда правят государством, не имея законов, получается беспорядок; когда упрямо придерживаются старых законов и не меняют их, наступает беззаконие. При беспорядке и беззаконии невозможно сохранить государство» [3, с. 184]. В настоящее время мы уже видим определенные последствия, в том числе повышение криминализации общества, снижение правовой культуры и правового образования, рост правового нигилизма и т. д.

В процессе правотворческой деятельности зачастую забывается сформулированное еще в 1560 году положение юридической доктрины, сформулированное А. Ф. Моджевским [23, с. 154] о том, что законы должны опираться на какое-либо разумное основание. Основная функция законов состоит не только в том, что они налагают кары за преступления, но также и в том, что они убеждают, что не следует вообще грешить. В частности законодатель допускает на наш взгляд большую ошибку в свете последних изменений в УК РФ. Существующая тенденция в сфере уголовной политики противоречит исторически выработанному положению предусматривающему, что «вельможи, шляхтичи и лица, занимающие высокие должности, должны наказываться строже, чем беззащитные, плебеи и частные лица. При этом лица, совершающие преступления против власти, должны наказываться строже, чем лица, совершающие преступления против частных лиц» [23, с. 154].

В заключении говоря о необходимости использования юридической доктрины в правотворческой деятельности (именно право — творческой, а не законно — творческой) хотелось бы привести высказывание Жан-Жака Руссо о том, что все наши силы необходимо обратить на создание высшей власти, которая будет править нами, согласно мудрым законам [39, с. 214], а кто как не мудрые ученые правоведы помогут в создании этих самых мудрых законов. В соответствии с этим представляется обоснованным более тесный контакт законодателя с юридической доктриной не только с целью создания грамотных и нужных законов, но и непосредственно сохранения нашего государства. Именно прямое и непосредственное использование положений юридической доктрины России в правотворческой и правоприменительной деятельности на наш взгляд позволит праву развиваться в соответствии с реалиями и объективными потребностями общественной жизни нашей страны. Данное взаимодействие может быть нарушено, только тогда когда «стараются ослабить силу ... науки и поставить дальнейшее движение права в зависимость единственно от законодателя... и в этом случае неизбежным бывает одно их двух: или право не будет соответствовать требованиям времени, или оно внезапными обновлениями законодательства оторвется от общения с жизнью народа; в обоих случаях прекратиться гармония права с развитием народа» [34, с. 310].

Поднимая Вопрос о современном Российском законодательстве, а тем более о тенденциях его совершенствования и развития, необходимо отметить, что, как и большинство сфер общественной жизни современной России, правоведение начинает переживать свое «второе рождение». Все чаще и чаще слышаться призывы к формированию Российского законодательства на глубоко проработанной научной основе. Все чаще законодатели всех уровней привлекают отдельных ученых, научно исследовательские институты и группы к разработке того или иного проекта нормативно-правового акта. В данном случае можно смело говорить о том, что юридическая доктрина перестала занимать скромное место «рупора» государственной идеологии, которое ей отводилось в советский период и все больше становиться не просто самостоятельной, но она частично взяла на себя элементы правотворчества, по крайней мере, в части законодательной инициативы.

В данном случае необходимо четко понимать, что именно на плечи юридической науки ложиться бремя выработки и принятия «Юридической доктрины России», которая будет включать в себя стратегию и «идеологию» правового развития российского законодательства, причем, как нам представляется, она должна состоять из краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных программ. Наиболее подвижными и часто изменяемыми, в данном случае, объективно будут краткосрочные направления юридической доктрины, которые будут включать в себя проблемы развития национального законодательства, требующие наиболее оперативного и немедленного решения, не требующие отлагательства. Среднесрочные, соответственно, должны быть направлены на системное последовательное и планомерное совершенствование российского законодательства в части его совершен-

ствования, приведения в соответствие с международными стандартами, но с безусловным адаптированием под национальный менталитет.

При этом юридическая доктрина, должна отходить от «шоковой терапии» в развитии российского законодательства присущих ему в 90-е годы XX века, когда законодатель скоропалительно вводил отдельные правовые институты, не признаваемые Советской системой, без их социальной адаптации. Долгосрочные программы предполагают, под собой, единую стратегическую цель, на достижение которой и будут направлены усилия, как юридической науки, так и законодателей, правоприменителей, а также весь потенциал Российской государственности. Как нам представляется одним из наиболее стратегически важных направлений юридической доктрины должно стать повышение места, роли и функций юридической науки в государственно-правовом механизме регулирования общественных отношений.

В связи с этим мы бы хотели предложить следующий алгоритм, показывающий определяющее влияние юридической доктрины на совершенствование российского законодательства. Мы видим его в виде следующей схемы, с определенной степенью уверенности устанавливающий соответствующую причинно-следственную связь: Юридическая доктрина → Правовая политика → Законодательство → Правовое государство → Гражданское общество. Именно по данному эволюционному развитию, по нашему глубокому убеждению, должно двигаться Российское законодательство, которое действительно позволит говорить о «высокоразвитой», научно обоснованной системе законодательства, и о реальном правовом прогрессе и модернизации.

Особого внимания следует уделить проблеме интеграции, в том числе и правовой Российской Федерации в международное сообщество. В этой связи именно юридической науке принадлежит главенствующая роль в процессе унификации категориального аппарата давно известного и широко используемого международным сообществом в вопросах правового регулирования, в общем, и защиты прав и свобод человека и гражданина как наиболее приоритетного направления деятельности международного сообщества в частности. Кроме этого в задачу юридической науки должно будет входить проблема адаптации международного правового опыта под реалии и национальные особенности России.

Подводя итог уместно заметить, что юридическая наука достаточно долго и достаточно успешно «боролась» за «чужие» права (права человека, права женщин и т. д.), думается, что наступило время «бороться» за права юридической доктрины, за ее «место под солнцем» в Российской правовой системе. В данном случае юридической доктрине пора выходить на иной, значительно отличающейся от прежних представлений о месте науки вообще и юридической в частности, уровень, который позволит на качественно новом уровне использовать тот высокий потенциал, который иметься у неё.

Литература

1. Автономов, А. С. Правовая онтология политики / А. С. Автономов. — М., 1999.
2. Баранов, В. М. Новые формы связи юридической науки с практикой / В. М. Баранов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. — № 1 (12). — С. 8.
3. Бекон Ф. О достоинствах и приумножениях наук / Ф. Бекон // Правовая мысль : антология ; авт.-сост. В. П. Малахов. — М. : Академический проект, 2003. С.184.
4. Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс : доктрина, теория, практика : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.01 / С. А. Белоусов. — Саратов, 2015. — 62 с.
5. Бондаренко, Т. Н. Сущность юридической доктрины в правовой политике / Т. Н. Бондаренко, Р. В. Пузиков // Развитие молодежной юридической науки в современном мире : сб. науч. трудов по материалам VII Междунар. науч.-практ. интернет-конференции 21 мая 2010 г. — Тамбов : Изд. Дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. — С. 24—33.
6. Борисов, А. С. Некоторые проблемы современного правотворчества в России / А. С. Борисов, П. А. Меркулов // Социум и власть. — 2015. — № 3 (53) — С. 65.
7. Водители получат приоритет при движении по круговым перекресткам // Российская газета. — 2017. — 26 авг. — URL: https://rg.ru/2017/08/26/voditeli-poluchat-prioritet-pri-dvizhenii-po-krugovym-perekrestkam.html. дата обращения 01.03.2018 г.
8. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. — М., 1992.

9. Гераклит Эфесский О природе / Гераклит Эфесский // Правовая мысль : антология ; авт.-сост. В. П. Малахов. — М. : Академический проект, 2003. — С. 82.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от. —1994. — № 32. — Ст. 3301.
11. Доктрина права: понятие, сущность, национальные особенности : монография / под общ. ред. Р. В. Пузикова, Я. Зелинского ; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина», Науч.-обр. центр правовой политики субъектов РФ. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. — 300 с.
12. Емелин, М. Ю. Правовая доктрина в системе источников общего права : на основе анализа правовой системы США : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / М. Ю. Емелин. — Саратов, 2015. — 32 с.
13. Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства 1800—1850-е гг. : автореф. дис. докт. юрид. наук / С. В. Кодан. — М., 2004.
14. Консервативная правовая идеология России: сущность и государственно-правовой идеал : монография / под ред. А. А. Васильева. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 264 с. (Теория и история государства и права)
15. Конституция как гарант стабильности и защиты общечеловеческих ценностей : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. (20 декабря 2017 г.) / отв. ред. Б. Б. Сулейманов ; сост. Ю. А. Орцханова, Е. Г. Камышова Т. 1. — М., 2017.
16. Коробова, А. П. Правовая политика: понятие, формы реализации, приоритеты в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. П. Коробова. — Самара, 2000.
17. Коробова, А. П. Правовая политика (понятие, формы реализации, приоритеты в современной России) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Самара, 2000.
18. Люй Бу-Вэй Люй-ши чунь цю // Правовая мысль : антология / авт.-сост. В. П. Малахов. — М. : Академический проект, 2003. — С. 68.
19. Мазуренко, А. П. Правотворческая политика в Российской Федерации: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. П. Мазуренко. — Пятигорск, 2004.
20. Малько, А. В. Современная российская правовая политика и правовая жизнь / А. В. Малько // Правовая политика и правовая жизнь : материалы «круглого стола», состоявшегося 12 сентября 2000 г. в ПГТУ ; под ред. В. А. Казначеева. — Пятигорск : Пятигорский технол. ун-т, 2002. — С. 10. (Юридические науки)
21. Матузов, Н. И. Правовая политика: концепция и реальность / Н. И. Матузов // Правовая политика: федеральные и региональные проблемы : материалы науч. конф. 22—23 июня 2000 г. ; под ред. Н. И. Матузова. — Саратов ; Тольятти, 2001. — С. 36.
22. Медведев, Д. А. Новый Гражданский кодекс Российской Федерации: вопросы кодификации / Д. А. Медведев // Кодификация российского частного права. — М. : Статут, 2008. — С. 328—334.
23. Моджевский А. Ф. Об исправлении государства / А. Ф. Моджевский // Правовая мысль : антология ; авт.-сост. В. П. Малахов. — М. : Академический проект, 2003. — С. 154.
24. Орехов, О. С. Доктрина свободы усмотрения государств в практике Европейского суда по правам человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / О. С. Орехов. — Казань, 2016. — 21 с.
25. Поветкина, Н. А. Финансовая устойчивость Российской Федерации : правовая доктрина и практика обеспечения : авторефю дис. ... доктю юридю наук : 12.00.04 / Н. А. Поветкина. — М., 2016. — 42 с.
26. Поленина, С. В. Правотворческая политика / С. В. Поленина // Российская правовая политика : курс лекций ; под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. И. Матузова, докт. юрид. наук А. В. Малько. — М. : Норма, 2003. — С. 192.
27. Правовая политика : учеб. пособие / под ред. А. В. Малько, Р. В. Пузикова ; М-во обр. и науки РФ [и др.]. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. — 570 с.
28. Правовая политика в сфере частного права: проблемы и пути их решения : монография / под ред. Е. В. Вавилина, Р. В. Пузикова. — Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. — 306 с.
29. Пузиков, Р. В. Правовая жизнь России: проблемы теории и практики / Р. В. Пузиков ; Конституционный Суд Республики Дагестан ; РАН, Саратовский филиал ин-та государства и права ; Научно-образовательный центр «Юридическая техника как средство правовой политики» ; ВГУЮ (РПА Минюста России), Северо-Кавказский (г. Махачкала) институт. — Махачкала, 2017. — 368 с.
30. Пузиков, Р. В. Правовая жизнь России: проблемы теории и практики / Р. В. Пузиков // Политическая и правовая жизнь современной России: федеральный и региональный уровни : сб. науч. трудов по материалам всерос.о науч.-практ. «круглого стола» ; под ред. А. В. Малько, Б. Б. Сулейманова ; Российская академия наук, Саратовский филиал Института государства и права ; Санкт-Петербургский государственный экономический университет — филиал в г. Кизляр ; ВГУЮ РПА Минюста России, Северо-Кавказский (г. Махачала) филиал. — М. : ВГУЮ РПА Минюста России, 2017. — 200 с.

31. Пузиков, Р. В. Правовая политика в сфере применения правовых презумпций / Р. В. Пузиков // Юридическая техника: ежегодник. — № 4 : Первые Бабаевские чтения — Нижний Новгород, , 2010. — С. 470—479.
32. Пузиков Р. В. Правовая политика России в сфере частного права сквозь призму юридической доктрины / Р. В. Пузиков // Правовая политика в сфере частного права: проблемы и пути их решения : монография ; под ред. Е. В. Вавилина, Р. В. Пузикова ; Рос. акад. наук [и др.]. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. — С. 9—40.
33. Пузиков, Р. В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р. В. Пузиков. — Нижний Новгород, 2003. — 22 с.
34. Пухта Г. Ф. Энциклопедия права / Г. Ф. Пухта // Правовая мысль : антология ; авт.-сост. В. П. Малахов. — М. : Академический проект, 2003.
35. Правовая политика России (общетеоретический и отраслевые проблемы) : учеб. пособие / под науч. ред. докт. юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ А. В. Малько. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 456.
36. Правовая политика : учеб. пособие / под ред. А. В. Малько, Р. В. Пузикова ; М-во обр. и науки РФ [и др.]. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. — 570 с.
37. Российская правовая политика / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — М., 2003.
38. Рудковский, В. А. Правоприменительная политика: сущность и содержание : учеб. пособие / В. А. Рудковский. — Волгоград. 1999.
39. Руссо, Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми / Жан-Жак Руссо // Правовая мысль : антология ; авт.-сост. В. П. Малахов. — М. : Академический проект, 2003. — С. 214.
40. Рыбаков, О. Ю. Правовая политика как юридическая категория : понятие и признаки / О. Ю. Рыбаков // Журнал российского права. — 2002. — № 3. — С. 75.
41. Фейербах, Л. Право и государство / Л. Фейербах // Правовая мысль : антология ; авт.-сост. В. П. Малахов. — М. : Академический проект, 2003.
42. Фома Аквинский О правлении князей / Фома Аквинский // Правовая мысль : антология ; авт.-сост. В. П. Малахов. — М. : Академический проект, 2003.
43. Чернышов, Ю. Г. Как сделать государство авторитетным, но не авторитарным? / Ю. Г. Чернышов // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 10. Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития : материалы науч.-практ. конф. / под ред. проф. Ю. Г. Чернышова. — Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2000. — 224 с.
44. Шевченко, О. А. Правовая доктрина регулирования труда в сфере профессионального спорта и пути ее реализации в России : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.05 / О. А. Шевченко. — М., 2015. — 371 с.
45. Эйнзидель А. Афоризмы А. Эйнзидель // Правовая мысль : антология ; авт.-сост. В. П. Малахов. — М. : Академический проект, 2003.
46. Эксперт назвал идею МВД изменить правила кругового движения опасной // РИА Новости . — URL: https://ria.ru/society/20170828/1501246798.html

References

1. Avtonomov A. S. Pravovaja ontologija politiki. M., 1999;
2. Baranov V.M. Novye formy svjazi juridicheskoj nauki s praktikoj // Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2010. — № 1 (12). — S. 8.
3. Bekon F. O dostoinstvah i priumnozhenijah nauk // Pravovaja mysl': Antologija / Avtor-sostavitel' V.P. Malahov. — M.: Akademicheskij proekt, 2003. S.184.
4. Belousov S.A. Zakonodatel'nyj disbalans : doktrina, teorija, praktika : avtoreferat dis. ... doktora juridicheskih nauk : 12.00.01 / Belousov Sergej Aleksandrovich; [Mesto zashhity: Sarat. gos. jurid. akad.]. — Saratov, 2015. — 62 s. 3.
5. Bondarenko T.N., Puzikov R.V. Sushhnost' juridicheskoj doktriny v pravovoj politike // Razvitie molodezhnoj juridicheskoj nauki v sovremennom mire: Sbornik nauchnyh trudov po materialam VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj internet-konferencii 21 maja 2010 g.. — Tambov: Izd. Dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2010. — S. 24-33.;
6. Borisov A.S., Merkulov P.A. Nekotorye problemy sovremennogo pravotvorchestva v Rossii // Socium i vlast' № 3 (53) 2015. S. 65.
7. Voditeli poluchat prioritet pri dvizhenii po krugovym perekrestkam // Rossijskaja gazeta. — 2017. —26 avg. — URL: https://rg.ru/2017/08/26/voditeli-poluchat-prioritet-pri-dvizhenii-po-krugovym-perekrestkam.html. data obrashhenija 01.03.2018 g.
8. Gegel' Filosofija prava. M., 1992 g.
9. Geraklit Jefesskij O prirode // Pravovaja mysl': Antologija / Avtor-sostavitel' V.P. Malahov. — M.: Akademicheskij proekt, 2003. S. 82.
10. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 28.03.2017) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 05.12.1994, № 32, St. 3301.

11. Doktrina prava: ponjatie, sushhnost', nacional'nye osobennosti : monografija / pod obshh. red. R.V. Puzikova, Ja. Zelinskogo ; M-vo obr. i nauki RF, FGBOU VO «Tamb. gos. un-t im. G.R. Derzhavina», Nauch.-obr. centr pravovoj politiki sub#ektov RF. — Tambov : Izdatel'-skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2016. — 300 s.;
12. Emelin M.Ju. Pravovaja doktrina v sisteme istochnikov obshhego prava : na osnove analiza pravovoj sistemy SShA : avtoreferat dis. ... kandidata juridicheskih nauk : 12.00.01 / Emelin Mihail Jur'evich; [Mesto zashhity: Sarat. gos. jurid. akad.]. — Saratov, 2015. — 32 s.;
13. Kodan S.V. Juridicheskaja politika Rossijskogo gosudarstva 1800-1850-e gg. Avtoref. dokt. diss. M., 2004.;
14. Konservativnaja pravovaja ideologija Rossii: sushhnost' i gosudarstvenno-pravovoj ideal // Monografija / Pod redakciej A.A. Vasil'eva. Moskva, Izdatel'stvo «Jurlitinform», 2016. Ser. Teorija i istorija gosudarstva i prava. 264 s.
15. Konstitucija kak garant stabil'nosti i zashhity obshhechelovecheskih cennostej : materialy I Vseros. nauch.-prakt. konf. (20 dekabrja 2017 g.) T.1 / otv. red. B. B. Sulejmanov ; sost. Ju. A. Orchanova, E. G. Kamyshova
16. Korobova A.L. Pravovaja politika: ponjatie, formy realizacii, prioritety v sovremennoj Rossii. Avtoref. kand. diss. Samara 2000;
17. Korobova A.P. Pravovaja politika (Ponjatie, formy realizacii, prioritety v sovremennoj Rossii) : Dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.01 : Samara, 2000. — S. 7.
18. Ljuj Bu-Vjej Ljuj-shi chun' cju // Pravovaja mysl': Antologija / Avtor-sostavitel' V.P. Malahov. — M.: Akademicheskij proekt, 2003. S. 68.
19. Mazurenko A.P. Pravotvorcheskaja politika v Rossijskoj Federacii: problemy teorii i praktiki : Dis. ... kand. jurid. nauk : 12.00.01 : Pjatigorsk, 2004. — S. 8-9.
20. Mal'ko A.V. Sovremennaja rossijskaja pravovaja politika i pravovaja zhizn'.// Pravovaja politika i pravovaja zhizn'. Materialy «kruglogo stola», sostojavshegosja 12 sentjabrja 2000 g. v PGTU. Pod red. V.A.Kaznacheeva. Pjatigorskij tehnologicheskij universitet. Nauchnye trudy J I. Serija: juridicheskie nauki. Pjatigorsk, 2002, s.10.
21. Matuzov N.I. Pravovaja politika: koncepcija i real'nost'. // Pravovaja politika: federal'nye i regional'nye problemy. Materialy nauchnoj konferencii 22 —23 ijunja 2000 g. Pod red. N.I. Matuzova. Saratov-Tol'jatti. 2001. S. 36.
22. Medvedev D.A. Novyj Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii: voprosy kodifikacii // Kodifikacija rossijskogo chastnogo prava. — M.: Statut, 2008. — S. 32-334
23. Modzhevskij A.F. Ob ispravlenii gosudarstva // Pravovaja mysl': Antologija / Avtor-sostavitel' V.P. Malahov. — M.: Akademicheskij proekt, 2003. S. 154
24. Orehov O.S. Doktrina svobody usmotrenija gosudarstv v praktike Evropejskogo suda po pravam cheloveka : avtoreferat dis. ... kandidata juridicheskih nauk : 12.00.10 / Orehov Oleg Sergeevich; [Mesto zashhity: Kazan. (Privolzh.) feder. un-t]. — Kazan', 2016. — 21 s.
25. Povetkina N.A. Finansovaja ustojchivost' Rossijskoj Federacii : pravovaja doktrina i praktika obespechenija : avtoreferat dis. ... doktora juridicheskih nauk : 12.00.04 / Povetkina Natal'ja Alekseevna; [Mesto zashhity: In-t zakonodatel'stva i sravnit. pravovedenija pri Pravitel'stve RF]. — Moskva, 2016. — 42 s.;
26. Polenina S.V. «Pravotvorcheskaja politika» // Rossijskaja pravovaja politika: kurs lekcij / pod red. d.ju.n., prof. N.I. Matuzova i d.ju.n. A.V. Mal'ko. — M: Izdatel'stvo NORMA, 2003. S. 192.
27. Pravovaja politika : uchebnoe posobie / pod red. A.V. Mal'ko, R.V. Puzikova ; M-vo obr. i nauki RF [i dr.]. Tambov : Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2012. 570 s.
28. Pravovaja politika v sfere chastnogo prava: problemy i puti ih reshenija: monografija / Pod red.: Vavilin E.V., Puzikov R.V. — Tambov: Izdat. dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2010. — 306 c.
29. Puzikov R.V. Pravovaja zhizn' Rossii: problemy teorii i praktiki // Konstitucionnyj Sud Respubliki Dagestan ; RAN, Saratovskij filial in-ta gosudarstva i prava ; Nauchno-obrazovatel'nyj centr «Juridicheskaja tehnika kak sredstvo pravovoj politiki» ; VGUJu (RPA Minjusta Rossii), Severo-Kavkazskij (g. Mahachkala) institut. — Mahachkala, 2017. — 368 s.;
30. Puzikov R.V. Pravovaja zhizn' Rossii: problemy teorii i praktiki // Politicheskaja i pravovaja zhizn' sovremennoj Rossii: federal'nyj i regional'nyj urovni: sbornik nauchnyh trudov po materialam vserossijskogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola/Pod red. A.V. Mal'ko i B.B. Sulejmanova. [A.V. Mal'ko i dr.]; Rossijskaja akademija nauk, Saratovskij filial Instituta gosudarstva i prava; Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj jekonomicheskij universitet — filial v g. Kizljar; VGUJu RPA Minjusta Rossii, Severo-Kavkazskij (g. Mahachala) filial. — M.: VGUJu RPA Minjusta Rossii, 2017, 200 s.
31. Puzikov R.V. Pravovaja politika v sfere primenenija pravovyh prezumpcij // Juridicheskaja tehnika. Ezhegodnik № 4 : Pervye Babaevskie chtenija, 2010. N. Novgorod, S. 470 — 479.;
32. Puzikov R.V. Pravovaja politika Rossii v sfere chastnogo prava skvoz' prizmu juridicheskoj doktriny // Pravovaja politika v sfere chastnogo prava: problemy i puti ih reshenija : monografija / pod red. E.V. Vavilina, R.V. Puzikova ; Ros. akad. nauk [i dr.]. Tambov : Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2010. 306 s. S. 9-40. I dr.

33. Puzikov R.V. Juridicheskaja doktrina v sfere pravovogo regulirovanija: problemy teorii i praktiki. Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk / Puzikov R.V. — Nizhnij Novgorod, 2003. — 22 c.;
34. Puhta G.F. Jenciklopedija prava // Pravovaja mysl': Antologija / Avtor-sostavitel' V.P. Malahov. — M.: Akademicheskij proekt, 2003. S. 311.
35. Pravovaja politika Rossii (obshheteoreticheskij i otraslevye problemy): uchebnoe posobie / pod nauch. red. dokt. jurid. nauk, prof., zasl. dejatelja nauki RF A.V. Mal'ko. — M.: Jurlitinform, 2014. — 456.;
36. Pravovaja politika : uchebnoe posobie / pod red. A.V. Mal'ko, R.V. Puzikova ; M-vo obr. i nauki RF [i dr.]. Tambov : Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2012. 570 s.
37. Rossijskaja pravovaja politika / pod red. N. I. Matuzova, A. V. Mal'ko. M., 2003.;
38. Rudkovskij V.A. Pravoprimenitel'naja politika: sushhnost' i soderzhanie. Uchebnoe posobie. Volgograd. 1999 g.;
39. Russo Zhan-Zhak Rassuzhdenie o proishozhdenii i osnovanijah neravenstva mezhdu ljud'mi // Pravovaja mysl': Antologija / Avtor-sostavitel' V.P. Malahov. — M.: Akademicheskij proekt, 2003. S. 214.
40. Rybakov O.Ju. Pravovaja politika kak juridicheskaja kategorija : ponjatie i priznaki. // Zhurnal rossijskogo prava. — 2002. — № 3. — S. 75.
41. Fejerbah L. Pravo i gosudarstvo // Pravovaja mysl': Antologija / Avtor-sostavitel' V.P. Malahov. — M.: Akademicheskij proekt, 2003. S. 320.
42. Foma Akvinskij O pravlenii knjazej // Pravovaja mysl': Antologija / Avtor-sostavitel' V.P. Malahov. — M.: Akademicheskij proekt, 2003. S. 141.
43. Chernyshov Ju.G. Kak sdelat' gosudarstvo avtoritetnym, no ne avtoritarnym? // Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskih issledovanij. № 10. Rossija posle vyborov: perspektivy jekonomicheskogo i politicheskogo razvitija. Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii / Pod red. prof. Ju.G. Chernyshova. Barnaul: izd-vo Altajskogo un-ta, 2000. 224 s. S. 4.
44. Shevchenko O.A. Pravovaja doktrina regulirovanija truda v sfere professional'nogo sporta i puti ee realizacii v Rossii : dissertacija ... doktora juridicheskih nauk : 12.00.05 / Shevchenko Ol'ga Aleksandrovna; [Mesto zashhity: Federal'noe gosudarstvennoe bjudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovanija «Moskovskij gosudarstvennyj juridicheskij universitet imeni O.E. Kutafina (MGJuA)»]. — Moskva, 2015. — 371 s.;
45. Jejnzidel' A. Aforizmy // Pravovaja mysl': Antologija / Avtor-sostavitel' V.P. Malahov. — M.: Akademicheskij proekt, 2003. S. 288.
46. Jekspert nazval ideju MVD izmenit' pravila krugovogo dvizhenija opasnoj // RIA Novosti . — URL: https://ria.ru/society/20170828/1501246798.html

ПУЗИКОВ Руслан Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина». 392000, Россия, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33. E-mail: ruslanlaw@mail.ru

ЗЕЛИНЬСКИЙ Яцек, доктор политологических наук, ассоциированный профессор. Институт общественных наук и безопасности Естественно-гуманитарный университет в городе Седльце.000001471, Польша, г. Седльц, ул. Конарскиего, 208-110. E-mail: adilet1979@mail.ru

БЕКМАГАМБЕТОВ Алимжан Бауржанович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора по науке, Костанайский филиал Челябинского государственного университета. 110006, Республика Казахстан, г. Костанай, ул. Бородина 168 «а». E-mail: adilet1979@mail.ru

PUZIKOV Ruslan, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Civil Law Department of the Institute of Law and National Security of the State Educational Establishment of Higher Professional Education of the Tambov State University named after GR. Derzhavin “, 392000, Russia, Tambov Region, Tambov, ul. International, 33. E-mail: ruslanlaw@mail.ru

ZELINSKI Jacek, Doctor of Political Sciences, associate professor. Institute of Social Sciences and Security Natural and Humanitarian University in Siedlce. 000001471, Poland, Siedlce, ul. Konarskiego, 208-110. E-mail: adilet1979@mail.ru

BEKMAGAMBETOV Alimzhan, Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Director for Science, Kostanai Branch of Chelyabinsk State University. 110006, Republic of Kazakhstan, г.Kostanay sity, Borodina street 168 «a».
E-mail: adilet1979@mail.ru

ПРАВО
И ЭКОНОМИКА

ПП № 2(66)-2018. с. 50—53

УДК 004 : 338 : 34 + 004.738.5 : 336.743 : 34

О. В. Рак, Р. В. Литвинов, А. С. Людовских

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КРИПТОВАЛЮТЫ

O. V. Rak, R. V. Litvinov, A. S. Lyudovskikh

LEGAL STATUS OF CRYPTO CURRENCY

В последние годы в кругах исследователей нормативного регулирования общественных отношений, а также практических работников и всех тех, кто интересуется государственной жизнью, регулированием отношений в финансовой сфере, ведется дискуссия, что такое биткоин? Одни утверждают, что это «пузырь, который в любой момент может лопнуть», оставив тысячи и тысячи у разбитого корыта, другие же настаивают, что это революция в мире электронных платежей. Отношение к криптовалютам кардинально отличается. В статье рассматривается понятие биткоина, история его возникновения. Авторами проводится сравнительно-правовой анализ нормативного регулирования биткоина в некоторых зарубежных странах, а также проблемы его нормативного регулирования в Российской Федерации.

Ключевые слова: *криптовалюта, биткоин, платежные системы, финансовые операции, нормативное регулирование/*

In recent years, among researchers of the legal regulation of public relations, as well as practitioners and all those who are interested in public life, regulating relations in the financial sphere, there is a discussion, what a bitcoin is. Some argue that this is a "bubble that can burst at any moment," leaving thousands and thousands in the broken trough, while others insist that this is a revolution in the world of electronic payments. The attitude to crypto currency is fundamentally different. The article deals with the concept of the bitcoin, the history of its occurrence. The authors conduct a comparative analysis of the legal regulation of bitcoin in some foreign countries, as well as the problems of its legal regulation in the Russian Federation.

Keywords: *crypto currency, bitcoin, payment systems, financial transactions, legal regulation.*

Криптовалюта представляет собой разновидность электронной цифровой валюты, создание и контроль за которой основывается на криптографических преобразованиях. Понятие «криптовалюта» у многих связано с Биткоином (Bitcoin) — это первая и самая известная из множества криптовалют [1].

Что такое биткоин? Это виртуальная (цифровая) валюта. Отличается от традиционных денег тем, что не создается и не контролируется государством. Одни утверждают, что это пузырь, который в любой момент может лопнуть, оставив тысячи и тысячи у разбитого корыта, другие же настаивают, что это революция в мире электронных платежей.

Автором биткоина принято считать некоего Сатоши Накомото, который предложил электронную платежную систему, основанную на математических вычислениях. В 2009 он опубликовал статью о первой в мире криптовалюте биткоин, выложил реализацию клиента, запустил сеть биткоин и... бесследно исчез [3].

Появлению биткоина способствовал финансовый кризис 2008 года, столкновение мира с этим кризисом подорвало доверие к финансовым и банковским системам, поскольку большинство стран предпочли выручить свои банки за счет обыкновенных граждан, и уже тогда многие захотели получить новое решение, которое покрывало бы все основные не-

достатки фиатных (бумажных) денег: инфляцию, подделки, высокие комиссии за переводы и конвертацию. И это решение появилось в виде новых цифровых денег — криптовалюты.

Криптовалюта — это следующий шаг в эволюции денег, который пришел к нам в виде неизбежности. Первая особенность криптовалют заключается в том, что они зашифрованы и, следовательно, не могут быть подделаны. Второе преимущество — они имеют ограниченную эмиссию, что устраняет проблему инфляции. Третье преимущество заключается в том, что транзакции с криптовалютами обычно занимают секунды и комиссии за транзакции очень низкие, даже мизерные. Криптовалюта полностью анонимна и одновременно полностью прозрачна, т.к. хранит всю историю транзакций, которые когда-либо имели место, называется это последовательная цепочка блоков или блокчейн. Они предназначены для людей и доступны в любой точке земного шара, так как могут быть использованы при помощи мобильных телефонов, тем самым устраняя зависимость от банков и других посредников по переводу денежных средств, которые взимают высокую комиссию, имеют ограниченное количество часов работы и небольшую сеть филиалов [5].

Биткоин, как и другие криптовалюты, основан на технологии блокчейн, что делает транзакции (переводы) быстрыми и безопасными, его называют вторым поколением Внтернет, потому что эта технология позволяет нам передавать любые ценности онлайн. Главное отличие биткоина от любой национальной валюты — децентрализация. У него нет своего центробанка, как у рубля, его никто не контролирует, его никто не может напечатать или подделать, биткоин ничем не подтвержден. Ценность любой криптовалюты зависит только от спроса на нее. Децентрализованность биткоина и анонимность транзакций — основная причина по которой большинство стран не могут принять биткоин как платежное или иное средство.

Правовое регулирование операции с криптовалютой в большинстве развитых стран проводится, но подходы к определению их юридической природы неоднозначны. В некоторых странах Скандинавии это — финансовый актив, немцы считают использование криптовалюты — услугой, англичане — расчетами с использованием частной валюты. В Австралии и Канаде прибыль, полученная от операции с криптовалютой, рассматривается как инструмент приращения капитала и облагается соответствующим налогом (Япония была первой страной, которая признала криптовалюту, в частности биткоин — платежным средством, и ввела налог 8 % на операции с криптовалютой, но сразу же правительствую пришлось отказаться от этого налога, потому что он показал свою нецелесообразность). В США для ведения операций с криптовалютами требуется приобретения соответствующей лицензии [2].

Как мы видим, у российского законодательства огромное количество вариантов для подражания. Разрешение этого вопроса напрямую влияет на дальнейшую судьбу криптовалют в России — получат ли они признанный государством статус или будут запрещены, а также как будут вести себя налоговые органы, прокуратура и суды, регулируя дела с биткоинами.

При этом дискуссия в российских органах власти, похоже, близка к завершению. И сегодня можно с уверенностью сказать, что начался первый этап урегулирования криптовалют в России! Документ называется «Основные подходы к созданию «регулятивной песочницы» и урегулированию криптовалют в Российской Федерации», подготовлен при участии Института экономики роста им. П. А. Столыпина и Ассоциации электронных торговых площадок, презентован в Москве 3 ноября 2017 года. Юристы постарались прописать новые нормы так, чтобы не менять Гражданский кодекс. Так, предлагается внести ряд поправок в 149-ФЗ — прописать, что такое блокчейн, токен и майнинг. Регулирование же криптовалют предлагается организовать по следующей схеме: обменивать можно, расплачиваться — нельзя [4; 6].

На основании всего выше изложенного:

— влияние криптовалюты на различные экономические и социальные процессы в современном мире с каждым днем становится все более значительным, поэтому запретить криптовалюты сегодня уже невозможно, как невозможно отменить Интернет;

— применение криптовалюты порождает круг вопросов налогообложения «выпуска в оборот» криптовалюты, её обмена;

— как объект гражданских прав, криптовалюта трудно поддается к встройке в уже существующие классификации;

— децентрализованные криптовалюты очень волатильны из-за отсутствия правовой базы и законов.

Несмотря на то, что многие государства не определились в своем отношении

к криптовалютам — они шагают по планете, генерируя вокруг себя целые направления бизнеса, поэтому:

— государственным регулятором необходимо определить свое отношение к криптовалютам;

— внести изменения в банковский сектор, потому как, в таком виде, в каком он существует сейчас, при таком же дальнейшем развитии криптовалют, банковский сектор рухнет;

— биткоин — это пионер, родоначальник среди криптовалют, это самая дорогая сегодня криптовалюта, но первый — не всегда самый лучший, сегодня — это вообще объект спекуляций. Биткоин невозможно использовать, как всемирную платёжную систему, он слишком старый, он слишком медленный, он анонимный (что не нравится государствам) и поэтому на рынок выходят новые игроки — криптовалюты нового поколения, более современные, более технологически развитые, более удобные, более масштабные;

— миру нужна единая цифровая валюта, которая не будет принадлежать ни одной стране, которая будет удовлетворять основным требованиям государственных регуляторов (Сегодня есть криптовалюта, которая удовлетворяют требованиям многих регуляторов, в частности России, а именно, централизованная добыча, KYC (Знай своего клиента), отсутствие анонимных транзакций, проходит ежемесячный аудит и ей уже сегодня пользуется огромное количество людей);

— цифровая экономика пришла, и принятие и легализация биткоина и других криптовалют — вопрос больше экономический, чем юридический. Криптовалюта даёт нам механизм, чтобы перешагнуть все искусственные барьеры, правила и ограничения, и, перешагнув их, торговать между собой легко и свободно, как никогда раньше, принося экономике любой страны огромную пользу. Препятствовать их использованию в обороте — значит добровольно лишать себя полезных плодов технического прогресса, цепляться за прошлое в ущерб будущему.

Литература

1. Антонопулос, А. Овладение Биткоином / А. Антонопулос. — М. : O`REILLY, 2016. — 293 с.
2. Лихута, В. Русскоязычный отчёт о правовом регулировании криптовалютного бизнеса в Австралии, Великобритании, Гонконге, Европейском союзе, Канаде, Китае, Латинской Америке, России, США, Украине и Японии / В. Лихута, А. Каплан, Д. Гадомский. — URL: https://www.newsbtc.com/forklog.consulting, axon.partners, 2017. — 101 с.
3. Нисон, С. Японские свечи: графический анализ финансовых рынков / С. Нисон. — М. : Альпина Паблишер, 2017. — 296 с.
4. О правовой природе биткойна [Электронный ресурс] // Zakon.Ru: первая социальная сеть для юристов. — URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/o_pravovoj_prirode_bitkojna.
5. Поппер, Н. Цифровое Золото. Невероятная история биткойна или о том, как идеалисты и бизнесмены изобретают деньги заново / Н. Поппер. — М. : Вильямс, 2016. — 350 с.
6. Bitcoin: основные принципы и отдельные юридически значимые особенности [Электронный ресурс] // Zakon.Ru: первая социальная сеть для юристов. — URL: https://zakon.ru/blog/2014/1/13/bitcoin_osnovnye_principy_i_otdelnye_yuridicheskiznachimye_osobennosti.

References

1 Antonopulos, A. Ovladeniye Bitkoinom [Tekst] / A. Antonopulos. — M.: O`REILLY, 2016. — 293 s.
2. Likhuta V. Russkoyazychnyy otchot o pravovom regulirovanii kriptovalyutnogo biznesa v Avstralii, Velikobritanii, Gonkonge, Yevropeyskom soyuze, Kanade, Kitaye, Latinskoy Amerike, Rossii, SSHA, Ukraine i Yaponii [Tekst] / V. Likhuta, A. Kaplan, D. Gadomskiy // forklog.consulting, axon.partners, 2017. — 101 s.
3. Nison, S. Yaponskiye svechi: graficheskiy analiz finansovykh rynkov [Tekst] / S. Nison. — M.: Al'pina Pablisher, 2017. — 296 s.
4. O pravovoy prirode bitkoyna [Elektronnyy resurs] // Zakon.Ru: pervaya sotsial'naya set' dlya yuristov. — URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/o_pravovoj_prirode_bitkojna
5. Popper, N. Tsifrovoye Zoloto. Neveroyatnaya istoriya bitkoyna ili o tom, kak idealisty i biznesmeny izobretayut den'gi zanovo [Tekst] / N. Popper. — M: Vil'yams, 2016. — 350 s.
6. Bitcoin: osnovnyye printsipy i otdel'nyye yuridicheski znachimyye osobennosti [Elektronnyy resurs] // Zakon.Ru: pervaya sotsial'naya set' dlya yuristov. — URL: https://zakon.ru/blog/2014/1/13/bitcoin_osnovnye_principy_i_otdelnye_yuridicheskiznachimye_osobennosti

РАК Олеся Валерьевна, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Костанайского филиала ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», магистр прикладной математики и информатики. 110006, Республика Казахстан, г. Костанай, ул. А.Бородина, 168 А. E-mail: tarolesya@mail.ru

ЛИТВИНОВ Роман Валерьевич, преподаватель кафедры права Костанайского филиала ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет». 110006, Республика Казахстан, г. Костанай, ул. А. Бородина, 168 А. E-mail: rom_kz@mail.ru

ЛЮДОВСКИХ Артур Сергеевич, студент направления подготовки «Юриспруденция» Костанайского филиала ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет». 110006, Республика Казахстан, г. Костанай, ул. А. Бородина, 168 А. E-mail: artyrludvig@mail.ru

RAK Olesya, senior lecturer, Department of social, humanitarian and natural Sciences disciplines, the Kostanay branch of the Chelyabinsk State University, master of applied mathematics and Informatics. 110006, Republic of Kazakhstan, Kostanay, 168 A. Borodin str. E-mail: tarolesya@mail.ru

LITVINOV Roman, lecturer of the law department of the Kostanay branch of the Chelyabinsk State University. 110006, Republic of Kazakhstan, Kostanay, 168 A. Borodin str. E-mail: rom_kz@mail.ru

LYUDOVSKIKH Arthur, student of the direction of training «Jurisprudence» of the Kostanay branch of the Chelyabinsk State University. 110006, Republic of Kazakhstan, Kostanay, 168 A. Borodin str. E-mail: artyrludvig@mail.ru

ПП № 2(66)-2018. с. 54—59

УДК 347.4 (470 + 574) + 347.78 (470 + 574)

Т. А. Военная

ЛИЦЕНЗИОННЫЙ ДОГОВОР КАК СПОСОБ РАСПОРЯЖЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ПРАВОМ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

T. A. Voennaya

THE LICENSE CONTRACT AS A WAY OF THE ORDER THE EXCLUSIVE RIGHT IN THE LEGISLATION OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

В данной статье рассматриваются понятие, сущность, правовая природа лицензионного договора. На основе сравнительного исследования законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан выявлены особенности правовой регламентации лицензионного договора, итогом чего является вывод автора о значительном расширении регулирования договоров о распоряжении исключительными правами по сравнению с ранее действовавшими законодательствами в этих государствах. Рассматриваются традиционные подходы к определению сущности лицензионного договора и отмечаются принципиальные различия подходов российского и казахстанского законодателей к возможности передачи по лицензионному договору имущественных прав на объекты авторского права. Подробно проанализированы теории разрешения и уступки, как раскрывающие сущность лицензионного договора.

Ключевые слова: *лицензионный договор, интеллектуальная собственность, результаты интеллектуальной деятельности, исключительные права.*

In this article the concept, essence, the legal nature of the license contract are considered. On the basis of a comparative research of the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan features of a legal regulation of the license contract are revealed, a result of what is the author's conclusion about considerable expansion of regulation of contracts on the order the exclusive rights in comparison with earlier existing legislations in these states. Traditional approaches to determination of essence of the license contract are considered and fundamental differences of approaches of the Russian and Kazakhstan legislators to a possibility of transfer under the license contract of property rights for subjects of copyright are noted. Theories of permission and a concession as disclosing essence of the license contract are in detail analysed.

Keywords: *license contract, intellectual property, results of intellectual activity, exclusive rights.*

Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации [4] (далее ГК РФ) и Особенная часть Гражданского кодекса Республики Казахстан [3] (далее ГК РК) значительно расширили регулирование договоров о распоряжении исключительными правами по сравнению с ранее действовавшими законодательствами в этих государствах. Такое распоряжение теперь может осуществляться не только путем заключения договора об отчуждении исключительного права, но и посредством

предоставления другому лицу права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации по лицензионному договору. Относительная новизна лицензионного договора как самостоятельного договорного типа и увеличение практического применения лицензионного договора на современном этапе развития общественных отношений в России и в Казахстане, позволяют говорить об актуальности его исследования.

Лицензионный договор специфичен в силу его функциональной направленности; возможности сохранения за лицензиаром права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуальности; приобретения лицензиатом возможности временного использования исключительного права и средства индивидуализации в пределах и способами, предусмотренными лицензионным договором и т. д.

Традиционно в доктрине гражданского права лицензионный договор является наиболее распространенным способом распоряжения исключительным правом на объекты интеллектуальной собственности. По мнению В. В. Васильева: «...лицензионный договор входит в систему соглашений, функционально направленных на создание правового механизма перехода (передачи) исключительных прав лицам, не являющихся их первичными правообладателями» [2]. Особенностью рассматриваемой договорной конструкции является возможность в ее рамках не только пользоваться определенными объектами гражданских прав, но и распоряжаться путем появляющейся у правоприобретателей возможности дальнейшей перепродажи соответствующего права на результат интеллектуальной деятельности и (или) средство индивидуализации.

До недавнего времени термин «лицензионный договор» использовался исключительно в отношении объектов промышленной собственности (изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и др.). Это было связано с тем, что закрепление определения лицензионного договора в России и в ряде иных государств постсоветского пространства на законодательном уровне, впервые происходило посредством специальных законов, относящихся к промышленной собственности. Так, в Российской Федерации понятие лицензионного договора было первоначально закреплено в 1992 года в Патентном законе Российской Федерации [13] (далее Патентный закон РФ). Ст. 13 Патентного закона РФ (в настоящее время утратил юридическую силу), предусматривала, что по лицензионному договору патентообладатель (лицензиар) обязуется предоставить право на использование охраняемого изобретения, полезной модели, промышленного образца в объеме, предусмотренном договором, другому лицу (лицензиату), а последний принимает на себя обязанность вносить лицензиару обусловленные договором платежи и (или) осуществлять другие действия, предусмотренные договором.

Принятый одновременно с Патентным законом, Закон Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» [10] (ныне не имеет юридической силы) (далее Закон РФ о товарных знаках), в ст. 26 предусматривал возможность правообладателя (лицензиара) предоставлять право на использование товарного знака другому юридическому лицу или осуществляющему предпринимательскую деятельность физическому лицу (лицензиату) по лицензионному договору в отношении всех или части товаров, для которых он зарегистрирован. То есть, Закон РФ о товарных знаках использовал конструкцию лицензионного договора, без раскрытия его сути.

С принятием части четвертой ГК РФ лицензионный договор приобрел статус типичной модели для всех договоров об использовании объектов интеллектуальной собственности.

В Республике Казахстан, в отличие от Российской Федерации, закрепление законодательного определения лицензионного договора произошло посредством ст. 499 Особенной части ГК РК и применительно к любым объектам интеллектуальной собственности (а не только к промышленной собственности как в Российской Федерации). В принятом на 15 дней позже Патентном законе Республики Казахстан от 16 июля 1999 года № 427 [12] (далее Патентный закон РК), в ст. 14 указано, что любое лицо, не являющееся патентообладателем, вправе использовать охраняемый объект промышленной собственности лишь с разрешения патентообладателя на основе лицензионного договора. Однако, определения лицензионного договора в нем не содержалось, что указывало и указывает на приоритетный характер норм гражданского кодекса в сфере регулирования лицензионных отношений по сравнению с патентным законом.

Таким образом, патентные законы и России, и Казахстана содержали указа-

ния на возможность передачи прав по использованию объектов промышленной собственности, однако, казахский законодатель изначально определил в ГК РК лицензионный договор как способ распоряжения исключительными правами по отношению к любому объекту интеллектуальной собственности.

В юридической литературе подходы цивилистов к пониманию сущности лицензионного договора не отличались единством. С точки зрения одной группы ученых, к числу которых относятся О. В. Дзера, Д. В. Боброва и др, на основании лицензионного договора передаче подлежат имущественные права только на объекты промышленной собственности [1, с. 268]. По мнению другой группы ученых (преимущественное большинство), по лицензионному договору могут быть переданы имущественные права, как на объекты права промышленной собственности, так и на объекты авторского права. Так, например, И. Е. Якубовский отмечает, что «...лицензионный договор следует рассматривать как универсальную договорную конструкцию, сфера использования которой распространяется на право промышленной собственности, а также на авторское право и смежные права» [5, с. 341].

Ст. 1235 ГК РФ поставила точку в этой неопределенности с положительным результатом для сторонников отсутствия ограничений по объектам права интеллектуальной собственности, права на которые могут быть предметом лицензионного договора. В силу того, что произведения науки, литературы и искусства относятся к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности, следовательно, исключительные права на произведение могут быть предметом лицензионного договора. В пользу данного вывода указывают положения ст. 1286 ГК РФ, регулирующие отношения, возникающие на основании лицензионного договора о предоставлении права использования произведения (в литературе его нередко именуют как авторский лицензионный договор).

Казахский законодатель, напротив, пошел по иному пути, разрешив передавать права по использованию произведения литературы, науки и искусства лишь при помощи авторских (а не лицензионных) договоров. Так, согласно ст. 31 Закона Республики Казахстан от 10 июля 1996 года № 6 «Об авторском праве и смежных правах» [11], авторский договор о передаче исключительных прав разрешает использование произведения определенным способом и в установленных договором пределах только лицу, которому эти права передаются, и дает такому лицу право запрещать подобное использование произведения другим лицам. Следовательно, в Республике Казахстан лицензионный договор, по — прежнему, распространяется исключительно на объекты промышленной собственности. В этом видится принципиальное различие законодателей России и Казахстана относительно направленности лицензионных договоров.

Правовая конструкция лицензионного договора сопровождается различными концепциями, подходами и теориями. Так, по поводу передаваемого исключительного права имеются теории разрешения и уступки (передачи). Сторонники теории разрешения считают, что: «...правообладатель лишь выдает разрешение на использование объекта интеллектуальной собственности и (или) средство индивидуализации на согласованных в договоре условиях» [8]. При этом распоряжение исключительным правом не происходит, а имеется лишь дозволение правообладателя, основанное на личном неимущественном праве в отношении объекта, охраняемого в рамках интеллектуальной собственности. Представители противоположной теории — уступки (передачи) считают, что: «при заключении лицензионного договора происходит передача прав путем уступки последних» [14, с. 277]. Сторонники теории уступки настаивают, что: «такая форма подтверждена современным терминологическим аппаратом и вполне вписывается в правовую систему России» [9].

Согласно позиции А. А. Скворцова: «разрешительная теория природы лицензионного договора присуща административному регулированию имущественных отношений, и поэтому не может рассматриваться как гражданско-правовая теория, но может быть трансформирована с учетом необходимости свободного экономического оборота для характеристики предпосылок заключения соответствующих договоров» [16].

Относительно самого определения понятия лицензионного договора также имеются разнообразные подходы: так называемая классическая теория лицензионного договора — концепция обязательств негативного характера и концепция обязательств позитивного характера [15, с. 6]. Суть первой концепции заключается в том, что лицензиар как правообладатель предоставляет лицензиату разрешение на использование объекта

интеллектуальной деятельности и берет на себя обязательства не совершать каких-либо санкционных действий в отношении лицензиата. То есть, его обязательства носят пассивный характер, главное, что в условиях отсутствия такого «разрешения» всякое использование объекта интеллектуальной собственности иным лицом было бы противоправно.

По концепции обязательств позитивного характера суть обязательства, вытекающего из лицензионного договора не в предоставлении лицензиаром — правообладателем разрешения, а в том, что последний принимает на себя комплекс обязанностей по передаче технических знаний, опыта, оказанию любой помощи лицензиату и т. д. [17, с. 12].

По мнению В. В. Егорова: «...при определении правовой природы лицензионного договора концепциями позитивного права лицензиата и негативного права лицензиата возможно проведение аналогии с существующими в теории права собственности положительным (позитивные правомочия собственника) и отрицательным признаками (абсолютная обязанность неуполномоченных несобственников воздерживаться от нарушения прав собственника) права собственности» [6, с. 9].

Преобладающей, в настоящее время является концепция позитивного права.

В современных условиях концепция позитивного права лицензиата должна иметь приоритетное значение в законодательной и правоприменительной деятельности, поскольку именно данная концепция наиболее оптимальным образом обеспечивает экономическую функциональность института интеллектуальной собственности. Именно «трансмиссионная» концепция (концепция «передачи прав») в противоположность концепции «прекращения субъективных прав одного лица — возникновение субъективных прав другого лица» обеспечивает динамический элемент концепции позитивного права лицензиата, выражающийся в длящемся характере обязанностей лицензиара по реализации цели договора и в наличии его обязанностей активного типа по обеспечению достижения этой цели [6, с. 9].

В ст. 1235 ГК РФ и ст. 966 ГК РК лицензионный договор определен как отдельный, самостоятельный вид обязательств, предметом которого является предоставление права использования любого вида результата интеллектуальной деятельности (в Республике Казахстан за исключением объектов авторского права).

В России современная кодификация права интеллектуальной собственности позволила ввести подробное системное регулирование института лицензионных договоров, состоящее из общих норм части первой ГК об обязательствах и о договорах, общих норм части четвертой ГК о лицензионном договоре как отдельном типе договора и специальных норм части четвертой ГК о разновидностях лицензионных договоров (в отношении объектов авторского права, включая программы для ЭВМ, объектов смежных прав, изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений, топологий ИМС, товарных знаков, сложных объектов, единой технологии [7, с. 390].

В Казахстане регулирование лицензионных договоров происходит при помощи норм раздела 5 Особенной части ГК РК, а впоследствии, по субсидиарному принципу применяются общие нормы о договорах и обязательствах.

Таким образом, в Российской Федерации и Республике Казахстан существуют различные подходы к правовому регулированию лицензионных договоров. Так, в Республике Казахстан данные правоотношения регулирует Гражданский кодекс РК, а также ряд специальных законов, включая Патентный закон РК. В свою очередь, в России, в связи с принятием части 4 ГК РФ, правовое регулирование ввиду отмены всех специальных законов, осуществляется только посредством ГК РФ. По лицензионному договору в Российской Федерации могут быть переданы права по использованию любого результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации. Напротив, в Республике Казахстан по лицензионному договору могут быть переданы права по использованию результатов интеллектуальной творческой деятельности или средство индивидуализации, за исключением произведений литературы, науки и искусства. Права на использование произведений науки, литературы и искусства в Казахстане передаются посредством авторских договоров.

Литература

1. Андреев И. Гражданское право : учебник : в 3 т. — Т. 2 / И. Андреев,И. Аюшева, А. Васильев ; под ред. С. А. Степанова. — М. : Проспект ; Институт частного права, 2011.

2. Васильев В. В. Актуальные аспекты правового регулирования лицензионного договора / В. В. Васильев // Пробелы в российском законодательстве. — 2012. — № 6. — С. 99—102.
3. Гражданский кодекс Республики Казахстан. Особенная часть от 1 июля 1999 года № 409 (с изм. и доп. по сост. на 10 января 2018 года) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. —1999. — № 16—17. — Ст. 642.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4. от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ (с изм. и доп. по сост. на 29 декабря 2017 года) // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (ч. I). — Ст. 5496.
5. Гражданское право: учебник : в 4 т. — Т. 2 Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права / под ред. Е. А. Суханова. — М. : Статут, 2008.
6. Егоров, В. В. Лицензии и лицензионные соглашения применительно к промышленной собственности в международной торговле по праву России, США, Великобритании и Германии : автореф. дис. ...канд. юрид. наук / В. В. Егоров. — М., 2003.
7. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ : в 2 ч. / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. — Ч. 2. — М. : Юрайт-Издат, 2011.
8. Кувыркова, А. Ю. Лицензионный договор о предоставлении права использования объекта интеллектуальных смежных прав / А. Ю. Кувыркова // Законодательство. — 2009. — № 5. — С. 56—66.
9. Николаева, Е. Ю. Правовая характеристика лицензионного договора в сфере интеллектуальной собственности / Е. Ю. Николаева // Гражданин и право. — 2009. — № 5. — С. 73—79.
10. О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров : Закон Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. № 3520-1 // Российская газета. —1992. —17 окт.
11. Об авторском праве и смежных правах : Закон Республики Казахстан от 10 июля 1996 года № 6 (с изм. и доп. по сост. на 1 января 2016 года) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 1996. — № 8—9. — Ст. 237.
12. Патентный закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 г. № 427 (с изм. и доп. по сост. на 1 января 2016 года) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 1999. — № 20. — Ст. 718.
13. Патентный закон Российской Федерации от 23 сентября 1992 года № 3517-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. — 1992. — № 42. — Ст. 2319.
14. Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации: комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / под ред. Е. А. Моргуновой. — М. : Юстицинформ, 2010.
15. Рузакова, О. А. Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжения исключительными правами : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / О. А. Рузакова. — М., 2008.
16. Скворцов, А. А. Правовая конструкция лицензионного договора — передача имущественного права / А. А. Скворцов // Законодательство. — 2008. — № 9. — С. 72—77.
17. Степанова, И. Е. Недействительность и незаключенность гражданско-правового договора: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Е. Степанова. — СПб., 2007.

References

1. Andreyev I., Ayusheva I, Vasil'yev A. Grazhdanskoye pravo: uchebnik: v 3 t. T. 2 / pod red. S.A. Stepanova. -M.: Prospekt; Institut chastnogo prava, 2011. -S. 268.
2. Vasil'yev V.V. Aktual'nyye aspekty pravovogo regulirovaniya litsenzionnogo dogovora // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. -2012. -№ 6. -S.99-102.
3. Grazhdanskiy kodeks Respubliki Kazakhstan. Osobennaya chast' ot 1 iyulya 1999 goda № 409 (s izm. i dop. po sost. na 10 yanvarya 2018 goda) // Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazakhstan.-1999. -№ 16-17. -St. 642.
4. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Chast' 4. ot 18 dekabrya 2006 goda № 230 — FZ (s izm. i dop. po sost. na 29 dekabrya 2017 goda) // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii. -2006. -№ 52 (chast' I). -St. 5496.
5. Grazhdanskoye pravo: uchebnik: v 4 t. T.2 Veshchnoye pravo. Nasledstvennoye pravo. Isklyuchitel'nyye prava. Lichnyye neimushchestvennyye prava/ pod red. Ye.A.Sukhanova. -M.: Statut, 2008. -S. 341.
6. Yegorov V.V. Litsenzii i litsenzionnyye soglasheniya primenitel'no k promyshlennoy sobstvennosti v mezhdunarodnoy torgovle po pravu Rossii, SSHA, Velikobritanii i Germanii: avtoref.dis. ...kand.yurid.nauk. -M., 2003. -S.9.
7. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu RF: v 2 ch. CH.2/ pod red. T.Ye. Abovoy, A.YU. Kabalkina. -M.: Yurayt- Izdat, 2011. -S.390.
8. Kuvyrkova A.YU. Litsenzionnyy dogovor o predostavlenii prava ispol'zovaniya ob»yekta intellektual'nykh smezhnykh prav // Zakonodatel'stvo. -2009. -№ 5. S.56 -66.

9. Nikolayeva Ye.YU. Pravovaya kharakteristika litsenzionnogo dogovora v sfere intellektual'noy sobstvennosti // Grazhdanin i pravo. -2009. -№ 5. -S.73-79.
10. Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 23 sentyabrya 1992 g. № 3520-1 «O tovarnykh znakakh, znakakh obsluzhivaniya i naimenovaniyakh mest proiskhozhdeniya tovarov» // Rossiyskaya gazeta. - 1992. - 17 okt. Utratil silu.
11. Zakon Respubliki Kazakhstan ot 10 iyulya 1996 goda № 6 «Ob avtorskom prave i smezhnykh pravakh» (s izm. i dop. po sost. na 1 yanvarya 2016 goda) // Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazakhstan. - 1996. - № 8-9. - St. 237.
12. Patentnyy zakon Respubliki Kazakhstan ot 16 iyulya 1999 g. № 427 (s izm. i dop. po sost. na 1 yanvarya 2016 goda) // Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazakhstan. - 1999. - № 20. - St. 718.
13. Patentnyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 23 sentyabrya 1992 goda № 3517-1 // Vedomosti S»yezda narodnykh deputatov RF i Verkhovnogo Soveta RF. - 1992. - № 42. - St. 2319. Utratil silu.
14. Prava na rezul'taty intellektual'noy deyatel'nosti i sredstva individualizatsii: kommentariy k chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (postateynyy)/ pod red. Ye.A. Morgunovoy. -M.: Yustitsinform, 2010.-S. 277.
15. Ruzakova O.A. Sistema dogovorov o sozdanii rezul'tatov intellektual'noy deyatel'nosti i rasporyazheniya isklyuchitel'nymi pravami: avtoref.dis. ...dokt.yurid. nauk. -M., 2008. — S.6.
16. Skvortsov A.A. Pravovaya konstruktsiya litsenzionnogo dogovora — peredacha imushchestvennogo prava // Zakonodatel'stvo. -2008. -№ 9. -S.72 -77.
17. Stepanova I.Ye. Nedeystvitel'nost' i nezaklyuchennost' grazhdansko-pravovogo dogovora: problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. -SPb., 2007.-S.12.

ВОЕННАЯ Татьяна Андреевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры права Костанайский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет». 110000, Республика Казахстан г. Костанай, ул. Бородина 168-а. E-mail: 9118209@rambler.ru

VOENNAYA Tatyana, Candidate of Law Sciences, associate professor of the right Kostanay branch of Federal budgetary educational institution of the higher education «The Chelyabinsk state university». 110000, Republic of Kazakhstan, Kostanay city, Borodin 168-a. E-mail: 9118209@rambler.ru

ПП № 2(66)-2018. с. 60—63

УДК 349.3

С. Б. Хасенов

РОЛЬ ТРУДОВОГО СТАЖА В ПЕНСИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ

S. B. Khasenov

THE ROLE OF SENIORITY IN PENSIONS

В статье проводится анализ социально-правовых проблем в сфере пенсионного обеспечения, в частности рассматриваются вопросы исчисления трудового стажа и рабочего времени. Анализируются понятие и виды трудовой деятельности.

Исходя из анализа, автор отмечает изменение функций государства в условиях рыночной экономики в области регулирования рабочего времени, подчеркивает зависимость юридических фактов от правовых норм.

Автор приходит к выводу о том, что сложность, теоретическое исследование стажа до настоящего времени ограничивалось преимущественно в области социального страхования, что явно недостаточно. Действующий Закон Республики Казахстан от 21 июня 2013 года № 105-V «О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан» упрощает всю процедуру установления или исчисления трудового стажа любого вида, в то же время указывает на важность данного института сегодня.

Ключевые слова: *пенсионное обеспечение, трудовой стаж, рабочее время, трудовая деятельность.*

The article analyzes the social and legal problems in the sphere of pensions, in particular, the issues of calculating the length of service and working time. The concept and types of labor activity are analyzed.

Based on the analysis, the author notes the change in the functions of the state in a market economy in the regulation of working time, emphasizes the dependence of legal facts on legal norms.

The author comes to the conclusion that the complexity, theoretical study of experience to date has been limited mainly to the field of social insurance, which is clearly not enough. The current Law of the Republic of Kazakhstan of June 21, 2013 No. 105-V "On Pensions in the Republic of Kazakhstan" simplifies the whole procedure of establishing or calculating the length of service of any kind, while at the same time indicating the importance of this institution today.

Keywords: *pensions, work experience, working hours, work activity.*

Система пенсионного обеспечения — сложный социальный и правовой феномен, отражающий состояние государства, общества и личности.

В системе трудовых пенсий должен реализоваться один из основных принципов пенсионного обеспечения, гарантирующий социальную справедливость, а именно: каждый застрахованный по пенсионному страхованию имеет право на трудовую пенсию в соответствии с продолжительностью страхования (а не трудовым стажем) и заработком, с которого уплачивались страховые взносы.

В советский период отечественной истории такому важному институту права социального обеспечения, как трудовому стажу рабочих и служащих уделялось значительное внимание.

Сегодня, в процессе реформирования солидарного социального обеспечения в рамках всех экономических преобразований, постепенно отпадает необходимость в ведущей роли данного института. Тем

не менее, данное понятие вряд ли когда-либо исчезнет, и трудовой стаж продолжает играть, роль важного компонента многих отраслей права. И с ним придется столкнуться в сочетании с другими институтами права, такими, как заработная плата, отпуск, социальное страхование и т. д.

По действующему трудовому законодательству заработная плата может зависеть от стажа работы по определенной специальности или в определенной отрасли. Право на трудовой отпуск имеет в своей основе трудовой стаж установленной длительности. Исключительно велика роль трудового стажа в социальном страховании. Иногда право на обеспечение тем или иным благом прямо обусловлено наличием определенного стажа работы — пенсия по старости не может быть назначена, если работник не имеет необходимого стажа.

Не углубляясь особенно в теорию вопроса, в наиболее общей форме трудовой стаж можно определить как время трудовой деятельности работника.

Наше действующее законодательство регулирует трудовую деятельность граждан с различных сторон. Вопросы трудового стажа относятся к регулированию трудовой деятельности под углом зрения времени (продолжительности или длительности).

На наш взгляд, необходимо, однако, четко разграничить два соприкасающихся, но не тождественных понятия: «трудовой стаж» и «рабочее время».

Юридическое понятие рабочего времени характеризуется следующими признаками:

а) как продолжительность труда, установленная законом, подзаконными актами, коллективным или трудовым договором;

б) как время, в течение которого работник обязан выполнить трудовые функции согласно внутреннему трудовому распорядку предприятия (учреждения, организации);

в) как фактически проработанное время работником в соответствии с нормой или соглашением, регулирующим продолжительность труда и обязанности но работе [3, с. 56].

Следует отметить, что в условиях становления рыночной экономики функции государства в области регулирования рабочего времени коренным образом меняются. До недавнего времени нормирование продолжительности рабочего времени всех работников по найму осуществлялось государством с участием профсоюзов. Причем нормы продолжительности рабочего времени не могли изменяться по соглашению между администрацией предприятия (учреждения, организации) с профсоюзным комитетом или с работником, если иное не предусматривалось законодательством. В условиях рыночных отношений складывается иная ситуация — условия труда (в том числе продолжительность рабочего времени) во многом определяются соглашением между работниками работодателем. Государство в законодательном порядке устанавливает только максимальную продолжительность рабочего времени (41 час в неделю).

Предприятия (учреждения, организации) определяют своим работникам конкретную продолжительность работы в соответствии с коллективным и трудовым договором (в пределах общей продолжительности рабочего времени) Если на предприятии (учреждении, организациии) коллективный договор не заключается, а условия о снижении продолжительности рабочего времени не были предметом договора (контракта), то действует максимальная продолжительность рабочего времени, установленная законом.

Трудовой стаж, или, как определено выше, трудовой деятельности, понятие более широкое. Сюда можно включить как само рабочее время, так и время отдыха. Другими словами, трудовая деятельность — это жизнь в труде, то есть вся трудовая жизнь гражданина составляет его трудовой стаж, поэтому нормы о трудовом стаже устанавливают меры труда применительно к целым периодам жизни человека, оперируя при этом, как правило, более длительными отрезами времени — годами, месяцами, реже неделями, и никогда не применяются часы или минуты, как при регулировании рабочего времени.

Трудовой стаж — всегда юридический факт, на базе которого возникает соответствующее право: право на обеспечение того или иного вида социального блага, право на повышенную ставку, право на трудовой отпуск и так далее. Иногда трудовой стаж выступает как элемент сложного фактического состава, например, право на пенсию: данное право по старости обуславливается как общим трудовым стажем работы, так и необходимостью достижения установленного в законе пенсионного возраста, и только эти два обстоятельства, вместе взятые, создают право на пенсию по возрасту.

Итак, трудовой стаж является основанием возникновения ряда трудовых прав

или изменения их содержания. Само-по себе время работы, как жизненное положение или как экономический факт юридически нейтрально, но как только закон придает ему значение правообразующего фактора, оно становится юридическим фактом — трудовым стажем.

Зависимость существования юридических фактов от правовых норм может быть двоякой [2, с. 73].

Одни жизненные факты возникают независимо от правовых норм, и последние лишь придают им значение юридических фактов. Таковы будут все юридические факты — события, происходящие помимо воли людей, которые в условиях данного общества они необходимо совершают для обеспечения своего существования.

Напротив, другие факты только и могут иметь место в жизни как юридические факты. Это юридические факты, которые представляют собой действия людей, совершаемые ими именно в связи с предписанием норм права. Без соответствующей юридической нормы эти действия не могли бы совершаться.

Исходя из данной классификации, трудовой стаж или время трудовой деятельности работника, очевидно, можно отнести, к первой категории, ибо трудовая деятельность совершается людьми «необходимо», а также «независимо от правовых норм», и правовые нормы лишь придают ей значение юридического факта.

Традиционно выделялись следующие виды стажа: непрерывный, общий и специальный. Современное законодательство отказалось от института «непрерывности», поэтому обратимся, прежде всего, к общему трудовому стажу.

Общий трудовой стаж лежит в основе права на пенсию. Исходя, из положений законодательства, отметим, что «в общий стаж должна засчитываться всякая работа в качестве рабочего или служащего, независимо от характера и продолжительности работы и деятельности перерывов».

«Всякая работа» означает в данном случае любую работу, независимо от ее содержания (труд ученого, врача, шахтера» т. д.), от условий труда (подземная или наземная, тяжелая или легкая, работа по дому или на производстве), отрасли хозяйства или сферы деятельности (промышленность, сельское хозяйство, наука и пр.), географического района, времени ее фактического исполнений исчисления общего трудового стажа перечисленные моменты не; играют роли.

Если говорить о видах деятельности, которые принимаются для засчитывания при исчислении трудового стажа, то новый закон прямо указывает на определенные виды деятельности, которые принимаются при исчислении пенсий. Кроме работы в качестве рабочего или служащего, в общий стаж работы включаются некоторые виды трудовой деятельности, прямо предусмотренные новым пенсионным законодательством. Данный список может подлежать дополнению, так как деятельность человека разнообразна, и нельзя предусмотреть все случаи и обстоятельства. Однако при этом необходимо иметь либо запись в трудовой книжке об этой деятельности, либо иметь подтверждающие документы о проделанной работе в течение определенного времени, либо документы, подтверждающие уплату страховых взносов в фонд социального страхования.

В стаж работы входят разнообразные виды деятельности: военная служба; служба в правоохранительных органах; государственная служба; предпринимательская деятельность; время ухода за инвалидом I группы, одиноким инвалидом I группы и пенсионером по возрасту, нуждающимся в посторонней помощи, а также постарелым, достигшим 80-летнего возраста; время ухода за инвалидом в возрасте до 16 лет, пострадавшим от последствий атомных испытаний, экологических бедствий или зараженным вирусом иммунодефицита, либо больным СПИДом; время ухода неработающей матери за малолетними детьми, но не более чем до достижения каждым ребенком возраста до 3 лет в пределах 12 лет в общей сложности, и прочее.

Таким образом, принимаются при исчислении трудового стажа различные виды труда, близкие к труду рабочих и служащих по своей социально-экономической сущности, но юридически не оформленные трудовым договором или осложненные рядом специальных моментов, но приравненные с точки зрения стажа к «работе в качестве рабочего или служащего».

Кроме того, в общий трудовой стаж любой работы включаются некоторые жизненные положения, не являющиеся трудом. Это — вынужденный прогул; болезнь, при условии, что она началась в период работы; в качестве рабочего или служащего; учеба; уход за детьми, инвалидками или постарелыми; нахождение в заключении или ссылке при условии последующей реабилитации или сокращения срока наказания против срока, назначенного приговором.

По-нашему мнению, оценивая всю сложность, теоретическое исследование стажа до настоящего времени ограничивалось преимущественно в области социального страхования. Такой подход к стажу явно недостаточен. Между тем многочисленные цифры свидетельствуют о том, что, Закон [1], упрощая всю процедуру установления или исчисления трудового стажа любого вида, в то же время указывает на важность данного института сегодня.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что роль трудового стажа всегда остается главной, без которой другие институты права не смогут полноценно существовать.

Литература

1. О пенсионном обеспечении в Республике Казахстан : Закон Республики Казахстан от 21 июня 2013 года № 105-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2018 г.) // Казахстанская правда. — 2013. — № 212—213. — 22 июня.
2. Тарасова, В. А. Юридические факты в области и пенсионного обеспечения. — М, 1974. — С.73.
3. Уваров В.Н. Трудовое право. — Алматы, КазГЮА. — 2000. — С.56.

References

1. Law of the Republic of Kazakhstan No. 105-V of June 21, 2013 «On Pensions in the Republic of Kazakhstan» (with amendments and additions as of 01.01.2018) // «Kazakhstanskaya Pravda» dated June 22, 2013 No. 212-213 (27486-27487)
2. Tarasova V.A. Legal facts in the field and pensions. — M, 1974.-C.73.
3. Uvarov V.N. Labor law. — Almaty, KazGYuA. — 2000. — P.56.

ХАСЕНОВ Сеит Бакирович, доцент кафедры права Костанайского Филиала ФГБОУ ВО «ЧелГУ», кандидат юридических наук. 110006, Республика Казахстан, г. Костанай, ул. А.Бородина, 168 А. E-mail: atzhanova1972@mail.ru

HASENOV Seit, associate Professor of the Law Department of Kostanai Branch of the State Educational Establishment of Higher Professional Education of the «ChelSU», Candidate of Legal Sciences. 110006, Republic of Kazakhstan, Kostanay, A. Borodina, 168 A. E-mail: atzhanova1972@mail.ru

ПП № 2(66)-2018. с. 64—69

УДК 343.3 + 343.85 + 343.267

П. В. Волошин

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

P. V. Voloshin

FEATURES OF THE CONTENT OF MODERN CRIMINAL POLICY IN THE FIELD OF CRIME PREVENTION

В настоящей статье автором рассматриваются некоторые особенности современной уголовной политики России в сфере предупреждения преступности. Формирования современной государственной системы профилактики преступлений и иных правонарушений в России. Указывается на то, что главным предназначением является нейтрализация негативных процессов, протекающих в обществе, порождающих возникновение причин и условий для совершения правонарушений. Центральным в данной деятельности выступает упреждающее воздействие в отношении всех категорий лиц. Указываются некоторые ее недостатки и определяются действенные направления их решения.

Ключевые слова: *меры уголовно-правового воздействия, предупреждение преступности, субъекты предупреждения, уголовная политика.*

In this article, the author examines some of the features of Russia's current criminal policy in the field of crime prevention. Formation of a modern state system for the prevention of crimes and other violations in Russia. It is pointed out that the main purpose is to neutralize the negative processes taking place in the society, generating the causes and conditions for the commission of offenses. Pre-emptive impact in relation to all categories of persons is central to this activity. Some of its shortcomings are indicated and effective directions for their solution are determined.

Keywords: *Measures of criminal law, crime prevention, prevention of subjects, criminal policy.*

Уголовная политика является неотъемлемой и важной составной частью политики государства в целом, обеспечивающая оптимальное функционирование всех других ее направлений. Уголовная политика государства должна опираться на концепцию развития уголовной политики, которая является важнейшей составной частью концепции безопасности государства и общества.

Под влиянием изменений, происходящих в социально-экономических условиях жизни общества, и других факторов (в том числе международно-правового влияния) в российском законодательстве возникают новые нормативные правовые общности, получают импульс, модернизируются традиционные отрасли и правовые массивы. В системе законодательства появляются правовые образования, выходящие за рамки традиционных отраслей. Процесс этот сложный и неоднозначный. Пополнение научного опыта определения основных тенденций развития системы законодательства, предложения путей построения оптимальной модели ее структуры в последние годы активизировалось [2].

Задачи и содержание уголовной политики претерпевают существенные изменения в зависимости от ситуации в обществе, тенденций соответствующего этапа его развития, состояния экономики, социальной жизни, идеологии и психологии, правовой базы общества. Значение уголовной политики актуализируется, как это имеет место и в наших условиях в периоды, когда общество переходит от одного состояния к другому. При этом закономерностью является количественное и качественное увеличение криминальной активности и влияние преступности на дела общества. Отсюда возрастает значение задачи средств противодействия этим явлениям.

Одним из основополагающих принципов уголовной политики выступает принцип опережающих стратегических решений, из которого следует, что необходимые средства для реализации задач уголовной политики формируются не путем «проб и ошибок», а исходя из общих стратегических задач, определяемых высшими органами власти для государственной политики в целом и, учитывая тенденции преступности и их прогноз. К сожалению, в настоящее время уголовная политика Российской Федерации идет по пути реагирования на уже совершенные деяния, что порождает «всплески» и «затишье» законодательной деятельности.

В последние годы законодательной властью много сделано для наращивания уголовно-правового потенциала в борьбе с преступностью. При этом приоритетное значение придается охране общественной безопасности, и прежде всего безопасности личности. Обеспечение безопасности человека означает охрану широкого спектра его законных прав и интересов, и прежде всего его права на жизнь, здоровье, достоинство, личную неприкосновенность, неприкосновенность жилища, собственность, тайну межличностных отношений, свободу политических убеждений и профессиональной деятельности.

Уголовно-правовое воздействие в качестве инструмента охраны утверждаемых Конституцией РФ общественных отношений является достаточно эффективным средством при установлении четкого представления о содержании, признаках и основных направлениях его реализации в условиях постоянно изменяющихся угроз общественному строю и состоянию внутренней безопасности Российской Федерации. Концептуально содержание этих угроз и основные направления уголовно-правового противодействия их осуществлению определяются Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537. Согласно этому документу концептуальные положения в области обеспечения национальной безопасности базируются на фундаментальных взаимосвязях и взаимозависимости Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. и Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. В качестве одной из задач Стратегии национальной безопасности указывается формирование государственной политики в области противодействия наркопреступности и терроризму межведомственными органами, обеспечивающими координацию федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов РФ в соответствующих сферах. Как негативное воздействие на состояние национальной безопасности в сфере культуры рассматривается пропаганда образа жизни, в основе которого вседозволенность и насилие, расовая, национальная, религиозная нетерпимость; в сфере экономики — непрекращающееся давление на предпринимательство, ограничивающее инвестиционную и инновационную инициативу и в конечном счете негативно влияющее на состояние оборонного и технологического потенциала страны [3, с. 271—272].

Мерами уголовно-правового воздействия на преступность с точки зрения концепции уголовной политики следует считать всю деятельность, использующую законодательные запреты по совершению определенных деяний криминального характера, а также и дозволения, определяющие задачи, содержание и формы предупреждения, пресечения этих деяний и справедливого наказания за них. Характеризуя систему (совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых элементов) рассматриваемых мер надо выделять три аспекты:

1) правовую (нормативную базу);

2) деятельность, осуществляемую на этой основе;

3) управленческий процесс, ориентированный на определенные результаты (сдерживание, ограничение преступности и т. д.).

С точки зрения отраслевой составляющей развитие российского законодательства идет по следующим основным направлениям:

— модернизация традиционных отраслей законодательства и сложившихся в законодательстве правовых массивов;

— появление и юридическое оформление новых правовых образований, новых правовых общностей, выходящих за рамки традиционных отраслей;

— развитие внутрисистемных связей, взаимопроникновение нормативных предписаний разных отраслей законодательства;

— усиление влияния на развитие законодательства международного права и нормативных систем отдельных государств. При этом одна из главных тенденций — интенсивное развитие наряду с устойчивыми, базовыми отраслями и институтами российского законодательства новых отраслей и институтов, обеспечивающих инновационное развитие экономики, связанное с повышением использования потенциала интеллектуальных ресурсов. Наиболее глубокие изменения прогнозируются в таких сферах, как высокотехнологичная промышленность, энергетика, образование, наука, а также здравоохранение, пенсионное обеспечение, экология, финансовый рынок.

Анализ основных тенденций и особенностей, имевших место в уголовно-правовом законотворчестве последнего пятилетия и происходивших в этой сфере преобразований позволяет отметить неизменную интенсивность процесса развития уголовного законодательства Российской Федерации. Этот процесс протекает неровно, но не прерывается, и отдельные периоды линейного развития, сопровождающегося наращиванием объема норм Особенной части Уголовного кодекса РФ, технико-юридическими уточнениями некоторых норм, когда устраняются отдельные редакционные оплошности законодателя, нередко сменяются периодами интенсивного качественного преобразования закона, когда накопление количественных проблемных материалов правоприменительной судебной практики, назревших изменений социально политической ситуации в стране требует массированного законодательного регулирования. В эти периоды возрастает необходимость обеспечения стабильности правоприменительной практики, с одной стороны, и с другой — создания условий для поддержания динамики состояния уголовного законодательства, установления их оптимального баланса, своевременного выявления назревших уголовно-правовых проблем, осуществления незамедлительной криминализации и пенализации новых общественно опасных проявлений, уголовно-правового отражения угроз национальной безопасности, посягательств на внутреннюю общественную безопасность [3, с. 271].

Стратегическая модель долгосрочного определения направлений упорядоченного развития законодательства потребует применения комплекса стратегических, содержательно-функциональных, структурно-технологических и организационно-координирующих механизмов, которые позволят обеспечить системную модернизацию законодательства как единого, внутренне согласованного феномена, синхронное развитие элементов правовой системы, поддержание баланса в структуре законодательства, а также дает возможность выстроить механизмы взаимодействия и координации всех органов, участвующих в выработке и проведении законодательной политики [3, с. 63].

Рассматривая эволюцию взглядов на уголовную политику, можно прийти к выводу, что на современном этапе развития общества и государства она должна включать элементы общегосударственной политики в сфере борьбы с преступностью, принципиальные позиции субъектов гражданского общества по проблемам правопорядка, законности и безопасности, а также нормы закона и практику его применения, специальные меры по профилактике преступности, борьбе с ней и ресоциализации преступников [4, с. 4].

В последние годы декриминализирован ряд общественно-опасных деяний. Это, к сожалению, снизило профилактический потенциал Уголовного кодекса, но это положение должно восполняться активным применением иных отраслей законодательства, а также реализовываться через организационные мероприятия на уровне региона и местном уровне.

Неблагоприятные тенденции преступности в России за последнее десятилетие отчасти обусловлены стратегией реформ и просчетами при реализации уголовной политики. Это находит выражение в отказе от ранее апробированных методов и приемов борьбы с преступностью, быстрой, нередко неоправданной сменой законодательства, как, впрочем, и несвоевременном его принятии. Тупиковым зачастую оказывается путь ориентации российского законодателя на наднациональные «общечеловеческие» правовые ценности [8, с. 11].

В ряде регионов России приняты отдельные законодательные акты, содержащие ряд положений о профилактике правонарушений. Безусловно, вопросы предупреждения преступности затраги-

ваются Кодексом об административных правонарушениях, Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами, федеральным законом Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и другими законами. Все же основную роль в обеспечении комплексности подхода к решению проблем предупреждения преступности следует отвести Федеральному закону от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

Предлагаемая в Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» государственная система профилактики правонарушений направлена на пропаганду позитивных жизненных ценностей, материальную, психологическую и иную адаптационную поддержку лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, а также на разработку и реализацию различных программ профилактики правонарушений, в том числе региональных.

Следует отметить, что правоохранительные органы в одиночку не в состоянии добиться удовлетворительных результатов в борьбе с преступностью в обществе. Немаловажную роль в успешности претворения в жизнь политики предупреждения преступности и эффективности правоохранительной деятельности принадлежит поддержке населения и его готовности к сотрудничеству.

Рассмотрение механизма предупреждения преступности требует определения субъектов воздействующих на причины и условия преступности.

По справедливому мнению К. К. Горяинова на организацию предупреждения преступлений отрицательно воздействует бытующее не только среди населения, но в ряде случаев среди руководителей властных структур мнение о том, что ОВД ответственны за выполнение всего объема предупредительных функций. Объективно эффективность предупредительной деятельности полностью зависит от совокупных усилий всех ее субъектов — государственных и негосударственных. В связи с тем, что решающую роль во всем объеме этой деятельности играет устранение детерминантов преступлений, абсолютно нереально рассчитывать только на возможности полиции. Органы внутренних дел в ряде случаев могут устранять причины преступлений. Ликвидация или нейтрализация некоторых криминогенных условий — еще более посильная для них задача. Но постоянную, объективную результативность деятельности может принести лишь тесное взаимодействие субъектов этой деятельности, разумеется, при должной активности каждого из них [1, с. 87].

Современных субъектов предупредительной деятельности следует разделять на две основные категории:

1) государственные;

2) негосударственные органы и организации.

К первой группе следует относить органы внутренних дел, прокуратуры, службу безопасности президента, таможенный комитет, агентство налоговой полиции, другие государственные органы, реализующие функции правоохраны, правоприменения и контроля.

Субъектами предупредительной деятельности в системе органов внутренних дел являются, прежде всего, участковые инспектора полиции, подразделения по предупреждению правонарушений несовершеннолетних, ГИБДД и некоторые другие службы. Профилактические меры осуществляются и подразделениями криминальной полиции, однако в их деятельности они менее заметны, так как в основном она проводится негласно, с использованием сил и средств специфичных только для оперативно-розыскной деятельности.

Особенность органов внутренних дел как субъектов предупредительной деятельности заключается в том, что сам их статус, все многогранные обязанности содержат большой превентивный потенциал. Любая форма осуществления полицией охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в той или иной степени включает в себя часть функции по предупреждению преступлений и иных правонарушений [6].

Статус и место государственных субъектов предупредительной деятельности на сегодня в принципе определены. К сожалению, этого нельзя сказать о негосударственных органах и организациях, прежде всего об общественных организациях, самодеятельных, добровольных формированиях, в той или иной степени реализующих предупредительные функции.

Отечественная практика обладает значительным опытом участия общественности в профилактике преступлений. К концу 1980-х гг. насчитывалось до пятидесяти видов самодеятельных организаций, создававшихся непосредственно в целях охраны правопорядка. К сожалению, многие из них в 1990-е гг. либо прекратили существование, либо резко снизили активность [5, с. 115]. Современные условия

развития государства требуют возрождения и повышения роли этих субъектов в борьбе с правонарушениями.

Органы внутренних дел призваны стать инициаторами в деле возобновления работы добровольных дружин, общественных пунктов охраны порядка, других самодеятельных формирований. Нужно, обращать внимание людей на то, что в условиях роста преступности, усиления ее негативных тенденций участие граждан в работе по профилактике преступлений — помощь не столько правоохранительным органам, сколько самим себе. Мировой опыт доказывает, что при пассивности населения общество не может претендовать на спокойствие, несмотря на усилия правоохранительной системы. В то же время реальное участие широкой общественности в борьбе с правонарушениями всегда ведет к позитивным изменениям криминологических показателей.

В качестве субъектов профилактики возможно участие, как отдельных лиц, так и организаций, учреждений (как официальных, так и общественных). В роли официальных учреждений могут выступать органы образования, социального обеспечения, местные исполнительные органы и т. п., в качестве общественных организаций — ассоциации жильцов какого-либо отдельно взятого микрорайона, молодежные и религиозные организации. «И советский, и зарубежный опыт наглядно показывает, что без помощи населения противостоять криминальным вызовам не в состоянии правоохранительные органы ни одной страны. Формы участия граждан могут быть различными: от традиционных — совместных патрулей с сотрудниками органов внутренних дел в наиболее криминогенных общественных местах; до нетрадиционных — таких как проведение в инициативном порядке криминологических экспертиз обсуждаемых законопроектов. В последнем случае предполагается влияние юридической общественности на формирование криминологически обоснованного правового поля в борьбе с преступностью» [7, с. 19—20].

Следует отметить, что проблемы предупредительной деятельности специалистами в области юриспруденции изучены недостаточно. Частично это обусловливается тем, что в нормативных правовых актах не определяются понятие, содержание и структура этой деятельности. В научной и учебной литературе не проведены четкие критерии отнесения того или иного государственно-правового института к числу органов, занимающихся предупреждением преступности.

В Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в ст. 5 определяется перечень субъектов системы профилактики правонарушений. В ст. 6 рассматриваемого Федерального закона указываются основные направления и формы деятельности субъектов системы профилактики правонарушений, но конкретные органы, которые будут выполнять данные функции, не указаны. Это наводит на мысль, что для того чтобы закон реально заработал, следует принять в дополнение к нему ряд нормативно-правовых актов уточняющих субъектов и конкретный вид предупредительной деятельности, которую они будут осуществлять.

В качестве положительного примера, который возможно взять за основу российскому законодателю, следует обратить внимание на то, каким образом определяются субъекты профилактики правонарушений и их компетенции в Законе Республики Казахстан «О профилактике правонарушений». В главе 2, состоящей из 15 статей, определяются конкретные органы и пределы их компетенции при осуществлении деятельности по предупреждению правонарушений.

При организации деятельности субъектов системы профилактики преступлений следует учитывать существенные различия регионального характера Российской Федерации. Следует прагматически оценивать особенности социально-экономического, демографического, культурного значения. Только учет специфики конкретных регионов позволит верно определить точки приложения сил в долгосрочной стратегии социально-правового контроля над различными криминальными проявлениями.

При разработке мер, направленных на предупреждение преступности всегда нужно помнить, что преступность — это вечный спутник человечества, что преступность — это норма. Причем рост показателей преступности — это не социальная патология, а общемировая закономерность и научно доказанная тенденция. Исходя из этого, новая идеология борьбы с преступностью должна нести в себе элементы толерантности. Это означает, что, во-первых, общество должно оценивать неизбежность сосуществования здоровой части населения с криминально пораженной, во-вторых, государство должно принимать все необходимые и доступные меры для того, чтобы сдерживать и контролировать криминальную активность в тех пределах, когда она не препятствует

нормальному и поступательному его развитию [9, с. 207—208].

Одним из основных направлений социально-правовой превенции преступности должен являться комплексный текущий мониторинг. Составляющей этой деятельности должно выступать научно-обоснованное изучение и фиксация объемов преступности.

Основным направлением уголовной политики в сфере предупреждения преступности является создание и осуществление единой системы государственных директивных установок и иных социальных предписаний, опирающихся на принципиальные основы уголовно-правовой борьбы с преступностью.

Литература

1. Горяинов К. К. Стратегические задачи предупреждения преступности аппаратами уголовного розыска / К. К. Горяинов. — М. : Академия МВД РФ, 1995.
2. Карташов, В. Н. Теория правовой системы общества : в 2 т. / В. Н. Карташов. — Ярославль, 2005.
3. Концепции развития российского законодательства. — М. : Эксмо, 2010.
4. Лесников, Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) : дис. ... докт. юрид. наук / Г. Ю. Лесников. — М., 2005.
5. Петрищев, В. Е. Профилактика преступлений как важное направление деятельности по обеспечению безопасности страны / В. Е. Петрищев. — М. : Академия ФСК России, 1994.
6. Петров, Э. И. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений : учебник / Э. И. Петров ; под ред. проф. В. Д. Малкова, доцента А. Ф. Токарева. — М., 2000.
7. Пинчук, Л. В. Криминологическая экспертиза законопроектов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. В. Пинчук. — М., 2011.
8. Стахов, Я. Г. Уголовная политика и ее реализация субъектами Российской Федерации : дис. ... докт. юрид. наук / Я. Г. Стахов. — М., 2006.
9. Туякбай, Ж. А. Правовые основы государственной политики Республики Казахстан в сфере уголовной юстиции /Ж. А. Туякбай. — Алматы, 2004.

References

1. Goryainov K. K. Strategic goals of the crime prevention apparatus of the criminal investigation. — M.: Academy of MIA of the Russian Federation, 1995.
2. Kartashov V. N. Theory of the legal system of society: in 2 vol. - Yaroslavl, 2005.
3. Concepts of development of the Russian legislation. — Moscow: Eksmo, 2010.
4. Lesnikov G. Yu. Criminal policy of modern Russia (Methodological, legal and organizational bases): dis. ... D. Yu.H. — M., 2005.
5. Petrishchev V. E. crime Prevention as an important activity in ensuring the security of the country. — M.: Academy of FSK of Russia, 1994.
6. Petrov E. I. organization of activity of law-enforcement bodies on crime prevention: Textbook./under the editorship of Professor V. D. Malkov, associate Professor A. F. Tokarev. — M., 2000.
7. Pinchuk L. V. Criminological examination of draft laws: author. dis. ... candidate of law.N. — M., 2011.
8. Stakhov A. G., Criminal policy and its implementation by the constituent entities of the Russian Federation: dis. ... D. Yu.H. — M., 2006.
9. Tuyakbai J. A. Legal framework of the state policy of the Republic of Kazakhstan in the field of criminal justice. Scientific publication. — Almaty, 2004.

ВОЛОШИН Петр Валерьевич, заведующий кафедрой права Костанайского филиала ФГБОУ ВО «ЧелГУ», кандидат юридических наук, доцент. 110000, Республика Казахстан г. Костанай, ул. Бородина 168-а. E-mail: voloshin_pv@mail.ru

VOLOSHIN Pyotr, head of Department of law of the Kostanay branch of the «Chelyabinsk state University», Cand. the faculty of law. associate Professor. 110000, Republic of Kazakhstan, Kostanay city, Borodin 168-a. E-mail: voloshin_pv@mail.ru

ПП № 2(66)-2018. с. 70 —74

УДК 34.03 + 343.21

Б. Б. Галиев

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЗНАКОВ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ТОЛКОВАНИЯ В КВАЛИФИКАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

B. B. Galiev

THE CATEGORY OF EVALUATION CHARACTERISTICS AND THE PROBLEMS OF THEIR INTERPRETATION IN THE QUALIFICATION PROCESS

Статья посвящена проблеме толкования оценочных признаков, используемых законодателем при формулировании отдельных составов преступлений. Подчеркивается ее значимость в правоприменительном процессе и предлагаются возможные пути ее решения.

Ключевые слова: *оценочные признаки, юридические ошибки, правоприменение, квалификация, законодательные примечания, судебное толкование.*

The article is devoted to the problem of interpreting the evaluation features used by the legislator in formulating separate crimes. It emphasizes its importance in the law enforcement process and suggests possible ways to solve it.

Keywords: *evaluation signs, legal errors, law enforcement, qualification, legislative notes, judicial interpretation.*

В уголовном законодательстве целый ряд составов различных по характеру преступлений сформулирован с использованием признаков, которые не имеют четко определенного толкования и таковые признаки традиционно относят к числу оценочных. Вместе с тем до настоящего времени использование оценочных признаков в уголовном законе как один из законодательных приемов является одной из наиболее дискуссионных проблем в доктрине уголовного права. Юридическое содержание таких признаков нередко является предметом толкования самого правоприменителя на основе его правосознания с учетом конкретных обстоятельств расследуемого либо рассматриваемого дела. В данном случае можно говорить о содержательности толкования на основе практического опыта следователем, прокурором и судьей, что может не совпадать с волей законодателя. Кроме того, неоднозначность в толковании оценочного признака может проявляться в позиции следователя и прокурора с одной стороны и судьи — с другой.

Но, как известно, уровень правосознания и профессиональной подготовленности практических работников неодинаков. Вследствие этого, а также из-за отсутствия законодательного разъяснения уголовно-правовых терминов, используемых для установления оснований уголовной ответственности, возникает разноречивое толкование одних и тех же признаков в теории, следственной и судебной практике.

Так, п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ предусматривает ответственность за похищение человека, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия. Содержание «иных тяжких последствий» закон не раскрывает, соответствующих разъяснений со стороны высшей судебной инстанции Российской Федерации также не имеется, за исключением отдельных уголовных дел, ставших предметом рассмотрения кассационной либо надзорной инстанций Верховного Суда РФ. Между тем этот признак повторяется в целом ряде составов, причем последние, расположенные в разных главах УК, могут иметь свою специфику как основания уголовной ответственности. Все это порождает, как указывалось выше, неоднозначное толкование данного признака в теории и на практике.

Так, с точки зрения авторов Комментария к Уголовному кодексу РФ, под иными тяжкими последствиями понимаются, в частности, самоубийство похищенного, тяжкое заболевание, психическое

расстройство, причинение по неосторожности тяжкого вреда потерпевшему, крупного имущественного ущерба и т. д. [2, с. 262]

Другие авторы, наряду с самоубийством либо покушением на самоубийство потерпевшего, психическим расстройством или тяжким заболеванием, называют срыв особо важного государственного мероприятия или коммерческой сделки [1, с. 223].

Третьи причисляют к иным тяжким последствиям помимо упомянутых, массовые беспорядки, национальные столкновения и т. д. [9, с. 79]

Развернутое толкование данному признаку попытались дать составители другого Комментария к УК РФ, где в числе называвшихся последствий упоминают такие, как скоропостижная смерть близких потерпевшему лиц, как следствие переживаний за его судьбу; выкидыш у потерпевших женщин, находящихся в состоянии беременности или смерть преждевременно родившегося ребенка, проявления терроризма, ответные похищения людей и иные тяжкие последствия [3, с. 235]. К сожалению, комментирование завершается ссылкой на пресловутые «иные тяжкие последствия.

Аналогичное отягчающее обстоятельство содержится в п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ, предусматривающей ответственность за квалифицированный вид изнасилования, причем относительно последнего высшая судебная инстанция давала толкования в своих постановлениях, хотя по своему объему они могли отличаться и это не способствовало единой практике правоприменения. Так, согласно разъяснения в постановлении №11 Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» (утратило силу), к «иным тяжким последствиям» изнасилования или насильственных действий сексуального характера, предусмотренным п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ следует относить последствия, которые не связаны с причинением по неосторожности тяжкого вреда здоровью потерпевшего лица либо заражением его ВИЧ-инфекцией. Таковым может быть признано, например, самоубийство потерпевшей»[6, с. 5]. Но судя по характеру разъяснения, это одно из возможных последствий данного преступления а, следовательно, возможны и другие. И в случае появления таковых, правоприменителю надлежало самостоятельно решить вопрос об отнесении их к числу «иных тяжких последствий.

Вероятно, учитывая чрезмерную краткость данного разъяснения, Верховный Суд РФ в п. 13 нового постановления № 16 от 4 декабря 2014 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» указал, что «к иным тяжким последствиям изнасилования или насильственных действий сексуального характера, предусмотренным пунктом «б» части 3 статьи 131 и пунктом «б» части 3 статьи 132 УК РФ, следует относить, в частности, самоубийство или попытку самоубийства потерпевшего лица, беременность потерпевшей и т. п.»[7, с. 4]. Опять же подразумевалось, что перечисленными последствиями содержание данного оценочного признака не исчерпывается.

Разумеется, могут возразить, что суд не может перечислить все возможные «иные тяжкие последствия» и отчасти это будет резонный довод, но только отчасти, причем относительно данной группы преступлений. Анализ противоправных деяний по этой категории дел показывает, что наиболее часто наступившими подобного рода последствиями являются самоубийство, покушение на самоубийство, беременность потерпевшей (кстати, это один из социальных показателей к производству аборта) и психическое расстройство, что и надлежало указать в результате обобщения судебной практики.

Во всяком случае, следует стремиться дать оптимально развернутое толкование определенного оценочного признака, ибо в противном случае это может порождать проблемные вопросы квалификационного характера и, как следствие, юридические ошибки. Это тем более актуально, поскольку указанный признак широко используется в составах экологических преступлений (глава 26), преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства (глава 29), преступлений против правосудия (глава 31) и других, учитывая, что составы названных групп преступлений имеют свои особенности.

Необходимость сведения к минимуму, а в перспективе и полного исключения юридических ошибок, связанных с неадекватным пониманием уголовно-правовых признаков, обусловлена не в последнюю очередь тем, что они отрицательно сказываются, главным образом, на социально-правовом и общепревентивном значении обвинительного приговора.

Разумеется, можно выдвинуть тезис о том, что во избежание правоприменительных ошибок следует отказаться в законодательстве от оценочных признаков, используемых для описания составов преступлений. К сожалению, на сегодняшний день это будет неоправданным шагом и в принципе такой подход не решит проблемы.

Эволюция законодательства свидетельствует, что последнее развивалось от казуистических приемов к абстрактному, обобщенному описанию уголовно-правовых норм. Придавая норме уголовного закона абстрактное содержание, законодатель стремился с возможной полнотой охватить всю сферу регулируемых им отношений для того, чтобы в конкретном случае правовой оценки максимально учесть фактические обстоятельства уголовного дела. Такой законодательный подход вполне оправдан и в настоящее время его следует признать востребованным применительно к уголовно-правовым признакам, содержание которых зависит от перманентного изменения социальных обстоятельств. Так, содержание признака «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства», относящегося к преступлению, предусмотренному ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями), может зависеть, например, от изменения социально-политической либо социально-экономической обстановки в стране, приоритетов уголовно-правовой охраны и т. д. В этой связи названный признак должен относиться к категории оценочных, ибо его строгая очерченность может в войти в противоречие с меняющейся социальной обстановкой, а постоянное изменение уголовного закона нарушает принцип стабильности, весьма важный с точки зрения уголовной политики и его превентивной функции. На наш взгляд, если нельзя отказаться от использования оценочных признаков, то необходимо свести к минимуму их использование при формулировании составов преступлений без ущерба для законодательной техники.

Думается, один из возможных и существующих путей решения данной проблемы — судебное толкование рассматриваемых признаков, осуществляемое высшей судебной инстанцией в соответствующих постановлениях по определенной категории дел.

Справедливости ради следует отметить, что правоприменитель в форме судебного толкования, о чем отмечалось выше, разъясняет содержание отдельных признаков основных либо квалифицированных составов конкретных видов преступлений. Так, например, было сделано Верховным Судом в отношении признака «насилие, не опасное для жизни или здоровья» и «насилие, опасное для жизни или здоровья» в постановлении № 29 от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. постановления от 3 марта 2015 г. № 9) [5] и это весьма существенно облегчило процесс квалификации, поскольку данный признак используется законодателем во многих составах преступлений Особенной части УК РФ.

В некоторых случаях сама законодательная дефиниция отдельных понятий и ее составляющих признаков могут являть собой оценочные категории, но высшей судебной инстанцией по непонятным причинам их толкование применительно к различным составам преступлений может осуществляться различно. Так, в уже упоминавшемся постановлении «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», Верховный Суд РФ касательно организованной группы пояснил, что «организованная группа характеризуется, в частности, устойчивостью, наличием в ее составе организатора (руководителя) и заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределением функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла»[5]. В другом постановлении № 1 от 9 февраля 2012 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (в ред. постановления от 3.11.2016 г. № 41) высшая судебная инстанция ограничилась лишь цитированием ч. 3 ст. 35 УК РФ относительно понятия организованной группы [4]. В другом случае Верховный Суд РФ в своем постановлении кратко отметил, что «организованная группа — это группа из двух и более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких убийств», проигнорировав такой важный характеризующий признак организованной группы как «устойчивость» [8]. Более того, доминантный признак понятия организованной группы «устойчивость» сам является оценочным и требует предметного толкования и доказывания на стадии досудебного производства, а в теории уголовного права относится к числу дискуссионных. Опять же только в первых двух из вышеперечисленных постанов-

лений Верховный Суд РФ разъяснил, что следует понимать под «устойчивостью», а во всех остальных постановлениях высшей судебной инстанции подобный комментарий не встречается.

Вместе с тем в уголовном законодательстве немало терминов, сущность которых требует разъяснения, в числе таковых можно назвать, например, «особая жестокость», «злостность», «систематичность», «неоднократность», «иные насильственные действия», «иные противоправные действия» и т. д. Такое разнообразие затрудняет процесс квалификации противоправных деяний.

В этой связи высказывалась точка зрения о целесообразности дать толкование уголовно-правовых признаков в специальной норме Общей части УК, как это сделано в некоторых зарубежных уголовных кодексах.

Аналогичным образом поступил казахстанский законодатель и в новом УК Республики Казахстан 2014 г. ввел специальную ст. 3, озаглавив ее «Разъяснение некоторых понятий, содержащихся в настоящем кодексе» [10, ст. 83]. На наш взгляд, указанная статья получилась весьма объемной и громоздкой и в определенной мере затрудняет пользование Кодексом.

Думается, было бы логичней снабдить статьи Особенной части УК, содержащих оценочные признаки, соответствующими законодательными примечаниями, наподобие тех, что уже имеются в статьях Особенной части УК, что значительно облегчило бы процесс уяснения и толкования подлежащей применению нормы и обеспечило эффективность правовой оценки.

Наряду с этим следует шире применять и судебное толкование, как одного из определяющих факторов обоснованного правоприменения и соблюдения принципа законности, разумеется, при единообразном толковании тождественных признаков по отношению к одной группе преступлений либо к преступлениям, расположенных в разных главах, но совершаемым одним способом, например, посредством насилия.

Литература

1. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. В. И. Радченко, А. С. Михлина. — СПб. : Питер, 2008. — 784 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Ю. В. Грачева, Л. Д. Ермакова, Г. А. Есаков ; отв. ред. А. И. Рарог. — 8-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2012. — 544 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. Расширенный уголовно-правовой анализ / под общ. ред В. В. Мозякова. — 2-е изд. перераб. и доп. — М. : Экзамен, 2003. — 880 с.
4. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 9 февраля 2012 г. [Электронный ресурс]. — URL: http://base.garant.ru/70137188. (Дата обращения 24.03 2018 г.)
5. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление № 29 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. (в редакции постановления от 16 мая 2017 г. № 17) [Электронный ресурс]. — URL: http://base.garant.ru/1352873/ (Дата обращения 24.03. 2018 г.)
6. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление № 11 Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2004 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 8. — 2004.
7. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : Постановление № 16 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2015. — № 2. — С. 2—6.
8. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 (в ред. постановлении от 3 марта 2015 г.) [Электронный ресурс] — URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1251642/ (Дата обращения 24.03. 2018 г.)
9. Уголовное право РФ. Особенная часть : учебник / под ред. д. ю. н., проф. Л. В. Иногамовой-Хегай, д. ю. н., проф. А. И. Рарога, д. ю. н., проф. А.И. Чучаева. — Изд. исправ. и доп. — М. : ИНФРА-М : Контракт, 2006. — 739 с.
10. Уголовный кодекс Республики Казахстан 2014 г. // Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 2014. — № 13-II.

References

1. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RF./ pod red. V.I. Radchenko, A.S. Mikhlina. — SPb.: Piter, 2008. — 784 s.
2. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RF/ YU.V. Gracheva, L.D. Yermakova, G.A. Yesakov: otv. red. A.I. Rarog. — 8-ye izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2012. — 544 s.
3. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RF. Rasshirennyy ugolovno-pravovoy analiz/Pod obshch. red V.V. Mozyakova.- 2-ye izd. pererab. i dop.- M.: Izdatel'stvo «Ekzamen», 2003. — 880 s.
4. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii №1 ot 9 fevralya 2012 g. «O nekotorykh voprosakh sudebnoy praktiki po ugolovnym delam o prestupleniyakh terroristicheskoy napravlennosti» [Elektronnyy resurs] — URL: http://base.garant.ru/70137188// Data obrashcheniya 24.03 2018 g.
5. Postanovleniye №29 Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii «O sudebnoy praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboye» ot 27 dekabrya 2002 g. (v redaktsii postanovleniya ot 16 maya 2017 g. № 17) [Elektronnyy resurs] — URL: http://base.garant.ru/1352873/ Data obrashcheniya 24.03. 2018 g.
6. Postanovleniye №11 Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 15 iyunya 2004 g. «O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh, predusmotrennykh stat'yami 131 i 132 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii //Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. — №8. — 2004 (utratilo silu).
7. Postanovleniye №16 Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 4 dekabrya 2014 g. «O sudebnoy praktike po delam o prestupleniyakh protiv polovoy neprikosnovennosti i polovoy svobody lichnosti»//Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. — 2015. — №2. S.2-6
8. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 27 yanvarya 1999 g. №1 «O sudebnoy praktike po delam ob ubiystve (st. 105 UK RF) (v red. postanovlenii ot 3 marta 2015 g.) [Elektronnyy resurs] — URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1251642/ Data obrashcheniya 24.03. 2018 g.
9. Ugolovnoye pravo RF. Osobennaya chast': Uchebnik. Izd. isprav. i dop./Pod red. d.yu.n., prof. L.V. Inogamovoy — Khegay, d.yu.n., prof. A.I. Raroga, d.yu.n., prof. A.I. Chuchayeva.- M.: INFRA-M: KONTRAKT, 2006. — 739 s.
10. Ugolovnyy kodeks Respubliki Kazakhstan 2014 g. //Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazakhstan. — 2014. — № 13-II. — St. 83

ГАЛИЕВ Бахыт Байсекенович, профессор кафедры права Костанайского филиала ФГБОУ ВО «ЧелГУ» кандидат юридических наук, член Костанайской областной коллегии адвокатов. 110000, Республика Казахстан г. Костанай, ул. Бородина 168-а. E-mail: ardager75@mail.ru

GALIEV Bakhyt, Professor of the Law Department of the Kostanay Branch of the Federal State Educational Establishment of Higher Professional Education of the "ChelGU" Candidate of Law, a member of the Kostanay Regional bar association. 110000, Republic of Kazakhstan, Kostanay city, Borodin 168-a. E-mail: ardager75@mail.ru

ПП № 2(66)-2018. с. 75 —79

УДК 343.1 + 343.268 (470 + 574)

А. Т. Исмагулова

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

A. T. Ismagulova

SOME PROBLEM ASPECTS OF THE OPERATION OF CRIMINAL LAW IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND IN THE RUSSIAN FEDERATION REGULATING COMPULSORY MEASURES OF A MEDICAL NATURE

В настоящей статье анализируются уголовно-правовые нормы двух соседних государств — Российской Федерации и Республики Казахстан, регламентирующие принудительные меры медицинского характера, выявляются проблемы применения данных мер в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения в Республике Казахстан, выдвигаются авторские идеи о необходимости возврата принудительного лечения лиц, страдающих алкоголизмом в Российской Федерации.

Ключевые слова: *Уголовный кодекс, принудительные меры медицинского характера, уголовное наказание, лица, больные алкоголизмом или наркоманией, преступления, алкоголь, алкогольное опьянение, обстоятельства, отягчающие наказание.*

This article analyzes the criminal law norms of two neighboring states — the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, regulating compulsory medical measures, identifies the problems of applying these measures to persons who committed crimes in the state of intoxication in the Republic of Kazakhstan, put forward the author's ideas about necessity for a return Compulsory treatment of persons suffering from alcoholism in the Russian Federation.

Keywords: *The Criminal Code, compulsory measures of a medical nature, criminal punishment, persons suffering from alcoholism or drug addiction, crimes, alcohol, alcohol intoxication, circumstances aggravating punishment.*

Защита, провозглашенных Конституцией Республики Казахстан основных прав и свобод человека и гражданина от преступных посягательств осуществляется с помощью норм уголовного законодательства. В арсенале борьбы с преступностью традиционным выступает институт уголовного наказания.

Также в некоторых случаях дополняют данный институт иные меры уголовно-правового характера, в частности принудительные меры медицинского характера.

Уголовное наказание и принудительные меры медицинского характера достаточно обширные и глобальные темы по своему значению, поэтому в рамках данной публикации остановлюсь лишь на некоторых проблемных аспектах, на мой взгляд, как автора.

Во-первых, отрадно, что в отличие от многих стран постсоветского пространства поспешивших отменить принудительное лечение лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией, в нашей республике продолжает действовать си-

стема принудительного лечения вышеуказанных лиц.

По данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан в 2016 году всего совершено 408 775 уголовных правонарушений, из них 17 631 уголовных правонарушений, совершено в состоянии алкогольного опьянения, в 2017 г. всего совершено 360 429 уголовных правонарушений, из них 16 404 правонарушений совершено в состоянии алкогольного опьянения [11].

Кроме того, не секрет, что в состоянии алкогольного и наркотического опьянения совершаются тяжкие и особо тяжкие преступления.

Л. Ю. Перемолотова еще в 2002 г. приводила следующие цифры: преступления против собственности (кража, грабеж, разбой) — 28,9 %; против жизни и здоровья — 27,7 %; против половой неприкосновенности — 11,7 % [14].

Криминогенная ситуация с так называемой «алкогольной преступностью» продолжает оставаться критичной и в нынешнее время.

На протяжении последних 3-х лет (это с 2014 по 2017 гг.) 60 % убийств совершается в состоянии опьянения — отметил заместитель Генерального прокурора Республики Казахстан Е. А. Кененбаев в своем научном докладе на «круглом столе», посвященном профилактике преступлений, связанных с посягательствами на жизнь человека [10]. По информации директора Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан А. К. Жумагали каждый третий убийца — алкоголик [5].

Кроме убийств, лица, в состоянии алкогольного опьянения совершают изнасилование, насильственные действия сексуального характера, кражи, грабежи, разбои, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, хулиганские действия, угон транспортных средств без цели хищения.

На мой взгляд, алкоголь может служить одним из сильных побудительных факторов, толкающих человека на совершение правонарушений [7].

Немало примеров, когда в результате употребления алкоголя человек совершал преступление. Современные СМИ так и пестрят заголовками: «Приговор по одному из самых резонансных и циничных ДТП прошлого года вынесли в Житикаринском районном суде 9 февраля. По материалам дела, 23-летний житикаринец Д., будучи в состоянии алкогольного опьянения, сбил насмерть троих сотрудников скорой помощи».

20 октября 2017 года Р. вместе со своей 46-летней знакомой Г. распивал спиртные напитки в нежилой квартире в селе Арка Камыстинского района. Между ними произошла ссора: Р. начал высказывать претензии по поводу того, что Г. не отдает 20 000 тенге, которые она заняла у него в мае. Г. сказала, что вернет деньги после того, как её сожителя Ш. выпишут из областного наркодиспансера. Однако Р. не поверил ей и совершил убийство последней [12].

По многим преступлениям, которые были совершены в состоянии алкогольного опьянения, суды нашей республики наряду с назначением наказания в приговорах отмечают на основании заключения врачей-наркологов, необходимость принудительного лечения в местах лишения свободы от алкоголизма.

Однако, несмотря на законодательную регламентированность принудительного лечения лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией или токсикоманией и на существующую практику назначения судами этих мер имеются проблемы правоприменительного характера.

Так, в судебной практике решая вопрос об условно-досрочном освобождении вышеназванной категории лиц, необходимо обратить внимание на отсутствие в представленных материалах сведений о прохождении осужденным курса принудительного лечения от алкоголизма или наркомании либо токсикомании, назначенного ему приговором суда.

Кроме того, распространены факты, когда принудительное лечение от наркомании, алкоголизма либо токсикомании назначается лицу, осужденному к непродолжительному сроку лишения свободы, в связи с чем обоснованно возникают сомнения в достижении ожидаемого эффекта от проведения принудительного лечения. В таких случаях, нужно чтобы в материалах дела было медицинское заключение о необходимости продолжения лечения по месту жительства в период неотбытого наказания.

Впервые за уклонение от принудительного лечения от алкоголизма или наркомании действующий новый закон Республики Казахстан предусматривает уголовную ответственность. В частности статья 427 УК Республики Казахстан гласит: «Уклонение лица, осужденного за уголовные правонарушения против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также осужденных лиц,

признанных нуждающимися в лечении от алкоголизма, наркомании и токсикомании, от применения к ним принудительных мер медицинского характера -наказывается лишением свободы на срок до одного года» [17].

Также сейчас в казахстанском обществе активно обсуждаются вопросы дополнительных ограничений к лицам, склонным к совершению правонарушений в состоянии алкогольного опьянения для исключения рецидивной преступности.

В частности, на рассмотрение Мажилиса Парламента РК внесен законопроект, в соответствии с которым вводится полный запрет на употребление алкогольных напитков лицам, освобожденным из мест лишения свободы условно-досрочно. Срок, в течение которого может быть установлен административный надзор в отношении ранее судимых лиц, увеличится с трех лет до погашения судимости [6].

Я считаю данные предложения МВД Республики Казахстан конструктивными, необходимыми для внедрения в практико-профилактическую деятельность ОВД, так как не секрет, что зачастую лица, освобожденные из мест лишения свободы вновь встают на преступный путь, не желая трудиться, становясь маргиналами общества и злоупотребляя алкоголем.

В Российской Федерации принудительные меры медицинского характера не применяются к лицам, совершившим преступление в состоянии алкогольного опьянения с 8 декабря 2003 года. И это по суждениям многих ученых (С. Г. Келина [9], А. Н. Батанов [1, с. 9], В. М. Степашин [16], С. В. Векленко [4], К. Н. Карпов, Л. С. Панов [13], С. А. Бушуева [3], и др.), все-таки излишняя и ничем не оправданная гуманизация норм уголовного законодательства.

Как отмечают российские ученые, в настоящее время деятельность медицинских вытрезвителей в России не имеет федерального нормативного регулирования. Приказ МВД СССР от 30 мая 1985 г., регламентирующий деятельность медицинских вытрезвителей, с 1 января 2010 года признан недействующим [2].

Проблемой подвыпивших граждан занимаются исключительно медицинские учреждения, которым конечно сложно в одиночку решать эти задачи.

На мой взгляд, правильно считает С. С. Бахтеев, что этой проблемой должны заниматься оба ведомства (медицинские учреждения совместно с правоохранительными органами), причем с учетом степени алкогольного опьянения граждан, их поведения (агрессия, попытка суицида, депрессивное состояние, и т. д.), статуса на момент его (се) обнаружения (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый) [2].

Другой российский ученый С. Н. Якунина в своей научной статье пишет: «В самом деле, реализуя социальные меры борьбы с алкоголизацией общества и ужесточая контроль за оборотом спиртосодержащей продукции, нельзя обходить стороной возможность активизации государства и в сфере уголовной политики, ведь одними из наиболее эффективных средств противодействия криминальной активности являются уголовно-правовые нормы». Далее автор предлагает расширить перечень обстоятельств, отягчающих уголовное наказание, предусмотренный ст. 63 УК РФ дополнив новым — совершение преступление в состоянии алкогольного опьянения [17].

И, наконец, такие ученые, как В. М. Степашин, С. А. Бушуева предлагают вернуть принудительное лечение лиц, совершивших преступление в состоянии алкогольного опьянения.

Здесь весьма актуальны слова А. А. Пионтковского «парализовать рост и развитие алкоголизма — значит сократить рост и развитие преступности» [15].

Изучение воззрений многих ученых-юристов, анализ норм уголовного законодательства зарубежных государств, статистических данных, позволяет сделать вывод о необходимости реанимирования п. «г» ч. 1 ст. 97 УК России. Я по-прежнему сохраняю убежденность в необходимости этой нормы в уголовном законе Российской Федерации. Ранее и в диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук [8, с. 26], и в научных публикациях на данную тему я предлагала вернуть нормы о принудительном лечении лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией [7, с. 51].

Более того, имеются нормы о принудительном лечении вышеуказанной категории лиц, в таких государствах, как Великобритания, Франция, Италия, ФРГ, Швейцария, США. Если проанализировать страны СНГ, то в Республике Беларусь, Молдовы, Азербайджана, Грузии сохранено принудительное лечение лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией.

Литература

1. Батанов, А. Н. Правовое регулирование принудительных мер медицинского характера / А. Н. Батанов. — Ульяновск, 2005.
2. Бахтееев, С. С. Проблема алкоголизма и преступности / С. С. Бахтееев // Правопорядок: история, теория, практика. — 2014. — №1(2). — С. 101—103.
3. Бушуева, С. А. О необходимости принудительного лечения лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией / С. А. Бушуева // Бизнес в законе : экономико-юридический журнал. — 2008. — № 4. — С. 273.
4. Векленко, С. В. Систематизация иных мер уголовно-правового воздействия как средство повышения эффективности уголовного закона / С. В. Векленко, К. Н. Карпов // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 325. —С. 93.
5. Жумагали, А. К. Криминологическая характеристика убийств: количественно-качественный анализ. Материалы круглого стола на тему: «Профилактика преступлений, связанных с посягательствами на жизнь человека» 10 августа 2017 г. / А. К. Жумагали. — Алматы, 2017. С. 9.
6. Запретить употреблять алкоголь освобожденным по УДО планируют в Казахстане https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/zapretit-upotreblyat-alkogol-osvobojdennyim-udo-planiruyut-339807/
7. Исмагулова, А. Т. Некоторые проблемные аспекты уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения / А. Т. Исмагулова // Адил сот. — 2013. — №3. С. 51—54.
8. Исмагулова, А. Т. Регламентация принудительных мер медицинского характера по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2010.
9. Келина, С. Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера / С. Г. Келина // Государство и право. — 2007. № 6. — С. 55.
10. Кененбаев, Е. А. Материалы круглого стола на тему: «Профилактика преступлений, связанных с посягательствами на жизнь человека» 10 августа 2017 г. / Е. А. Кененбаев — Алматы, 2017. — С. 5—6.
11. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан. — URL: http://qamqor.gov.kz/.
12. Наша газета : Костанаский областной еженедельник. — URL: http://www.ng.kz/
13. Панов, Л. С. Принудительное лечение как мера профилактики наркотизма / Л. С. Панов // Средства и методы воздействия на преступность и иные правонарушения : сб. науч. трудов. — Омск,1998. — С. 47—54.
14. Перемолотова, Л. Ю. Преступления, совершаемые в состоянии алкогольного опьянения: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. Ю. Перемолотова. — М., 2002. — 24 с.
15. Пионтковский, А. А. Избранные труды / А. А. Пионтковский. — Казань, 2004. — 372 с.
16. Степашин В. М. Лечение лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией, как уголовно-правовая принудительная мера медицинского характера / В. М. Степашин // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2014. — № 2 (39). — С. 200—206.
17. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 года № 226-V. // Сайт законодательства РК. — URL: http://www.zakon.kz.
18. Якунина, С. Н. О проблеме влияния алкоголя на преступность в современном обществе: уголовно-правовой путь преодоления / С. Н. Якунина // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 3. — С. 264.

References

1. Batanov, A. N. Legal regulation of coercive measures of a medical nature. Ulyanovsk, 2005.-S. 9.
2. Bahteev S. S. the Problem of alcoholism and crime//Law and order: history, theory, practice. 2014. No. 1 (2). — Pp. 101-103.
3. Bushueva S. A. on the necessity of compulsory treatment of persons suffering from alcoholism and drug addiction// Business in law. Economic and legal journal. - 2008. No. 4. — P. 273.
4. Veklenko S. V., Karpov K. N. Systematization of other measures of criminal law impact as a means of improving the effectiveness of the criminal law// Bulletin of Tomsk state University. 2009. No. 325. — P. 93 —
5. Zhumagali, A. K. Criminological characteristics of murders: quantitative and qualitative analysis. Materials of the round table on the theme: «Prevention of crimes related to attacks on human life» August 10, 2017 P.9.
6. https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/zapretit-upotreblyat-alkogol osvobojdennyim-udo-planiruyut-339807
7. Ismagulova A. T. Some of the problematic aspects of criminal responsibility of persons who have committed crimes in an alcohol intoxication// Adil SOT. 2013. No. 3. Pp. 51-54.
8. Ismagulova A. T. Regulation of compulsory measures of medical nature under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. The dis-

sertation on competition of a scientific degree of candidate of law.N. Chelyabinsk. 2010. — P. 26.
9. Kelina S. G. Punishment and other measures of criminal and legal nature//State and law. -2007. No. 6. — P. 55.
10. Kenenbayev E. A. Materials of the round table on the theme: «Prevention of crimes connected with attacks on human life» August 10, 2017, Pp. 5-6.
11. http://qamqor.gov.kz
12. http://www.ng.kz/
13. Gentry L. S. Compulsory treatment as a measure of prevention// the Means and methods of influence on crime and delinquency: Sat. scientific papers. Omsk. -1998. —S. 47-54.
14. Perevalova L. Y. Crimes committed in alcohol intoxication: the Criminal law and criminological aspects: the dissertation on competition of a scientific degree of candidate of law.N. M., 2002. -24c.
15. Piontkovsky A. A. Selected works. Kazan. 2004. 372 p.
16. Stepashin V. M. Treatment of persons suffering from alcoholism or drug addiction as a criminal-legal compulsory measure of a medical nature// Bulletin of Omsk University. Series «Right». 2014. No. 2 (39). C. 200-206.
17. The criminal code of the Republic of Kazakhstan dated July 03, 2014 № 226-V. // Website legislation of the Republic of Kazakhstan. — http://www.zakon.kz.
18. Yakunina S. N. On the problem of alcohol influence on crime in modern society: the criminal — legal way of overcoming// Theory and practice of social development. -2011. — No. 3. — P. 264.

ИСМАГУЛОВА Айгуль Туреханoвна, адвокат Костанайской областной коллегии адвокатов, доцент кафедры права Костанайского филиала ФГБУ-ВО «ЧелГУ», кандидат юридических наук. 110000, Республика Казахстан г. Костанай, ул. Бородина 168-а. E-mail: 7aigul7@mail.ru

ISMAGULOVA Aigul, lawyer of the Kostanay Regional Bar Association, Associate Professor of the Law Department of Kostanay Branch of the Federal State Educational Establishment of Chelyabinsk State University “Chelyabinsk State University”, Candidate of Legal Sciences. 110000, Republic of Kazakhstan, Kostanay city, Borodin 168-a. E-mail: 7aigul7@mail.ru

ПП № 2(66)-2018. с. 80—84

УДК 343.3/.7:796 + 343.985.7:796 + 343.352

Е. Н. Рахманова, П. В. Цветков

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ СПОРТА

E. N. Rakhmanova, P. V. Tsvetkov

SOME PROBLEMS OF IMPROVING RUSSIAN CRIMINAL LAW IN THE SPHERE OF SPORTS

Статья посвящена анализу современного российского уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за деяния, совершаемые в сфере спорта. Профессионализация современного спорта и его коммерциализация породили множество проблем. В частности, правовое регулирование спорта сегодня носит порой бессистемный характер, что затрудняет адекватную и своевременную реакцию общества на совершаемые правонарушения, увеличивает латентность преступлений в названной сфере и допускает нарушение принципа неотвратимости наказания. Несмотря на многочисленные изменения, которые претерпела ст. 184 УК РФ, она по-прежнему не совершенна и нуждается в серьезной доработке. Это же в полной мере относится и к ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, которые также требуют серьезных изменений.

Ключевые слова: *преступления в сфере спорта, допинг, спортивное хулиганство, субъекты уголовной ответственности.*

The article analyses modern Russian criminal law, which establishes responsibility for acts committed in the sphere of sport. The professionalization of modern sports and its commercialization have spawned many problems. In particular, the legal regulation of sports today is sometimes unsystematic, which complicates an adequate and timely response of society to committing offenses, increases the latency of crimes in this area and allows violation of the principle of the inevitability of punishment. Despite the many changes that have undergone Art. 184 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is still not perfect and needs serious improvement. This is also true of the art. 230.1 and 230.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, which also require major changes.

Keywords: *crimes in the sphere of sport, doping, sports hooliganism, subjects of criminal responsibility.*

Физическая культура, в целом, и спорт, в частности, — индустрии, охватывающие и затрагивающие интересы миллионов людей во всем мире (спортсмены, тренеры, зрители, функционеры и т. д.).

Спорт — детско-юношеский, массовый, любительский, профессиональный, а также спорт высших достижений, не сводится только к спортивным состязаниям, поскольку обладает важнейшей экономической и зрелищно-развлекательной составляющими.

В целом, регулирование правовых отношений в спорте в Российской Федерации представлено достаточно разнообразно. Регуляторами этих отношений выступают гражданское, налоговое, трудовое, уголовное законодательство, федеральные законы («О рекламе», «Об ограничении курения табака», «О финансовой аренде (лизинге)», «О лотереях» и т. д.), а также многочисленные ведомственные акты. Но уголовно-правовое регулирование спортивной сферы, на наш взгляд, недостаточно и требует серьезных изменений.

Анализ ситуации, сложившейся в спорте и вокруг него, показывает, что существующие общественные отношения в области спорта не всегда в должной мере защищаются уголовным законом.

В настоящее время в УК РФ содержится три состава преступления (ст. 184, 230.1, 230.2 УК РФ), прямо охраняющих и защищающих, как узкие интересы спортсменов, так и лиц, непосредственно

причастных к спорту, а также зрителей и болельщиков. Ст. 184 УК РФ устанавливает ответственность за неправомерное оказание влияние на результаты спортивного соревнования. А ст. 230.1 и 230.2 УК РФ, введённые Федеральным законом от 22.11. 2016 № 392-ФЗ [5] в УК РФ, установили ответственность тренеров, специалистов по спортивной медицине либо иных специалистов в области физической культуры и спорта за склонение спортсмена, либо за использование в отношении спортсмена независимо от его согласия субстанций и методов, запрещенных для использования в спорте.

Все остальные интересы лиц, так или иначе имеющих отношение к спорту, косвенным образом защищены за счет общих норм. Например, ст. 109УК РФ (причинение смерти по неосторожности), ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному), ст. 136 УК РФ (нарушение прав и свобод гражданина и человека), ст. 179 УК РФ (принуждение к совершению сделки или отказа от ее совершения), ст. 1 99УК РФ (уклонение от уплаты налогов и сборов с организации), ст. 212 УК РФ (массовые беспорядки), ст. 213 УК РФ (хулиганство) и т. д.

Что касается преступлений против жизни и здоровья, совершаемые в сфере спорта, то в этой части внимания заслуживают лишь неосторожные деяния, поскольку умышленные деяния должны квалифицироваться по соответствующим статьям главы 16 УК РФ.

Нужно отметить, что до сих пор практически отсутствуют научно обоснованные рекомендации по применению уголовного законодательства в области спорта, что усугубляет проблемы правоприменительной практики, увеличивает латентность преступлений и допускает нарушение принципа неотвратимости наказания.

В то же время, на наш взгляд, особой целесообразности создания отдельной главы в уголовном законе, направленной на защиту общественных отношений в области спорта, нет. Но внесение дополнение или изменений в содержание соответствующих разделов и глав статей (частей статей, пунктов, подпунктов), направленных на дополнительную охрану спорта, представляется необходимым и своевременным.

Свидетельством тому являются события, предшествующие участию российских спортсменов, а затем и непосредственное их участие в XXIII Зимних Олимпийских играх в Южной Корее, которые еще раз подтвердили необходимость уголовно-правового регулирования соответствующих отношений. Прежде всего, это касается допинга. Внесенные в 2016 году изменения в УК РФ, в части включения двух составов преступлений, связанных со склонением спортсмена к использованию (ст. 230.1 УК РФ) и использованием в отношении спортсмена (ст. 230.2 УК РФ) субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, практически сразу вызвали обоснованную критику многих специалистов [8].

Оставляя в данном случае проблемы, связанные с не проработанностью составов, следует признать, что они охватывают не всю палитру деяний, имеющих отношение к данным преступлениям. Так, остался нерешенным вопрос о незаконном обороте (в том числе контрабанде) допинга и других фармакологических средств, способных выполнять его функции. Хотя внесение соответствующих изменений и дополнений в ст. 228 УК РФ, 228.1 УК РФ и ст. 229.1 УК РФ смогло бы устранить данный пробел.

Самостоятельное потребление допинга спортсменами, вообще, отставлено без внимания законодателя. И это несмотря на то, что данное деяние можно рассматривать как один из способов совершения преступления, предусмотренного ст. 184 УК РФ.

Официальные соревнования, их проведение, допускается только на основании правил, утвержденных ст. 25 Федерального Закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [6], в котором нарушение правил видов спорта упоминается в одном ряду с нарушениями положений (регламентов) спортивных соревнований. Таким образом, уголовной ответственности при причинении вреда жизни и здоровью в спорте должны подлежать деяния, совершенные при грубом нарушении установленных правил видов спорта и положений (регламентов) о спортивных соревнованиях. Вопрос о том, является нарушение грубым или нет, следует решать применительно к конкретному виду спорта (но, в любом случае, за нарушение соответствующих правил вида спорта должно быть предусмотрено спортивно-дисциплинарное наказание).В этой связи полагаем, что ч.1 ст. 109 УК РФ и ч. 1 ст. 118 УК РФ следует дополнить словами: «*а равно при грубом нарушении установленных правил видов спорта и положений (регламентов) о спортивных соревнованиях*». Это должно помочь в определенной степени уголовно-правовому регули-

рованию преступлений, совершаемых в сфере спорта и предусмотренных в главе 16 УК РФ.

Спорт, в значительной степени профессиональный, в настоящее время сталкивается с таким особым общественно-опасным явлением, которое условно принято называть «спортивное» хулиганство (особое место занимает, как известно, футбол).На международном уровне приняты Европейская конвенция предотвращения насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий, и в частности футбольных матчей 1985 года [1], а также Конвенция Совета Европы по единому подходу к безопасности, защите и обслуживанию во время спортивных мероприятий, и в частности футбольных матчей (ратифицированы РФ) [3].

В европейских государствах проблемы «спортивного» хулиганства решаются различными формами и методами, в том числе и уголовно-правовыми. Так, например, «начиная с 1980-х годов в Англии был принят ряд специальных законодательных актов, позволяющих преследовать хулиганов как в административном, так и в уголовном порядке. Закон от 1986 года (Public Disorder Act) ввел в качестве меры наказания запрет на посещение стадиона (вплоть до пожизненного). Через три года виновным в беспорядках возбранялось посещение любых матчей на территории Англии и Уэльса, а также за границей. В 1991 году к списку преступлений на стадионе было добавлено: бросание любых предметов в направлении поля или в зрителей, расистские или просто оскорбительные выкрики, проникновение на поле или в подтрибунные помещения без специального разрешения (Football Offences Act)» [2].

Во Франции в соответствии со статьей L. 332-3 Спортивного кодекса Франции «лицо, распространяющее или пытающееся распространять алкогольные напитки на территории спортивного объекта, в котором проводится спортивное мероприятие или его публичная трансляция, подлежит 1 году лишения свободы и штрафу в размере 7500 евро. Пребывание лица, находящегося в состоянии алкогольного опьянения на спортивном мероприятии, так же карается штрафом в размере 7500 евро, а за совершение лицом, находящимся в таком состоянии, насильственных действий, повлекших полную потерю трудоспособности другого лица на срок до 8 дней предусматривается 1 год лишения свободы и штраф в размере 15 000 евро (как это устанавливает статья L. 332-4). Наказанию в виде одного года лишения свободы и штрафа в размере 15 000 евро подлежат лица, проникающие (пытающиеся проникнуть) на территорию спортивного объекта в состоянии алкогольного опьянения; разжигающие ненависть и побуждающие зрителей к совершению насилия в отношении других лиц... (статьи L. 332-5, L. 332-6, L. 332-7 и L. 332-10 Спортивного кодекса Франции)» [7, с. 86].

Применительно к России, можно согласиться с А. А. Мейтиным, который охарактеризовал преступления, совершаемые футбольными болельщиками, как преступления, которые представляют собой посягающие на общественную безопасность и общественный порядок умышленные, насильственные, имеющие групповой характер преступления, совершаемые по мотивам, связанным с состязаниями и внутригрупповой жизнью футбольных болельщиков, на стадионах, улицах и иных общественных местах, как правило, до, после или во время футбольных матчей [4, с. 9].

Возбуждение уголовных дел в отношении «спортивных» хулиганов, при огромном количестве противоправных проявлений, являются единичными случаями, вследствие, в том числе, и того, что норма ст. 213 УК РФ в настоящей редакции не защищает интересы граждан, находящихся в общественных местах, в частности, на спортивных аренах. Именно поэтому полагаем целесообразным дополнить ч.1 ст. 213 УК РФ словами: *при проведении спортивных соревнований, за грубые нарушения общественного порядка на стадионах и других спортивных аренах.* Думается, что это заставит фанатов и болельщиков более ответственно подходить к своему поведению при посещении спортивных состязаний.

Уголовно-правовая норма (ст.184 УК РФ), призванная защищать общественные интересы, в частности, результаты официальных спортивных соревнований, от оказания на них противоправного влияния, претерпев множество изменений, в настоящее время, по нашему мнению, по-прежнему не в полной мере способствует правильному ее толкованию и правоприменению.

В диспозиции ч. 1 ст. 184 УК РФ перечислены действия, которые направлены на получение материальной или иной имущественной выгоды. Но для большинства спортсменов и их тренеров, наивысшей наградой являются все-таки не материальные блага, а честолюбие, жажда победы, азарт, всеобщее признание и любовь,

патриотизм. И ради победы, завоевания наград, они готовы пойти на все, не задумываясь о последствиях.

Это, кстати, касается и приема, и употребления допинга. Об его употреблении становится известно через какое-то время, а результат — победа сейчас.

Ради достижения результатов тренеры, особенно в детско-юношеском спорте, выставляют для участия в соревнованиях лиц, которые по определенным критериям, например, в силу возраста не могут принимать в них участия.

И как результат потерпевшими от подобных противоправных действий становятся не только спортсмены, не выигравшие соревнования, но и все любители спорта, болельщики, ожидавшие объективной, справедливой и беспристрастной борьбы.

Наконец, не может не вызывать сомнений круг лиц, которые могут являться субъектами данного состава преступления. Исходя из буквального понимания закона субъектами могут быть спортсмен, спортивный судья, тренер, руководитель спортивной команды, *другой участник* или организатор официального спортивного соревнования. Понятие «другой участник» в законе не раскрывается, что, с одной стороны, может привести к неоправданно широкому толкованию, а с другой стороны, за пределами состава фактически остаются лица, также заинтересованные в исходе спортивных соревнований: председатели правлений клубов, генеральные директора клубов, менеджеры и т. д., а также, спортивные агенты, на долю которых в настоящее время возложено решение всех вопросов о трудоустройстве спортсменов и их дальнейшей карьере. Но прямыми участниками спортивных соревнований их признать нельзя в силу специфики выполняемой ими деятельности.

В целях минимизации латентности, для организации мероприятий, направленных на пресечение, выявление, раскрытие, расследование преступлений в области спорта, и доведения уголовных дел данной категории до судебного разбирательства необходимо, в первую очередь, решить вопросы совершенствования уголовного законодательства в части уголовной ответственности за преступления, совершаемые в области спорта.

Литература

1. Европейская конвенция о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий и в частности футбольных матчей (ETS N 120) // Бюллетень международных договоров. — 2000. — № 1. — С. 8—22.
2. Как Англия победила хулиганов. — URL: https://www.sports.ru/football/144858404.html
3. Конвенция Совета Европы по единому подходу к безопасности, защите и обслуживанию во время спортивных мероприятий, и в частности футбольных матчей (CETS N 218) // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 6. — Ст. 798.
4. Мейтин А. А. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых футбольными болельщиками, и их предупреждение : дис. ...канд. юрид. наук / А. А. Мейтин. — Ростов-н/Д, 2004.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение антидопинговых правил) : Федеральный закон от 22.11.2016 № 392-ФЗ // Российская газета. — 2016. — № 266. — 24 нояб.
6. О физической культуре и спорте в Российской Федерации : Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Понкин, И. В. Правовое обеспечение противодействия противоправному поведению спортивных болельщиков / И. В. Понкин, А. А. Соловьев, А. И. Понкина ; под ред. И. В. Понкина ; Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России ; Национальное объединение спортивных юристов Российской Федерации ; кафедра спортивного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — М., 2014. (Актуальные проблемы спортивного права. — Вып. 22).
8. Решетников, А. Ю. Противодействие нарушениям антидопингового законодательства уголовно-правовыми средствами / А. Ю. Решетников, А. М. Возняк // Уголовное право. — 2017. — № 3. — С. 57—62.

References

4. European Convention on Spectator Violence and Misbehaviour at Sports Events and in particular at Football Matches (ETS No. 120)// Bulletin of International Treaties. 2000. N 1. C. 8 — 22.
6. How England won хулиганов//https://www.sports.ru/football/144858404.html
5. Council of Europe Conventionon an Integrated Safety, Securityand Service Approachat Football Matchesand Other Sports Events (CETS No. 218) //https://rm.coe.int/1680667451
8. Meytin A. A. Criminological characteristics of crimes committed by football fans, and their warning: the dis.... of the cand. of jurisprudence. — Rostov-on-don, 2004, p. 9
1. The Federal law of 22.11.2016 N 392-FZ «About modification of the Criminal code of the Russian Federation and the code of Criminal procedure of the Russian Federation (regarding strengthening of responsibility for violation of anti-doping rules)// Rossiyskaya Gazeta, n 266, 24.11.2016
3. The Federal law of 04.12.2007 N 329-FZ (edition of 05.12.2017) «About physical culture and sport in the Russian Federation»// Consultant Plus
7. Ponkin I. V., Soloviev A. A., A. Ponkin I. Legal provision of countering illegal behavior of sports fans / edited by I. V. Ponkin / Commission on sports law Association of lawyers of Russia; National Association of lawyers of the Russian Federation; Department of sports law of the Moscow state legal University named after O. E. Kutafin (MSLA). — M., 2014. (Series: «Actual problems of sport law». — Vol. 22). — P. 86
2. Reshetnikov, A., Wozniak, M. A. Counteraction to violations of anti-doping legislation in the criminal law and act // Criminal law. 2017. N 3. P. 57 — 62.

РАХМАНОВА Екатерина Николаевна, заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. 197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5. E-mail:ekaterina.rachmanova@gmail.com

ЦВЕТКОВ Павел Валерьевич, старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация. 197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5. E-mail: pavel.tsvetkov.71@mail.ru

RAKHMANOVA Ekaterina, PH. D. (Law), Chair of the Department of Criminal Law, North-West Branch of the Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russian Federation). 197046, St. Petersburg, Alexander Park, 5. E-mail: ekaterina.rachmanova@gmail.com

TSVETKOV Pavel, senior lecturer of the Department of Criminal Law, North-West Branch of the Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russian Federation). 197046, St. Petersburg, Alexander Park, 5. E-mail:pavel.tsvetkov.71@mail.ru

ПП № 2(66)-2018. с. 85—88

УДК 343.341 + 343.98

В. Н. Сафонов

КРИМИНОГЕННОСТЬ ЗАКОНА: МАСШТАБЫ, ПРИЗНАКИ, ПРЕОДОЛЕНИЕ

V. N. Safonov

THE CRIMINALITY OF THE ACT: SCOPE, CHARACTERISTICS, OVERCOMING

В статье предпринята попытка системного рассмотрения проблемы криминогенности закона. Автор также использует результаты последних исследований в области криминологии закона. Результаты исследования представлены в следующих основных выводах.

Криминология закона как отдельное направление криминологической науки позволяет выделить три категории криминогенно-обусловленных законов: криминогенный закон, преступный закон и закон, предусматривающий преступление-фикцию. Криминогенные законы не ограничиваются коррупционными нормами, так как не связаны лишь со случаями корыстной мотивации. Криминогенные нормы определяют материальный, формальный и процессуальный признаки. Криминогенные нормы системно свойственны практически всем отраслям российского права. Механизм реформирования вновь выявленных криминогенных норм нуждается в совершенствовании.

Ключевые слова: *криминогенность закона, коррупциогенный закон, криминологическая экспертиза, криминогенная правовая норма.*

The article attempts to systematically address the problem of criminality of the law. The author also uses the results of recent research in the field of criminology of the law. The results of the study are presented in the following main conclusions. Criminology law as a separate area of criminological science allows to distinguish three categories: crime-related laws: criminal law, criminal law and law providing for crime fiction. Criminogenic laws are not limited to corruption norms, as they are not related only to cases of mercenary motivation. Criminogenic norms determine the material, formal and procedural features. Criminogenic norms are systematically characteristic of almost all branches of Russian law. The mechanism for reforming the newly discovered criminogenic norms needs to be improved.

Keywords: *criminality of law, corruption law, criminological expertise, criminal law.*

Криминогенность закона — многоаспектная теоретико-прикладная проблема. В научно-методологическом отношении она изначально разрабатывалась Санкт-Петербургским профессором, известным криминологом Д. А. Шестаковым в ряде его фундаментальных трудов и стала логическим продолжением семантического понимания преступления.

Проблематика криминогенного закона наиболее глубоко исследуется в рамках криминологии закона-отрасли криминологии, а точнее, — той её части, которую принято именовать криминологической школой социальных подсистем [8, с. 5].

Закон, считает Д. А. Шестаков, в каком-то смысле может стать источником преступлений, в одном случае — мнимым (фиктивным), а в другом подлинным [8, с. 9].

В целом же в рамках криминологии закона этот учёный выделяет три вида так или иначе криминогенно-обусловленных законов: закон, предусматривающий преступление-фикцию (отсутствующее в действительности); преступный закон и криминогенный закон.

Действительно, практика порождения преступлений-фикций достаточно свежа в памяти. Обращение к истории криминализации деяний даже в пределах обозримого прошлого не оставляет сомнений в справедливости выдвинутого тезиса.

Вспомним хотя бы печально известную ст. 70 УК РСФСР 1960 г. (антисоветская агитация и пропаганда) — достойный и печальный памятник уголовного права финальной части существования СССР. Характерно, что в то же время одним из краеугольных камней партийного строительства признавался предусмотренный Уставом КПСС принцип критики и самокритики. Свежи в памяти и иные гримасы криминализации деяний, криминологически необоснованных и не представляющих никакой общественной опасности. Сюда, в частности, относится и ст. 154 УК РСФСР 1960 г. (спекуляция). А ст. 140-Б УК РСФСР1926 г., действовавшая с 1936 по 1954 гг., предусматривала уголовную ответственность женщине, выполнившей себе же аборт.

В признании преступлений-фикций Д. А. Шестаков не одинок, хотя терминология не вполне совпадает. Например, Я. И. Гилинский определяет как «бессмысленно надуманные составы преступлений — «оскорбление религиозных чувств верующих», розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции» и ряд других [1].

Ставя вопрос о преступных законах, Д. А. Шестаков приходит к необходимости их дифференциации, в основе которой два классификационных критерия — территориальный (внутренние преступные законы и внешние), а также объект посягательства. Сюда, например, он относит «уничтожающую Советский Союз» Декларацию о государственном суверенитете Российской Советской Социалистической Республики, принятую 12 июня 1990 г. первым Съездом народных депутатов РСФСР, ряд приватизационных законов и др.

Иное дело криминогенный закон, ставший предметом рассмотрения ряда исследователей, который определяется как закон, положения которого способствуют совершению преступления [3; 8, с. 46].

Исследователи рассматривают криминогенный закон с позиций его содержания, механизма действия, основных факторов криминогенности [3]. Определённым успехом в этом отношении является частная научная методика определения степени негативного влияния криминогенной нормы, применяемая на территории России и Казахстана [6].

И всё же изучение исследований на эту тему обнаруживает несоответствие между фактической криминогенной «поражённостью» норм различных отраслей права и механизмом противодействия этому явлению. Сложившаяся ситуация объясняется следующим.

Во-первых, практика экспертизы нормативных актов, которую регламентирует Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ (ред. от 21.10.2013) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», имеет достаточную узкую (антикоррупционную) направленность.

Во-вторых, на деле она сводится к экспертизе принимаемых актов, а текущий мониторинг уже принятых нормативных актов — явление весьма редкое.

В-третьих, глубинные криминогенные механизмы нередко проявляются в ходе применения правовой нормы, а варианты реагирования на такую норму, когда криминогенность носит не коррупционную, а иную природу, практически не действуют.

Приведём пример из сферы гражданского и жилищного права. Ст. 288 ГК РФ содержит правило о том, что объектами жилищных прав являются жилые помещения. При этом ст. 15 ЖК РФ определяет, что объектами жилищных прав являются жилые помещения. В соответствии с содержанием этих норм и со сложившейся практикой, объектом права собственности может быть как одна изолированная комната, так и квартира. Согласно ч. 2 ст. 244 ГК РФ имущество может находиться в общей собственности (долевой или совместной). Иногда такому сособственнику принадлежит так называемая «микродоля» в жилом помещении, которая по размеру уступит кровати-раскладушке. Нередко такую ситуацию используют не только недобросовестные граждане — собственники этих микродолей, но и действующие весьма профессионально преступные группы и преступные сообщества, поставившие на регулярную основу квартирное рейдерство. Механизм коварен и жесток: у собственника приобретается жилищная «микродоля», после чего собственника основной части жилого помещения выдавливают из жилища довольно обширным арсеналом криминальных средств: от угроз до убийств. Характерно, что в соответствии с ч. 2 ст. 247 ГК РФ участник долевой собственности имеет право на предоставление в его владение и пользование части общего имущества, соразмерной его доле, а при невозможности этого вправе требовать от других участников, владеющих и пользующихся имуществом, приходящимся на его долю, соответствующей компенсации. А вот собственников

преобладающей части жилого помещения таким правом закон не наделил. Отсюда и кровавые истории, особенно в городах с высокой стоимостью жилья. Небезынтересен тот факт, явление это стало достаточно распространённым, однако ни у одного правоприменителя до сути проблемы, что называется, не доходили руки. И лишь когда квартирная «микродоля» слишком часто стала мелькать в криминальных сводках, Верховный Суд РФ на уровне правоприменительной практики (т. е. при отсутствии нормы прямого действия относительно права выкупа «микродоли») изменил подход. Фактически взяв на себя функцию законодателя, ВС РФ распространил на обладателей основной части жилого помещения право приобретения «микродоли» через механизм компенсации [4].

Криминогенные нормы удобно и в достаточном числе расположились в уголовном праве: в институте освобождения от уголовной ответственности, практике применения оценочных категорий и т. д.

По мнению исследователей, уголовно-процессуальные новеллы привели к общему повышению уровня криминогенности этой отрасли права [2].

Криминогенность норм конституционного и административного права, относящиеся к их различным институтам, что называется на слуху, особенно если речь идёт о выборных компаниях.

Но нередко это касается и неопределенно широкого круга простых граждан. Вот свежий пример, относящийся к юрисдикции административного права. Ещё действуют правовые нормы, позволяющие высаживать безбилетников из общественного транспорта, безотносительно к региону, погодным условиям и состояния здоровья. Отмечались обморожения высаженных детей, а зимой 2017—2018 г. в Барнауле инвалид детства, высаженный кондуктором в 40-градусный мороз, скончался от обморожения [7].

Эффективное противодействие криминогенности правовых норм предполагает понимание содержательной стороны, т. е. направленности этих факторов. Наиболее типичными являются криминогенные факторы коррупционной природы. Однако достаточно широко представлены и факторы иной природы: насильственной, корыстно-насильственной. Причём криминогенные факторы не являются самодостаточными в механизме преступного поведения, им принадлежит роль условия, которое ложится на индивидуально-психологического свойства субъекта.

Криминогенный фактор в рамках правовой нормы реализуется в координатах материального, формального и процессуального признаков. Материальный признак криминогенного фактор сводится к особенностям того интереса, который, собственно, и является «движущей силой» рассматриваемого феномена. Формальный признак определяется отраслевой принадлежностью нормы права и её конструктивными особенностями. Процессуальный признак представляет собой процессуальную форму, в которой реализуется криминогенный фактор: судебное решение, которым оформлено освобождение от уголовной ответственности; постановление следователя, за взятку прекратившего уголовное дело по основанию примирения с потерпевшим, и т. п.

Рассматривая вопрос о формах реагирования на выявленные криминогенные нормы, мы, видим два варианта развития событий. Первый из них связан с механизмом устранения криминогенности на законодательном уровне. Так, подлежат коррекции цитированные выше нормы гражданского и жилищного права, касающихся «микродолей» в жилом помещении.

Следует признать факт неразвитости в правовой семье РФ механизмов устранения выявленной криминогенности закона. Обращения в Конституционный суд РФ касаются лишь части из них, а соответствующая экспертиза, как правило, связывается с «началом жизни» правовой нормы, когда ещё не ясны все грани её деятельности.

Отсюда вытекает необходимость проработки процедуры экспертизы ранее принятых норм права. Представляется, что инициативой обращения с целью проведения правовой экспертизы вновь выявленных криминогенных норм (а равно и обязанностью) следует наделить правоприменительные органы уровня субъекта Федерации.

Другое направление связано с сокращением уровня дискреционности правовой нормы на стадии её применения. Так, обоснованное и доказанное право на освобождение лица от уголовной ответственности по основаниям ст. 75 и 76 УК РФ (деятельное раскаяние и примирение с потерпевшим) должно коррелировать с обязанностью правоприменителя такое право соблюсти.

Попытка исследования криминогенного закона позволяет нам сделать следующие выводы и предложения.

1. Мы разделяем точку зрения исследователей, пришедших к выводу о том,

что криминология закона как отдельное направление криминологической науки позволяет выделить три категории криминогенно-обусловленных законов: криминогенный закон, преступный закон и закон, предусматривающий преступление-фикцию.

2. Криминогенные законы не ограничиваются коррупционными нормами, так как не связаны лишь со случаями корыстной мотивации.

3. Криминогенные нормы определяют материальный, формальный и процессуальный признаки.

4. Криминогенные нормы системно свойственны практически всем отраслям российского права.

5. Механизм реформирования вновь выявленных криминогенных норм нуждается в совершенствовании.

Литература

1. Гилинский Я. И. Криминализация и декриминализация в обществе постмодерна / Я. И. Гилинский // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. ст. по материалам IV Всерос. науч.-практ. конф 3 ноября 2016 г. ; под общ. ред. Е. Н. Рахмановой. — СПб. : ИД «Петрполис», 2016. — С. 67—73.
2. Джатиев В. С. О криминогенности современного российского уголовного процесса / В. С. Джатиев // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2014. — № 4 (35). — С. 69—74.
3. Иванов, С. А. Коррупциогенные факторы уголовного закона / С. А. Иванов // Закон и право. — 2013. — № 9. — С. 73—77.
4. Козлова, Н. Одной ногой в квартире. Большие споры на маленькой доле собственности / Н. Козлова // Российская газета. 2017. —18 сент.
5. Козлова, Н. Одной ногой в доме / Н. Козлова // Российская газета. — 2018. — 02 февр.
6. Кысыкова, Г. Б. Оценка криминогенного влияния дефектной нормы / Г. Б. Кысыкова // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2013. — № 2(29). — С. 60—63.
7. Петров, И. Охоту на «зайцев» могут запретить / И. Петров // Российская газета. — 2018. —6 марта.
8. Шестаков, Д. А. Введение в криминологию закона / Д. А. Шестаков. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2011.

References

1. Gilinsky Ya. I. Criminalization and decriminalization in postmodern society//Criminal policy and law enforcement practice. Collection of articles on the materials of the IV All-Russian scientific-practical. conference: 3 Nov 2016/ Ed. E. N. Rakhmanova// SZF, GBOWO «RGUP».- SPb. ID «Petropolis», 2016.- P. 67-73.
2. Dzhatiev V. S. About the criminality of the contemporary Russian criminal process//Criminology: yesterday, today, tomorrow.- 2014.- No. 4 (35).- 69-74.
3. Ivanov S. A. Corruption factors of the criminal law// Law and right.- 2013.-No. 9 P. 73—77.
4. Kozlova N. One foot in the apartment. Large disputes on little fraction actually-STI//the Russian newspaper. — 18.09.2017.
5. Kozlova N. She's: One foot in the house//the Russian newspaper.- 02.02.2018 g .
6. Kasykova G. B. Assessment of the criminogenic effects of the defective norms// Criminology: yesterday, today, tomorrow.- 2013.- No. 2(29).- Pp. 60-63. 7.
7.Petrov I. the Hunt for «birds» can prevent//the Russian newspaper.- 6.03.2018
8. Shestakov D. A. Introduction to criminology of the law. SPb.: Publishing house "Legal center Press". — 2011.- C. 5.

САФОНОВ Владимир Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». 197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, д.5, E-mail: kaf.up@mail.ru.

SAFONOV Vladimir, candidate of jurisprudence, associate professor, associate professor of the criminal law department of the Northwestern branch of the FGBOU VO "Russian State University of Justice". 197046 St. Petersburg, Alexandrovsky Park, 5, E-mail: kaf.up@mail.ru.

ПП № 2(66)-2018. с. 89—93

УДК 343.341 + 343.341.1(470 + 574)

Е. В. Топильская

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОРГАНИЗОВАННУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНЫХ КОДЕКСОВ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

E. V. Topilskaya

PROBLEMS OF CRIMINAL AND LEGAL IMPACT ON ORGANIZED CRIME ON THE EXAMPLE OF THE PENAL CODES OF RUSSIA AND KAZAKHSTAN

В статье рассматриваются уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за создание организованного преступного сообщества или преступной организации, а также раскрывающие понятия, которыми оперирует законодатель, устанавливая ответственность за эти преступления. Автором осуществлен сравнительный анализ норм об организованной преступной деятельности в уголовных кодексах Российской Федерации и Республики Казахстан, с учетом серьезных различий в подходе к законодательному описанию организованных преступных объединений, а также техники имплементирования в национальное законодательство международно-правовых норм из Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности. Освещены проблемы законодательного формулирования основных понятий, содержащихся в уголовно-правовых нормах, в частности — преступного сообщества и преступной организации.

Ключевые слова: *организованная преступность, уголовное законодательство, имплементация, преступное сообщество, преступная организация.*

The article deals with legal norms regulating the responsibility for the creation of an organized criminal group or criminal organization, as well as revealing the concepts used by the legislator, establishing liability for these crimes. The author carried out a comparative analysis of the norms on organized criminal activity in the penal codes of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, taking into account the serious differences in the approach to the legislative description of organized criminal associations, as well as the technique of implementing international legal norms from the UN Convention against transnational organized crime into national legislation. The problems of the legal definition of the basic concepts contained in the criminal law are examined, in particular — the concept of the criminal community and criminal organization.

Keywords: *organized crime, criminal law, implementation, criminal association, criminal organization.*

Организованная преступность угрожает не только отдельным государствам, но в силу ее транснационального характера представляет серьезную угрозу для всего мирового сообщества: оказывает негативное воздействие нагосударственную власть различных стран, национальную безопасность и стабильность, препятствует международному развитию [1]. В связи с этим важное значение приобретает консолидация усилий государств в противодействии организованной преступности, причем определяющая роль в данном процессе отводится совершенствованию уголовного законодательства, в частности — соблюдению стандартов

криминализации деяний, характерных для организованной преступности. В 2000 г. на уровне Организации Объединенных Наций была подписана Конвенция против транснациональной организованной преступности; к настоящему времени 189 государств в различных формах участвуют в этом международном соглашении, выполняя условия уголовно-правового сотрудничества в борьбе против организованной преступности (обеспечивая криминализацию и соответствующие пределы наказуемости участия в организованной преступной группе и содействия деятельности организованной преступной группы, а также легализации доходов от организованной преступной деятельности), и в том числе почти все страны постсоветского пространства.

Уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за организованную преступную деятельность в России и других странах СНГ, к моменту подписания Конвенции уже сложились и носили относительно унифицированный характер, с учетом того обстоятельства, что формирование системы организованной преступности началось еще в Советском Союзе, то есть в период, когда эти страны представляли собой не только одну территорию, но и единое правовое пространство, а социально-экономические условия, имевшие значение криминогенных детерминант, распространялись на всю территорию, и обусловливали характерные черты организованной преступности. Кроме того, новое уголовное законодательство суверенных стран создавалось на базе единого рекомендательного законодательного акта — Модельного Уголовного кодекса, принятого Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. [2]. В этом законодательном акте было сформулировано понятие организованной группы как устойчивой группы лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений, а преступного сообщества — как сплоченного объединения организованных преступных групп с целью получения незаконных доходов. По такому «лекалу» были сконструированы определения преступных сообществ в уголовных кодексах практически всех стран СНГ, однако цель получения незаконных доходов в определениях не фигурировала. Российская Федерация исправила этот пробел лишь в ноябре 2009 года, когда законодательное определение преступного сообщества в Общей части Уголовного кодекса было дополнено признаками организованной преступной группы, перенесенными из п. «а» ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности: структурированностью и целью получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду. Однако нормы Особенной части УК РФ, устанавливающей ответственность за создание преступного сообщества (преступной организации), — ст. 210 — эти изменения не коснулись.

К началу второго десятилетия XXI в. наиболее близкими друг к другу оказались законодательные описания организованного преступного объединения в уголовных кодексах России и Казахстана. В диспозициях норм об уголовной ответственности за создание организованного преступного объединения и участие в нем использовались одинаковые термины: «преступное сообщество (преступная организация)», «создание объединения руководителей или иных участников организованных групп или координация преступных действиймежду самостоятельно действующими организованными группами», «участие в собрании руководителей или иных представителей организованных групп». Но если законодательные конструкции в кодексах России, Беларуси и Украиныупрекали внечеткости формулировок, содержащих многочисленные оценочные признаки, что очевидно снижало потенциал уголовно-правового воздействия [8, с. 85—87, 178], то законодатели Казахстана сочли необходимым в примечании к ст. 235-1 («Создание и руководство преступным сообществом (преступной организацией), а равно участие в нем») привести легальное толкование терминов «координация преступных действий» и «лицо, занимающее лидирующее положение».

В настоящее время, несмотря на изменения, внесенные в Уголовный кодекс РФ в 2009 году, в российском уголовном праве сохраняются все те проблемы, с которыми столкнулись правоприменители при реализации уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ. Это, в первую очередь, обилие не правовых, а скорее, криминологических категорий, носящих неоднозначный, оценочный характер, что затрудняет применение нормы: структурные подразделения сообщества, устойчивые связи между самостоятельно действующими организованными группами, создание условий для совершения преступлений, сферы преступного влияния, влияние на участников организованных

групп, собрание организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп.

Кроме того, в диспозиции ст. 210 УК РФ (в 1 и 4 частях) перечислены субъекты, не фигурирующие в других аналогичных нормах о преступных объединениях: руководитель, лидер, представитель организованной группы,лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии. Это не виды соучастников, поскольку они не упоминаются в ст. 33 УК РФ; можно только предполагать, что это специальные субъекты, принадлежащие к одному виду соучастия, то есть подвиды, или разновидности фигуры организатора преступления. В данном случае налицо нарушение законодательной техники, так как эти наименования дублируют друг друга, и правоприменители, боясь ошибиться, вынуждены употреблять все эти термины по отношению к одним и тем же действиям или функциям субъекта.

Теоретики также обращают внимание на дефект юридической техники, сводящийся к тому, что из общего смысла диспозиции ч. 1 ст. 210 УК РФ вытекает, что речь идет об организаторе, создавшем преступное сообщество; между тем некоторые перечисленные в ней действия, с точки зрения терминологии института соучастия, являются сугубо исполнительскими [7, с. 131]. Грамматическое несовершенство диспозиции допускает возможность неоднозначного толкования ее [5]. Трактовка Пленумом Верховного Суда РФ содержащихся в диспозиции ст. 210 УК РФ оценочных категорий, — таких как «координация преступных действий» и «создание устойчивых связей», носит рекомендательный характер.

Наконец, вызывает обоснованную критику громоздкая и, к тому же, тавтологичная дефиниция «организация преступного сообщества (преступной организации)», «участие в нем (ней)»: наличие скобок в тексте правовой нормы, которыми выделяется отнюдь не раскрытие смысла термина, а просто другое наименование преступного объединения, приведенное без необходимости. Ведь в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» специально отмечено, что «закон не устанавливает каких-либо правовых различий между понятиями “преступное сообщество” и “преступная организация”» [4]. Поэтому несовершенная нормативная конструкция со скобками, дублирующими терминами и тавтологией переносится правоприменителями в процессуальные документы: «...осужден за участие в преступном сообществе (преступной организации)» [3], «предъявлено обвинение в совершении преступлений различной тяжести (организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» [6].

Между тем в уголовном законодательстве стран СНГ существует вариант решения вышеуказанных дискуссионных вопросов, который можно назвать эталонным. В июле 2014 г. в Республике Казахстан был принят новый Уголовный кодекс, который, в части законодательной регламентации ответственности за организованную преступную деятельность, более ориентирован на Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, чем на Модельный Уголовный кодекс для стран СНГ и на унифицированное право советского периода. Он предусматривает пять составов организованной преступной деятельности: «Создание и руководство организованной группой, преступной организацией, а равно участие в них» (ст. 262); «Создание и руководство преступным сообществом, а равно участие в нем» (ст. 263), «Создание и руководство транснациональной организованной группой, транснациональной преступной организацией, а равно участие в них» (ст. 264), «Создание и руководство транснациональным преступным сообществом, а равно участие в нем» (ст. 265), «Финансирование деятельности преступной группы, а равно хранение, распределение имущества, разработка каналов финансирования» (ст. 266).Новаторскаий характер законодательного решения проявляется не только в расширении круга и в детализации криминализированных деяний, но и в типе имплементации международно-правовых норм — он соединяет инкорпорацию и трансформацию. Так, при включении в уголовный закон понятия транснациональной преступной организациизаконодатель приводит легальное толкование этого понятия, основанное на положении Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, а также трансформирует международное понятие организованной преступной группы, расширяя его до преступной организации. Казахстанский законодатель также разделяет и выстраивает иерархию правовых категорий преступного сообщества и преступной организации, определяя в п. 25 ст. 3 УК преступную организацию как организованную группу, участники которой распределены по-

организационно, функционально и (или) территориально обособленным группам (структурным подразделениям), а преступное сообщество — как объединение двух или более преступных организаций (п. 23 ст. 3). Следует согласиться, что эти понятия — не синонимы; и кстати, в российском уголовно-правовом толковании понятий, связанных с организованной преступностью, был сделан шаг к их разделению: в п.3 Постановления от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)»Пленум Верховного Суда РФ признает, что преступное объединение может существовать в двух формах, либо в форме структурированной организованной группы, либо в форме объединения организованных групп, действующих под единым руководством. Однако несовершенство законодательной техники, а именно — выделение скобками словосочетания «преступная организация» в названии и диспозиции ст. 210 УК РФ инспирирует понимание сообщества и организации как синонимов, чего не случилось бы, если бы законодатель вместо скобок использовал союз «или».

В новом Уголовном кодексе Республики Казахстан сохранено легальное толкование понятий «координация преступных действий» и «лицо, занимающее лидирующее положение», но из Особенной части, из примечания к статье, устанавливавшей ответственность за создание преступного сообщества, оно перенесено в Общую часть, в ст. 3, разъясняющую понятия, содержащиеся в кодексе. Нужно заметить, что размещение этого разъяснения в Общей части более соответствует правилам юридической техники и отвечает требованию системности уголовного закона.

Еще одно несомненное достоинство нормативного закрепления ответственности за организованную преступную деятельность в УК Республики Казахстан — в нем преступные объединения, относящиеся к организованной преступности, отделены от тех групп, которые не входят в систему организованной преступности, то есть от террористической группы,экстремистской группы, банды и незаконного военизированного формирования (ч. 3 ст. 31 УК РК).К сожалению, в российском уголовном законодательстве, в результате непоследовательного редактирования ст. 35 УК РФ о групповом совершении преступлений, вслед за имплементацией нормы Конвенции ООН об извлечении материальной выгоды как цели деятельности преступного сообщества, был приведен исчерпывающий перечень видов преступных сообществ (преступных организаций), включивший и экстремистское, и террористическое сообщество, и незаконное вооруженное формирование, у которых в действительности иные цели деятельности.Этим был нарушен принцип системности уголовного закона, чего можно было избежать, инкорпорировав международно-правовую норму о цели извлечения материальной выгоды не в Общую, а в Особенную часть, а именно в диспозицию ст.210 УК РФ, так как это единственный вид преступного сообщества, во всех случаях стремящийся к достижению данной цели.

Таким образом, законодательную регламентацию уголовно-правовой борьбы с организованной преступностью в Республике Казахстан можно оценить как наиболее отвечающую требованиям юридической техники, бережно и грамотно реализующую в уголовном законе криминологические признаки организованной преступности, и по духу соответствующую международным стандартам правовой оценки этого вида преступности.

Литература

1. Доклад о работе тринадцатого Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Доха, 12—19 апреля 2015 г. // Организации Объединенных Наций : официальный сайт. — URL: http://www.unodc.org/documents/congress/Documentation/Report/ACONF222_17r_V1502931.pdf (дата обращения 10.03.2018).
2. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ (с изм. и доп.) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. — 1996. — № 10.
3. О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств. : Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 13 мая 2015 г. № 41-П15 // СПС «Гарант».
4. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2010. — № 8.

5. Прозументов, Л. М. Уголовно-правовые проблемы противодействия организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) / Л. М. Прозументов // Уголовная юстиция. — 2016. — № 1 (7). — С. 10—15.
6. Решение Верховного Суда РФ от 11 февраля 2016 г. № АКПИ15-1519 // СПС «Гарант».
7. Саблина, М. А. Фигура организатора в соучастии в преступлении и участии в организованной преступной деятельности / М. А. Саблина // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2015. — № 4.
8. Черный, А. В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) по законодательству России, Беларуси и Украины: сравнительный анализ : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Черный. — Рязань, 2005.

References

1. Doklad o rabotetrinadtsatogoKongressaOrganizatsiiOb"edinennykhNatsijpopreduprezhdeniyuprestupnosti i ugolovnomupravosudiyu.Dokha, 12-19 aprelya 2015 g. //Ofitsial'nyjsajt OON.
2. Model'nyjUgolovnyjkodeksdljagosudarstv-uchastnikovSNG (sizm. idop.)// Informacionnyjbjulleten' MezhparlamentskojAssambleigosudarstv — uchastnikovSNG, 1996, # 10.
3. PostanovleniePrezidiumaVerhovnogoSuda RF ot 13 maja 2015 g. # 37-P15. — Dostupiz SPS «Garant».
4. Bjulleten' VerhovnogoSudaRossijskojFederacii, 2010, # 8.
5. Prozumentov L.M. Ugolovno-pravovyeproblemyprotivodejstvijaorganizaciiprestupnogosoobshhestva (prestupnojorganizacii) iliuchastija v nem (nej)// Ugolovnajajusticija. 2016. # 1 (7). — S. 10-15.
6. ReshenieVerhovnogoSuda RF ot 11 fevralja 2016 g. # AKPI15-1519. — Dostupiz SPS «Garant».
7. Sablina M.A. Figuraorganizatora v souchastii v prestuplenii i uchastii v organizovannojprestupnojdejatel'nosti // Pravo. ZhurnalVysshejshkolyjekonomiki. 2015. # 4. S.131.
8 Chernyj A.V. Ugolovnajaotvetstvennost' zaorganizacijuprestupnogosoobshhestva (prestupnojorganizacii) pozakonodatel'stvuRossii, Belarusi i Ukrainy: sravnitel'nyjanaliz. — Diss...kand. jurid. nauk. — Rjazan' 2005. — S.85-87, 178.

ТОПИЛЬСКАЯ Елена Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ-ВО «Российский государственный университет правосудия» г. Санкт-Петербург, 197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5-А. E-mail: etopilskaya@yandex.ru

TOPILSKAYA Elena Valentinovna, PhD,Associate professor of the criminal law department of the North-West branch of Russian State University of Justice. 197046, Russia, Saint-Petersburg, Alexandrovskyparc, 5-A. E-mail: etopilskaya@yandex.ru

ПП № 2(66)-2018. с. 94—104

УДК 343.84 + 341.49 + 343.84 (574)

Б. К. Шнарбаев

ОПЫТ ПРОБАЦИИ СТРАН ДАЛЬНЕГО И БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

B. K. Shnarbaev

PROBATION EXPERIENCE OF COUNTRIES OF NEAR AND FAR ABROAD

Пробация является альтернативным решением наказанию и все еще совершенствуется, она позволяет обществу предотвращать относительно менее тяжкие преступления с минимальными потерями. В состоянии поиска находится и Казахстан, опыт по реализации пробации в зарубежных странах должен быть востребован в Казахстане и в других постсоветских государствах.

Используя опыт стран дальнего и ближнего зарубежья, раскрываются возможности формирования отечественной службы пробации, и это способствует повышению эффективности деятельности УИС страны.

Ключевые слова: *пробация, международный опыт, добровольные помощники, преступность, эффективность, политика, мониторинг, ресоциализация.*

Probation is an alternative of punishment and it is still in the process of improvement, it lets society to prevent less serious crimes with minimum losses. Kazakhstan is in the status of prospecting, experience in executing of probation in foreign countries should be drawn on in Kazakhstan and other post-Soviet States.

In drawing on the experience of countries of near and far abroad opportunities of domestic probation service formation and it contributes to the effectiveness of country's penitentiary system work.

Keywords: *probation, international experience, volunteers, crime, efficacy, policy, monitoring, resocialization.*

Мировое сообщество в рамках международных стандартов придерживается одного мнения — лишение свободы это исключительная мера наказания, действующая в интересах безопасности потерпевшего, общества и процесса ресоциализации осужденного. Для выполнения этих целей в странах Европы, США, Японии и др. существуют специальные службы пробации, которые решают вопросы социального реинтегрирования лиц, которые находятся в конфликте с законом.

История зарождения пробации в Европе имеет глубокие корни и в какой-то мере она уже имеет трехвековой исторический опыт тюремного патроната, своего рода постпенитенциарное сопровождение. Подробно эти вопросы исследовал А. И. Абатуров, определив проблемы минимизации рецидивной преступности посредством института постпенитенциарного надзора. Автор провел сравнительно-правовой анализ нормативных правовых актов, детализирующих надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы Европы [1].

Отличие в разных странах Европы носит иногда только ведомственный характер. В Великобритании, Дании, Японии, Финляндии, Норвегии, Латвии, Чехии, Эстонии и других странах, служба пробации подконтрольна Министерству юстиции, в США, Германии, Венгрии — судебной власти, в Нидерландах — прокуратуре, в Швеции — тюремному ведомству, в Сингапуре управлению Министерства общественного развития и спорта [2, с. 46].

В большинстве стран службы пробации выступают в качестве связи между внутренней и внешней частью сообщества и не вмешиваются в работу тюрем. Активность подразделения пробации проявляют в следующих вопросах: 1. при поиске жилья, работы, оказания медицинской помощи; 2. контроль за лицом, в формате нахождения его по месту жительства,

работы, учебы, посещения мест, которые ему не рекомендуются для посещения.

Практика пробации в европейских странах, США и Японии в связи с требованиями государства и общества направляет свои усилия на предотвращение совершения преступлений со стороны подконтрольных лиц, т.е. недопущения рецидива преступлений. И этот настрой поддерживают в большинстве своем школы, муниципалитеты, общественные организации, потому что это сфера в которой вращаются лица находящиеся под пробацией.

Поднимая вопрос о использовании опыта других стран, считаю, что в штате пробации больше должно быть не юристов, а специалистов гражданского профиля с образованием социальной направленности. Об этом подробно уже говорилось в ряде международных документов, в которых подробно описаны требования к персоналу пробации. В странах европейского содружества, большинство сотрудников гражданские служащие, которые носят гражданскую одежду. Это еще одно подтверждение о необходимости демилитаризации пробации в нашей стране. Персонал пробации различается по отделам, административный персонал, другие служащие, непосредственно выполняющие прямые функции с подопечными, поэтому объем их функций различен [14].

Отличительная черта западной пробации в том, что если подопечный нуждается в помощи он может обратиться в суд или к Омбудсмену. Это практикуется в таких странах, как Болгария, Каталония, Чешская Республика, Дания, Литва, Латвия, Люксембург, Португалия) или специализированный омбудсмен в сфере тюрем или защиты прав человека (в Соединенном Королевстве, Финляндии, Венгрии, Швеции, Польше, Франции). Омбудсмен для реализации и вообще готовности оказать помощь должен обладать определенными ресурсами.

Пробация в Европе не стоит на месте, а двигается вперед. И это продвижение продиктовано необходимостью согласования программ обучения различных подразделений, в том числе пробации в пенитенциарной системе государства, развитие практической деятельности тюремной системы и пробации. Проводятся современные исследования по вопросам пробации и реализация основного решения Европейского Союза по трансграничным мерам пробации [12].

Передача органам пробации социально-адаптационных функций стала международной практикой. С точки зрения ведомственной принадлежности службы пробации могут находиться как в ведении министерства внутренних дел, так и юстиции, а, например, в Чешской республике служба пробации относится к судебному ведомству [17]. В Западной Европе организационная структура, формы и методы работы службы пробации вырабатывались в течение многих десятилетий, и это разновидность социальной службы, невоенизированная структура, сходная по устройству с муниципальными органами [6, с. 66].

Широкими полномочиями наделена служба пробации Молдовы, созданная в 2009 г. В настоящее время в республике действуют 42 территориальных офиса по пробации (169 сотрудников) и Центральный офис пробации (31 сотрудник). На одного сотрудника приходится от 30 до 70 подопечных [5]. В соответствии с законом Молдовы «О пробации» [9] от 14.02.2008 г., пробация, осуществляется в форме контроля за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, их ресоциализацией и адаптацией, а также в формате предупреждения совершения новых преступлений.

Имеются существенные недостатки деятельности службы пробации:

1) отсутствие профессиональных и обученных сотрудников в необходимом количестве. Недостатки в данной области очевидны: малое количество хорошо подготовленных в данной области специалистов, деятельность лиц «отягощенных» предыдущим опытом работы в силовых структурах, недостаточное количество психологов, что оказывает негативное влияние на уровень эффективности пробационных программ. 2) сбои в системе взаимодействия службы пробации с органами внутренних дел, местного самоуправления. 3) проблемы организационного характера: отсутствие положений и других подзаконных актов, конкретно регламентирующих механизм деятельности служб пробации; отсутствие курсов по профессиональной подготовке кадров; отсутствие программ по реабилитации и исправлению для взрослых и несовершеннолетних; недостаточное и неэффективное сотрудничество с органами местного публичного управления, отделами социальной защиты и другими организациями, а также с неправительственными организациями, действующими в данной области; отсутствие отдельных кабинетов для работы с несовершеннолетними; недостаточное финансирование, отсутствие транспорта,

служебных помещений, низкий уровень заработной платы [9].

В Латвии служба пробации была создана в 2003 г., деятельность ее регулируется Законом «О Государственной службе пробации». В соответствии с законодательством, Государственная служба пробации Латвии находится в ведении Министерства юстиции.

К функциям службы (ст. 6 Закона) отнесены: составление программ по коррекции поведения и досудебного доклада лиц, находящихся под контролем, реализация наказаний, не связанных с лишением свободы, контроль за лицами условно осужденными и условно-досрочно освобожденными, а также все вопросы связанные с социальной помощью.

В Финляндии с августа 2001 года в составе Департамента уголовной политики Министерства юстиции стало действовать Агентство уголовных наказаний, одним из отделов которого является служба по уголовному надзору, где также функции направлены на ресоциализацию осужденных и реализацию наказаний не связанных с лишением свободы [11].

В Дании в 1973 году была образована Государственная служба, объединяющая в себе функции службы тюрем и службы уголовного надзора. Около 95 % инспекторов по надзору являются профессиональными социальными работниками, обладающими знаниями социальной политики, социологии, психологии, права социального обеспечения, гражданского права, уголовного права, криминологии, медицины [11, с. 180].

В Эстонии с мая 1998 года в структуре Министерства юстиции начала свою деятельность новая профессиональная государственная Служба по уголовному надзору, сотрудники которой обладают особым статусом и квалификацией. С 2000 года на работу стали принимать только лиц, имеющих высшее образование, как правило, в области социальной педагогики и социальной работы. С сентября 2001 года в учебных заведениях стали специально обучать будущие кадры службы пробации. Служба пробации интегрирована в судебную систему [13, с. 200].

В Швеции единая Служба тюрем и пробации функционирует с 1998 года. В стране широко распространена практика привлечения к осуществлению функций надзора волонтеров, что позволяет штатным инспекторам службы уделять больше внимания самой сложной категории осужденных. Средняя нагрузка одного инспектора составляет 25 человек.

С 1953 года рассматриваемая форма реализации ответственности в виде пробации включается в УК ФРГ. В период условного осуждения испытуемый находится под контролем сотрудника службы пробации — «помощника судьи по условному осуждению». Сотрудник пробации периодически встречается со своим клиентом, выясняет его проблемы, оказывает помощь в их решении и осуществляет исправительные программы. Через определенные промежутки времени, установленные судом, предоставляет в распоряжение последнего информацию об образе жизни своего подопечного.

В Голландии пробация появилась в 1832 году как результат инициативы частных лиц. В 1915 году рассматриваемый институт получает законодательное закрепление.

Уголовная политика в Нидерландах отличается сравнительной мягкостью и ориентацией на применение мер, преимущественно условного осуждения. В данной системе задействованы как профессиональные, штатные сотрудники, так и добровольцы-волонтеры (представители женских, молодежных, правозащитных движений).

Служба пробации в Англии с апреля 2001 года по июль 2006 года являлась структурным подразделением Министерства внутренних дел. В настоящее время в Англии и Уэльсе создана Национальная служба обращения с правонарушителями NOMS (вместо Национальной службы пробации). Согласно Парламентскому акту «Об обращении с правонарушителями», принятому в июле 2006 года, контроль за ведомством службы пробации осуществляет Министерство юстиции. В Англии и Уэльсе функционируют 42 службы пробации, которыми руководят Советы по пробации. Многие работники имеют юридическое и психологическое образование [6, с. 66].

Структура пробации в США состоит из подразделений, которые действуют на уровне штатов, округов, городов. Всего около 885 подразделений пробации, которые подчиняются административному офису в Верховном суде страны и на уровне штатов судам территорий, т. е. имеет место двойное подчинение. Система пробации предусматривает, что служащий пробации выполняет одновременно две функции, он и полицейский и сотрудник пробации. При нарушении требований пробации, он может сразу же применить к нему арест, без санкции суда.

Пробация в Америке получает все большее распространение, увеличива-

ется количество поднадзорных, которых за последние 10 лет увеличилось на 60 %. Америка занимает первое место по численности «тюремного населения», так при полуторамиллионом количестве содержащихся в учреждениях, на учете состоит в пробации около четырех миллионов человек.

Весьма интересную позицию по пробации в США высказывает М. А. Калужина, «несмотря на недостаточную теоретическую разработанность некоторых аспектов пробации, отсутствие единообразия в практике ее назначения и исполнения, эта уголовно-правовая санкция получила широкое распространение в США. Мы разделяем мнение ученых о том, что, несмотря на многолетний опыт применения пробации в США и ряде других зарубежных государств, многочисленные попытки научного исследования данной проблематики отечественными и зарубежными учеными, многие аспекты пробации остаются неясными и спорными». В своем исследовании, по имплементации в российское законодательство опыта пробации США, автор пишет, что в Америке создана Федеральная служба пробации и досудебных услуг, суть которой заключается в том, чтобы созданные практически во всех 94 округах, кроме одного Колумбии в рамках скорого судопроизводства, приняли меры к сокращению преступности в рамках осуществляемого досудебного производства. Лица, отпущенные под залог до суда и по другим мерам пресечения не связанным с содержанием под стражей, находятся под контролем указанной службы. Во главе стоит Главный офицер пробации, которому подчиняются и он является руководителем в каждом округе и подчиняется только федеральному судье. Главный офицер пробации подбирает и расставляет штат сотрудников, использует бюджет по усмотрению на месте и организует работу.

На уровне страны руководство пробацией осуществляет комитет по уголовному праву Конференции судей США — высший административный орган федеральной судебной системы. Комитет определяет структуру службы, стандарты ее деятельности, вопросы комплектования и функциональные обязанности. Реализация решений принятых комитетом осуществляется Административной службой федеральных окружных судов. На уровне штатов комплектование производится из числа лиц, в возрасте до 37 лет, имеющих образование бакалавра, опыт работы в органах юстиции, владеющие компьютером, прошедшие проверку ФБР. В их обязанности входит работа с лицами, которые имеют статус подозреваемого и обвиняемого, находятся на подписке до решения суда. Самое главное обеспечить правопослушное поведение лица, до момента вступления приговора в силу. Контроль направлен на обеспечение ресоциализации лица, путем проверки лица, телефонных звонков, опроса близких и соседей, проведения бесед с подконтрольным.

В некоторых случаях эти функции осуществляют помощники офицеров пробации, которые кроме указанных мероприятий осуществляют сбор данных, характеризующих лицо, на основе чего идет изучение личности и готовится досудебный доклад, который позволяет суду принять решение при назначении наказания, исключить риски назначения наказания, которое не будет способствовать совершению повторных преступлений лицом.

В Америке основная часть осужденных около полутора миллионов человек отбывает наказание в тюрьмах, в то же время большая нагрузка ложится на подразделения пробации, поэтому в каждом штате и округе своя специфика осуществления надзора и его организации, в некоторых штатах подразделения пробации и контроля за лицами условно-досрочно освобожденными объединены в одни подразделения, количество их сегодня составляет около шести тысяч. Это объясняется общностью целей, недопущения совершения подконтрольными преступлений и их ресоциализация [25].

История пробации в Америке насчитывает достаточно большой срок, поэтому в независимости от организации и структуры работы подразделений в разных штатах страны, у них общие принципы. Несмотря на определенные различия, в каждом штате назначение на должность руководителя пробации имеет некоторые различия и вообще трудно найти истоки происхождения пробации в каждом штате. Да и нет наверное такой необходимости, потому что очень много подразделений, структурно выполняющие свои функции в общей среде учреждений не связанных между собой [26]. Все зависит от того какой контингент находится в работе того или иного агентства, одни работают с несовершеннолетними, другие занимаются другой категорией осужденных, или находящихся в фазе досудебного рассмотрения, другие занимаются общим контролем, третьи контролируют лиц, условно-досрочно освобожденных. Понятие пробация имеет широкое использование и понимание, поэтому между ними

есть общее и различия. Вся информация о деятельности подразделений пробации концентрируется в Министерстве юстиции страны, где она анализируется в исследовательском учреждении, потому что не все направления пробации могут себе позволить содержать такое учреждение и проводить исследования.

В этом есть и недостатки, так в некоторых случаях имеют место сложности при определении гендерных характеристик лиц, состоящих под надзором пробации, даже в штате Калифорния, где под контролем находится около 350 тысяч человек, не в состоянии проследить требуемые демографические и возрастные характеристики подучетных лиц. Как уже говорилось в разных штатах имеет место разная подчиненность ведомствам, в некоторых они подчиняются структурам, занимающимся исправительными учреждениями, в других это самостоятельные агентства. В большинстве своем сотрудники пробации, это муниципальные служащие, в функции которых входит социальная работа, трудоустройство и контроль осужденных [7, с. 121]. Следует отнестись более внимательно к возможности специализации сотрудников пробации, по направлениям работы с лицами находящимися на контроле. Это следует делать учитывая возможный опыт работы с разными категориями лиц. Возможно создание секторов по контролю, сотрудники которых будут обмениваться информацией, в последующем это будет способствовать росту профессиональных кадров, в конкретной области реализации программ по социальному сопровождению [8, с. 25].

Во всем мире отличительной особенностью является участие граждан и общественных объединений, в работе подразделений пробации, широкое привлечение волонтеров и добровольцев, на постоянной основе, которые принимают активное участие в реабилитации и адаптации осужденных.

Характерной особенностью исполнения пробации в США стало довольно широкое привлечение к осуществлению надзора граждан добровольцев. Так, Н. С. Тимашев отмечает, что «всю американскую жизнь определяет одна отличительная особенность: сравнительная слабость государственного начала и, в соответствии с этим, сила начала общественного, что объясняется историческими условиями образования великого северо-американского союза. В деле борьбы с преступностью общество в Америке играет гораздо большую роль, нежели где бы то ни было» [15].

В США, в штате Флорида на заре 1970-х годов впервые было официально закреплено право участия граждан в работе подразделений пробации, в настоящее время количество добровольцев насчитывает порядка 50 тысяч человек, начатое во Флориде охватило все штаты Америки. В настоящее время в некоторых штатах добровольцы закрывают около 90 % нагрузки сотрудников пробации, по адаптации и ресоциализации осужденных [18, с. 86].

В Японии, органично сочетающей коллективистские и индивидуальные ценности в ментальности общества, в осуществлении деятельности национальной службы пробации (системы защитного надзора) принимает участие около пятидесяти тысяч «добровольцев» и на одного сотрудника защитного надзора (государственного служащего Министерства юстиции Японии) приходится в среднем, пятьдесят добровольцев-общественных помощников службы пробации. Это объясняется тем, что практически соотношение сотрудников работающих на штатной основе составляет около 900 человек, а общественных помощников добровольцев составляет порядка 50 тысяч человек. Это объясняется вопросами участия общества в борьбе с преступностью, где периодически проводятся акции нетерпимости преступности, защиты общества от преступности. Происходит постоянная работа по воспитанию населения, направленная на борьбу с преступностью. Общество наблюдает за теми, кто состоит на контроле, программы контроля и наблюдения разрабатываются надзорными ведомствами, в реализации и подготовке которых участвуют общественные объединения и организации, а также граждане [20]. По другим данным в Японии в конце прошлого века численность добровольцев службы защитного надзора составляла около 50 тысяч человек, что более чем в пятьдесят раз превышало количество государственных служащих, являвшихся штатными сотрудниками службы пробации [4, с. 51].

Привлекаются общественные помощники в службу пробации в Нидерландах, Дании, Швеции и в других государствах.

В пенитенциарной системе Российской Федерации отсутствует институт пробации, но активно обсуждается вопрос создания единой службы пробации, которая могла бы взять на себя решение не только вопросов исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, но и социальной адаптации.

Вопрос пробации для Российской Федерации носит актуальный характер. В своих исследованиях о состоянии уголовно-исполнительной системы России С. Х. Шамсунов, обращает внимание, на отсутствие системы постпенитенциарной помощи осужденным, освободившимся из мест лишения свободы. Ежегодно из исправительных учреждений освобождается несколько сот тысяч осужденных, каждый четвертый их них является опасным и особо опасным преступником. Отсутствие государственно-правового механизма помощи лицам, отбывшим наказание, не обеспечивает в полной мере реализацию прав и законных интересов указанной категории граждан [24, с. 323].

Н. Б. Хуторской изучивший зарубежный опыта в деятельности по исполнению наказаний без изоляции осужденного от общества, считает, что, следует нормативно расширить функции УИИ, внеся изменения и дополнения в Положение об уголовно-исполнительных инспекциях. В частности, можно дополнить задачи инспекций, возложив на них проведение предварительного социального исследования личности правонарушителя, написание социального доклада для суда, а также надзор за условно-досрочно освобожденными. Автор на основе концепта его видения подготовки сотрудников будущей пробации, предлагает следующие направления деятельности, которые на его взгляд являются основополагающими в этом вопросе, а именно: расширить основные права инспекций (п. 8), предоставив им право участия в судебных заседаниях; увеличить количество сотрудников мужского пола; организовать специализированное обучение специалистов в РИПЭ и его Томском филиале, а также в Самарском юридическом институте, предусмотрев в программе их подготовки изучение права, психологии, педагогики, основ медицины, социологии, зарубежного опыта деятельности соответствующих служб; выйти с инициативой в Министерство образования об открытии в ряде педагогических, юридических вузов отделений по подготовке сотрудников для УИИ, привлечь к преподаванию специалистов уголовно-исполнительной системы; организовать систему первоначальной подготовки принятых на службу в УИИ и повышения квалификации сотрудников на базе трех вузов Министерства юстиции [23, с. 145].

В Российской Федерации имеют место и другие точки зрения на пробацию. Так, А. Ш. Габараев и А. В. Новиков, считают, что в России службы, аналогичной зарубежным службам пробации, на сегодняшний день не существует, хотя в экспертном сообществе, по данному вопросу имеются различные мнения. Часть специалистов полагает, что в России есть уголовно-исполнительные инспекции ФСИН России, которые в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 16.06.1997 № 729 (ред. от 23.04.2012) «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» исполняют уголовные наказания в отношении лиц, осужденных без изоляции от общества, а также меру пресечения в виде домашнего ареста. Другие эксперты считают, что по своему содержанию функции уголовно-исполнительных инспекции (далее — УИИ) в России не соответствуют зарубежным службам пробации, и они не могут оказывать своим подучетным реальную помощь в социальной адаптации. Данное обстоятельство эксперты связывают с тем, что исполнение общепризнанных норм международного права и международных обязательств России в сфере исполнения наказаний нашим законодателем, принявшим Уголовно-исполнительный кодекс, поставлено в прямую зависимость от «экономических и социальных возможностей». Вместе с тем потребность России в формировании службы, соединяющей в своей деятельности контрольно-надзорные функции и полномочия по социальной адаптации и реабилитации, вне всякого сомнения, давно назрела. Учреждение такой службы не должно превратиться в очередное переименование: вместо уголовно-исполнительных инспекций — органы пробации. Авторы считают, что пробация должна существовать в рамках своего ведомства, компактно, способная сама решать вопросы организационного и финансового характера, ее предназначение социальная реабилитация [3, с. 211].

Известный российский ученый В. А. Уткин придерживается более прагматичной точки зрения, что в России нет службы пробации, как отдельного ведомства и учреждения с таким наименованием. Функции пробации отражены в деятельности УИИ. В настоящее время их вместе с филиалами насчитывается 2488, со штатной численностью 10 444 сотрудника. На учете в УИИ на 1 апреля 2016 года состояло 302 233 человека осужденных без изоляции от общества. По данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ из 642 218 чел., осужденных судами РФ в 2015 г. 351 828, или 57,4 % — это состоя-

щие на учете в УИИ. Исходя из роли УИИ вполне логичным и реалистичным было бы расширять пробационные технологии в их деятельности, постепенно укрепляя их кадровый состав и организационно-материальные возможности. При этом, как следует из «Европейских правил», не требуется обязательного формального создания специальной службы или даже переименования инспекций еще и потому, что сам термин «пробация» недостаточно ясен не только населению, но и юристам.

Автор делает несколько выводов, по вопросу пробации в России, во-первых, «кавалерийский наскок», «бюрократическое реформирование» или «смена вывесок» контрпродуктивны. Вместе с тем пробация в России во многих ее чертах фактически существует, хотя и не в качестве особой поименованной так службы. Поэтому речь должна идти, прежде всего об обогащении практики УИИ дополнительными пробационными технологиями, в том числе после их экспериментальной проверки. Во-вторых, нужно опираться на реальность. В частности, относительно показателей упомянутого выше рецидива и тенденций альтернативных мер. В-третьих, требуется разработка научно обоснованной дорожной карты реализации «Европейских правил о пробации» в российской уголовно-исполнительной системе без стремления внедрить все, без исключения ее направления здесь и сейчас. Частично такая дорожная карта уже отражена в Концепции развития УИС до 2020 года. В-четвертых, с учетом негативных тенденций состава осужденных необходимо усилить внимание к их наиболее рецидивоопасным категориям на основе выделения групп риска, распространить возможность индивидуализированного применения электронного мониторинга при всех мерах без лишения свободы по принципу «необходимой достаточности». В-пятых, учитывая, что, согласно п. «ж» ст. 72 Конституции России, социальная защита находится в совместном ведении РФ и ее субъектов, полагаем важным активизировать усилия по принятию основ законодательства о социальной помощи освобожденным из мест лишения свободы как составной части российского социального законодательства, включающего минимальные федеральные стандарты государственных услуг. Инициировать принятие аналогичных законов (в развитие основ) в субъектах Федерации возможно путем разработки модельного регионального закона. Позже выяснится, нужна ли будет России обособленная от УИС специальная «служба пробации» или ее отраженные в международных актах функции (в необходимом России объеме) с успехом могут исполнять, с одной стороны, реорганизованные и укрепленные уголовно-исполнительные инспекции, а с другой — федеральные и местные учреждения, и органы социальной защиты, и заинтересованные негосударственные структуры [21, с. 321].

В рассматриваемом контексте следует обратить внимание, что в Российской Федерации на этапе трансформирования УИИ в пробацию, вопросам постоянной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы придается большое внимание. Особенное значение придается постоянному повышению профессиональных качеств сотрудниками. Обязательное повышение квалификации в системе ФСИН России закреплено в приказе Министерства юстиции Российской Федерации от 27.08.2012 № 169 «Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы», где подчеркивается, что «задачей профессиональной подготовки является организация целенаправленного процесса, направленного на овладение и постоянное совершенствование сотрудниками профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых для успешного выполнения задач, возложенных на УИС» [10]. Для нормальной организации работы, необходимо принятие нормативного правового акта по взаимодействию УИИ с органами внутренних дел и местного самоуправления. Это позволит более быстро реагировать на нарушения осужденных, при реализации электронного мониторинга. Это ставит другую проблему по подготовке сотрудников по обслуживанию электронного мониторинга и технических средств защиты информации [22, с. 100].

Эти направления оправданы, так как, «обеспечение эффективного процесса исполнения уголовных наказаний, в том числе в виде лишения свободы, зависит не только от создания необходимой правовой, экономической и материально-технической базы, но и в значительной степени от персонала учреждений, исполняющих наказания, его выучки и профессионализма, моральной зрелости и уровня правовой культуры» [15]. В. А. Понкратов рассматривая вопросы практикоориентированного подхода при подготовке кадров для УИС обращает внимание, что именно на развитие этих качеств и должна быть направлена систе-

ма дополнительного профессионального образования сотрудников уголовно-исполнительной системы. Суть единого непрерывного образования — «образования через всю жизнь» — заключается в корректировке и обогащении уже сложившегося образовательного потенциала человека, а также в компенсации возможных пробелов в обучении, воспитании и развитии. Одним из необходимых качеств сотрудника уголовно-исполнительной системы в современных условиях является его способность непрерывно пополнять свои знания и целесообразно их использовать в профессиональной деятельности [16, с. 149].

В статье не стояла задача рассмотреть все страны, в которых действует пробация, но внешнее сравнительное исследование позволяет сделать вывод, что опыт пробации в странах дальнего и ближнего зарубежья ориентируется на гражданское общество, сокращение стандартных средств и методов исправления и ресоциализации лиц, используемых правоохранительными органами.

Пробация является альтернативным решением наказанию и все еще совершенствуется, она позволяет обществу предотвращать относительно менее тяжкие преступления с минимальными потерями. В состоянии поиска находится и Казахстан, опыт по реализации пробации в зарубежных странах, должен быть востребован в Казахстане и в других постсоветских государствах.

Используя опыт указанных выше стран, раскрываются возможности формирования отечественной службы пробации, и это способствует повышению эффективности деятельности УИС страны.

В комментариях зарубежных специалистов относительно введения пробации в Республике Казахстан, на самом раннем этапе обращалось внимание на несколько аспектов связанных с подготовкой кадров для будущей пробации:

1. Исходя из того, что сотрудник пробации это человек, который должен уметь слушать, разговаривать, осуществлять наблюдение, он должен отличаться от сотрудников, которые занимаются надзором и контролем. Он должен быть специалистом в области социальной работы, для того, чтобы в перспективе обеспечить возвращение в общество людей, социально не запущенных, недопустить с их стороны рецидива.

2. Для того чтобы пробация могла оказывать помощь и содействие людям у нее должен быть бюджет и ресурсы. В организационном плане это помещения, транспорт, связь, организационная техника и др. Это поможет стать заметной и значимой, доступной и прозрачной, для организации нормального процесса работы. Чтобы пробация стала доступной для граждан.

3. Одним из приоритетов является поощрение значительной профессиональной идентичности и формирование явной связи между персоналом тюрьмы и сотрудниками системы пробации. Рост, может быть достигнут посредством обучения в одном месте и создания связей между двумя институциональными органами.

Изложенные позиции это фактически основные направления, в которых мы должны двигаться при реализации основ пробации, используя опыт стран дальнего и ближнего зарубежья.

Литература

1. Абатуров, А. И. Ретроспективный анализ постпенитенциарного сопровождения в Европе / А. И. Абатуров // Мат. Междунар. науч.-практ. конф., посв. 25-летию Независимости Республики Казахстан и 45-летию учебного заведения, 23 сентября 2016 г. — Қостанай : ҚР ІІМ Ш. Қабылбаев атындағы Қостанай академиясы, 2016. — С. 317—323.
2. Аккулев, А. Ш. Некоторые вопросы совершенствования деятельности Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан / А. Ш. Аккулев // Молодой ученый. — 2011. — № 3. — Т. 2. — С. 46—49.
3. Габараев, А. Ш. Перспективы реализации института пробации в современной пенитенциарной политике Российской Федерации / А. Ш. Габараев, А. В. Новиков // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 2-2.
4. Гета, М.Р. Пробация в уголовном праве зарубежных стран : учеб. пособие / М. Р. Гета. — Усть-Каменогорск, 2004.
5. Гросуп, О. Условный дозор [Электронный ресурс] / О. Гросуп. — URL: http://www.kommersant.md/node/10488.
6. Зубарев, С. И. Организация исполнения уголовных наказаний без изоляции осужденного от общества в зарубежных странах / С. И. Зубарев // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2011. — № 18.

7. Калужина, М. А. Особенности функционирования службы пробации в США / М. А. Калужина // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2014. — № 3.
8. Нагорный, Р. В. Правовые и организационные основы кадрового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р. В. Нагорный. — М., 2003.
9. О пробации (2008) : Закон Республики Молдова. Парламент Закон Nr. 8 от 14.02.2008 о пробации. Опубликован: 13.06.2008 в Monitorul Oficial Nr. 103-105 статья № : 389 // Monitorul Oficial. — 2008. — 20 февр.
10. Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы [Электр. ресурс] : приказ Министерства юстиции РФ от 27.08.2012 № 169 // СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 15.05.2015.
11. Обзор законодательства скандинавских и балтийских стран по службе пробации (уголовному надзору). — СПб., 2005. (Права человека)
12. Основное решение Совета 2009/829/JHA от 23 октября 2009 г. по применению, между государствами-членами Европейского Союза, принципов взаимного признания решений по мерам надзора в качестве альтернативы предварительному заключению под стражу // Казахстанская правда. — 2009. — 2 нояб.
13. Пионтковский, А. А. Об условном осуждении, или системе испытания / А. А. Пионтковский // Уголовно-политическое исследование. — Одесса : Типлит. Штаба Одесского военного округа, 2004. — С. 200—203.
14. Поддержка судебной и правовой реформы в Республике Казахстан [Электронный ресурс] Работник службы пробации контролирует около 30—50 мер в Дании, Эстонии или Швеции, 50—100 в Швейцарии и Люксембурге и более 100 во Франции. — URL: http://pandia.org/text/78/045/25561-28.php
15. Положение об организации воспитательной работы с работниками уголовно- исполнительной системы [Электронный ресурс] : приказ ФСИН России от 28.12.2010 № 555 «Об организации воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы». Приложение 1 // СПС «КонсультантПлюс» Дата обращения: 15.05.2015.
16. Понкратов, В. А. О реализации практикоориентированного подхода при подготовке кадров для УИС РФ / В. А. Понкратов // Мат. Междунар. науч.-практ. конф., посв. 25-летию Независимости Республики Казахстан и 45-летию учебного заведения, 23 сентября 2016 г. — Қостанай : ҚР ІІМ Ш. Қабылбаев атындағы Қостанай академиясы, 2016.
17. Система пробации в Чехии (редакционный материал) // Вопросы ювенальной юстиции. — 2009. — № 2.
18. Стручков, Н. А. Законодательство об исполнении уголовного наказания в зарубежных социалистических странах / Н. А. Стручков, В. В. Майоров. — Вып. 2. — М. : Академия МВД СССР, 1978.
19. Тимашев, Н. С. Условное осуждение [Электронный рексурс] / Н. С. Тимашев. — СПб : Тип. ; М., Кварц, I914. — URL: http://modernlib. ru/ books/ns_timashev/uslovnoe_osuzhdenie/
20. Узда, К. Преступность и криминология в современной Японии [Электронный рексурс] / К. Узда. — М. : Прогресс, 1989. — 256 с.
21. Уткин, В. А. О перспективах пробации в России / В. А. Уткин // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : сб. материалов науч.-практ. конф. — Новокузнецк, 2016.
22. Федореев, Э. Г. Организация и правовые основы деятельности уголовно-исполнительной системы по кадровому обеспечению уголовно-исполнительных инспекций : дис. ... канд. юрид. наук / Э.Г. Федореев. — Псков, 2012.
23. Хуторская, Н. Б. Организация и деятельность службы пробации за рубежом / Н. Б. Хуторская // Аналитический обзор. Академия управления МВД России. — М., 2000.
24. Шамсунов, С. Х. Уголовно-исполнительная система современной России: состояние, проблемы и пути реформирования / С. Х. Шамсунов // Мат. Междунар. науч.-практ. конф., посв. 25-летию Независимости Республики Казахстан и 45-летию учебного заведения, 23 сентября 2016 г. — Қостанай : ҚР ІІМ Ш. Қабылбаев атындағы Қостанай академиясы, 2016. — С. 323—328.
25. Federal Probation and Pretrial Officers Association [Электронный ресурс]. — URL: http://www.fppoa.org/ (дата обращения: 12.02.2014).
26. Probation in the United States. J. Petersila. — URL: https://www.appa-net.org/PPP-Supervision-Week/files/Per-sp98pers30.pdf. С. 32.

References

1. Abaturov, A.I. Retrospektivnyy analiz postpenitentsiarnogo soprovozhdeniya v Yevrope: [Tekst] / A.I. Abaturov / Mat. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 25-letiyu Nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 45-letiyu uchebnogo
2. Akkulev, A.SH. Nekotoryye voprosy sovershenstvovaniya deyatel'nosti Komiteta ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Ministerstva yustitsii Respubliki Kazakhstan [Tekst] / A.SH. Akkulev // Molodoy uchenyy. — 2011. — № 3. T. 2. — S. 46-49.
21. Gabarayev, A.SH. Perspektivy realizatsii instituta probatsii v sovremennoy penitentsiarnoy politike Rossiyskoy Federatsii [Tekst] / A.SH. Gabarayev, A.V. Novikov // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. — 2015. — № 2-2. — S. 128.
18. Geta, M.R. Probatsiya v ugolovnom prave zarubezhnykh stran: [Tekst] / M.R. Geta/ ucheb. Posobiye. — Ust'-Kamenogorsk, 2004. — S.51.
6. Zubarev, S.I. Organizatsiya ispolneniya ugolovnykh nakazaniy bez izolyatsii osuzhdennogo ot obshchestva v zarubezhnykh stranakh [Tekst] / S..I. Zubarev // Vestnik instituta: prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye. 2011, № 18. S. 66.
13. Kaluzhina, M.A. Osobennosti funktsionirovaniya sluzhby probatsii v SSHA. [Tekst] / M.A. Kaluzhina // Data razmeshcheniya stat'i 17.07.2014.
14. Nagornyy, R.V. Pravovyye i organizatsionnyye osnovy kadrovogo obespeche¬niya deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy Ministerstva yus¬titsii Rossiyskoy Federatsii. [Tekst] / R.V. Nagornyy // — Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2003. — C. 25.
8. O probatsii (2008) [Tekst]: Zakon Respubliki Moldova. Parlament Zakon Nr. 8 ot 14.02.2008 o probatsii. Opublikovan: 13.06.2008 v Monitorul Oficial Nr. 103-105 stat'ya № : 389 // Monitorul Oficial. — 2008. — 20 fevralya.
23. Ob utverzhdenii Nastavleniya po organizatsii professional'noy podgotovki sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy [Elektr. resurs]: prikaz Ministerstva yustitsii RF ot 27.08.2012 № 169. — Rezhim dostupa: Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tant-plyus». Data obrashcheniya: 15.05.2015.
9. Obzor zakonodatel'stva skandinavskikh i baltiyskikh stran po sluzhbe probatsii (ugolovnomu nadzoru). [Tekst]: Seriya «Prava cheloveka», SPb., 2005.
4. Osnovnoye resheniye Soveta 2009/829/JHA ot 23 oktyabrya 2009 g. po primeneniyu, mezhdu gosudarstvami-chlenami Yevropeyskogo Soyuza, printsipov vzaimnogo priznaniya resheniy po meram nadzora v kachestve al'ternativy predvaritel'nomu zaklyucheniyu pod strazhu. [Tekst] // Kazakhstanskaya pravda. — 2009. —2 noyabrya.
10. Piontkovskiy, A.A. Ob uslovnom osuzhdenii, ili sisteme ispytaniya: [Tekst] / A.A. Piontkovskiy // Ugolovno-politicheskoye issledovaniye. Odessa: Tip-lit. Shtaba Odesskogo voyennogo okruga, 2004. S. 200-203.
3. Podderzhka sudebnoy i pravovoy reformy v Respublike Kazakhstan. [Elektronnyy resurs] Rabotnik sluzhby probatsii kontroliruyet okolo 30-50 mer v Danii, Estonii ili Shvetsii, 50-100 v Shveytsarii i Lyuksemburge i boleye 100 vo Frantsii. URL: http://pandia.org/text/78/045/25561-28.php
25. Polozheniye ob organizatsii vospitatel'noy raboty s rabotnikami ugolovno-ispolnitel'noy sistemy [Elektronnyy resurs]: prikaz FSIN Rossii ot 28.12.2010 № 555 «Ob organizatsii vospitatel'noy raboty s rabotnikami ugolovno-ispolnitel'noy sistemy». Prilozheniye № 1. — Rezhim dostupa: Spravochno-poiskovaya sistema «Konsul'tant-plyus». Data obrashcheniya:15.05.2015.
26. Ponkratov, V.A. O realizatsii praktikooriyentirovannogo podkhoda pri podgotovke kadrov dlya UIS RF [Tekst] / V.A. Ponkratov / Mat. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 25-letiyu Nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 45-letiyu uchebnogo zavedeniya, 23 sentyabrya 2016 g. — Qostanay: QR ÍÍM SH. Qabylbayev atyndağy Qostanay akademiyasy, 2016. — S. 149.
5. Sistema probatsii v Chekhii (Redaktsionnyy material) // [Tekst] Voprosy yuvenal'noy yustitsii. 2009. № 2.
16. Struchkov, N.A. Zakonodatel'stvo ob ispolnenii ugolovnogo nakazaniya v zarubezhnykh sotsialisticheskikh stranakh. [Tekst] / N.A. Struchkov, V.V. Mayorov / Vypusk 2. — M.. Akademiya MVD SSSR, 1978. — S. 86.
15. Timashev, N.S. Uslovnoye osuzhdeniye [Elektronnyy reksurs] / N.S. Timashev // — SPb: Tip. — M., Kvarts, 1914.// URL:http://modernlib. ru/ books/ns_timashev/uslovnoe_osuzhdenie/
17. Uzda, K. Prestupnost' i kriminologiya v sovremennoy Yaponii [Elektronnyy reksurs] / K. Uzda //- M.; Progress, 1989. — 256s.// Internet resurs: http://www.juristlib.ru/book_6344.html. S. 140.
22. Utkin, V.A. O perspektivakh probatsii v Rossii [Tekst] / V.A. Utkin // Ugolovno-ispolnitel'naya sis¬tema segodnya: vzaimodeystviye nauki i praktiki: Sbornik materialov na¬uchno-prakticheskoy konferentsii. — Novokuznetsk, 2016. — S.231.
24. Fedoreyev, E.G. Organizatsiya i pravovyye osnovy deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noy sistemy po kadrovomu obespecheniyu ugolovno-ispolnitel'nykh inspektsiy [Tekst] / E.G. Fedoreyev / diss. ... kand. yurid. nauk. Pskov, 2012. — S. 100-101.

20. Khutorskiy, N.B. Organizatsiya i deyatel'nost' sluzhby probatsii za rubezhom. [Tekst] / N.B. Khutorskiy // Analiticheskiy obzor. Akademiya upravleniya MVD Rossii, Moskva.
19. Shamsunov, S.KH. Ugolovno-ispolnitel'naya sistema sovremennoy Rossii: sostoyaniye, problemy i puti reformirovaniya [Tekst] / S.KH. Shamsunov / Mat. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 25-letiyu Nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 45-letiyu uchebnogo zavedeniya, 23 sentyabrya 2016 g. — Қostanay: ҚR ÍÍM SH. Қabylbayev atyndaғy Қostanay akademiyasy, 2016. — S. 323-328.
7. Grosup, O. Uslovnyy dozor [Elektronnyy resurs] / O. Grosup // URL: http://www.kommersant.md/node/10488
11. Federal Probation and Pretrial Officers Association [Elektronnyy resurs] URL: http://www.fppoa.org/ (data obrashcheniya: 12.02.2014).
12. Probation in the United States. J. Petersila. [Tekst] 1998. C. 32.

ШНАРБАЕВ Булатбек Кабдушевич, профессор кафедры права Костанайского филиала Челябинского государственного университета, доктор юридических наук, доцент. 110000, Республика Казахстан г. Костанай, ул. Бородина 168-а. E-mail: Shnarbaev@mail.ru

SHNARBAEV Bolatbek, Doctor of Juridical Science, Assistant professor, Professor of Law in Kostanay's branch of Chelyabinsk State University. 110000, Republic of Kazakhstan, Kostanay city, Borodin 168-a. E-mail: shnarbaev@mail.ru

ПП № 2(66)-2018. с. 105—111

УДК 343 : 165.74

А. В. Видершпан

ГУМАННА ЛИ ГУМАНИЗАЦИЯ?

A. V. Vidershpan

IS HUMANISM HUMANE?

В статье поднимаются вопросы сущности гуманизации и её применения в законодательстве и правоприменительной деятельности. Автор с философской точки зрения обосновывает значимость правового равенства при реализации гуманизации в правовой теории и практике. Обосновывается мысль о том, что целью права является введение эмоциональной мести в чётко очерченные рамки воздаяния равным за равное. На основе концепции В.С. Нерсесянца обосновывается значение смертной казни как краеугольного камня принципа правового равенства. Приводятся примеры искажения этого принципа в современной правовой системе Казахстана. Развивается мысль о необходимости обеспечить гуманное отношение в первую очередь к правопослушным гражданам, а также требование не превращать уголовное наказание в фикцию.

Ключевые слова: *гуманизация уголовного законодательства и правоприменительной практики, принцип талиона, принцип правового равенства, соразмерность наказания преступлению.*

The article raises questions of the essence of humanization and its application in legislation and law enforcement activities. The author from a philosophical point of view justifies the importance of legal equality in the implementation of humanization in legal theory and practice. The author substantiates the idea that the purpose of the law is the introduction of emotional revenge in a clearly defined framework of retribution equal to the equal. Based on the concept of VS. Nersesnets justifies the meaning of the death penalty as the cornerstone of the principle of legal equality. Examples of distortions of this principle in the modern legal system of Kazakhstan are given. The idea of the need to ensure a humane attitude, first of all, to law-abiding citizens, as well as the requirement not to turn criminal punishment into fiction, is developing.

Keywords: *humanization of criminal legislation and law enforcement practice, the principle of talion, the principle of legal equality, proportionality of punishment for crime.*

Несколько лет назад в Казахстане были приняты три новых кодекса — уголовный, уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный. Целью такого радикального изменения законодательства является его гуманизация которая стала мировым трендом в правовой науке и практике современности. Вопросы гуманизации законодательства и правоприменения волнуют не только Казахстан, Россию и страны бывшего СССР, но и все развитые и развивающиеся страны. обосновывается это тем, что человек преступивший закон, не перестаёт быть человеком и имеет право на гуманное отношения к себе. В частности, в новом казахстанском уголовном законодательстве смягчено наказание за целый ряд составов преступлений, за довольно большой пласт противоправных деяний предусматриваются альтернативные лишению свободы виды наказания (ограничение свободы, общественные работы и т. д.). Ряд деяний переведён из разряда преступлений в разряд противоправных деяний и, соответственно, из уголовного в административный кодекс.

Автор не является профессиональным юристом, хотя и имеет определённую юридическую подготовку, но профессионально оценить все изменения внесённые в законодательство Казахстана с целью его гуманизации, наверное не сможет, да и не ставит перед собой такую задачу. Речь идёт о другом — насколько оправдана гуманизация уголовного законодательства и правоприменительной практики с моральной и философской точки зрения? Казалось бы, уж коли речь зашла о философской и моральной точках зрения, то гуманизация должна только приветствоваться. Ещё древний китайский философ

Кун Фу Цзы (Конфуций) отстаивал точку зрения, согласно которой воспитание и моральные нормы дают подлинное взаимопонимание в человеческом обществе и обеспечивают законопослушное поведение граждан. Суровые же законы и жестокие наказания заставляют человека соблюдать социальные (в том числе и правовые) нормы лишь до тех пор, пока у него возникнет даже не уверенность, а хотя бы иллюзия того, что он сможет избежать наказания, и, как только человек начинает думать, что сумеет избежать наказания за то или иное деяние, он, скорее всего, это деяние совершит.

Сторонники гуманизации уголовного законодательства и правоприменительной практики приводят статистику, согласно которой ужесточение наказаний не приводит к уменьшению числа преступлений. Но давайте посмотрим на примеры из жизни. Ещё пять — семь лет назад на наших дорогах наблюдалась такая картина: Останавливается автобус, и выходящие из него пассажиры, презрев все правила дорожного движения. дружно начинают переходить дорогу сразу за его «хвостом», а некоторые не стесняются идти и перед капотом автобуса. Сегодня человека переходящего дорогу в неположенном месте тоже можно встретить, но это явление перестало быть массовым. Почему? Неужели люди убедились в неправильности такого поведения и перестали нарушать правила дорожного движения? Нет. Просто теперь за переход дороги в неположенном месте штрафуют на очень неприятную сумму, да и дорожно-патрульная служба перестала смотреть на это правонарушение сквозь пальцы. Хотя по-прежнему, если человек уверен, что полиция не увидит, а по близости нет транспорта, он переходит дорогу не на пешеходном переходе, а там, где ему удобно. Таким образом, не убеждение, а принуждение заставляет наших граждан соблюдать правила дорожного движения.

В своё время ещё Ж.-Ж. Руссо обратил внимание на то, что сложившуюся личность практически не возможно изменить. В своих работах «Эмиль, или о воспитании» [3] и «Юлия или новая Элоиза» [4] он проводит мысль о том, что испорченных светом современных людей не изменить, поэтому необходимо изолировать детей от современного общества и воспитывать на основе не извращённых моральных норм.

Формирование убеждений начинается в детстве и продолжается всю жизнь, но заложенные в детстве основы практически не меняются. В философии экзистенциализма есть понятие «пограничной ситуации» — ситуации, когда человек находится между жизнью и смертью. В этой ситуации у него происходит переоценка ценностей, всё наносное, жизненно неважное перестаёт для него что-то значить, и значимость приобретает то, что для этого человека имеет истинную ценность. Нам кажется, что как пограничную можно рассматривать не только ситуацию между жизнью и смертью, но и любую ситуацию сильнейшего потрясения человека, в которой происходит переоценка ценностей. В такой ситуации мировоззрение и установки человека могут поменяться, но такая ситуация в жизни современного человека — редкость.

Невозможность изменить сущность человека, перевоспитать сложившуюся личность признаёт и наш законодатель. Если в советское время система исполнения наказаний называлась уголовно-исправительной, то теперь она получила название уголовно-исполнительной. Такое изменение названия свидетельствует о том, что хотя задача исправления преступника и не снимается окончательно с органов исполняющих наказание, но законодатель признаёт, что её реализация уголовно-исполнительной системой не является приоритетом деятельности этой системы.

Сторонники гуманизации в качестве аргумента выдвигают тезис о том, что человек преступивший закон, остаётся человеком, что наказание не должно быть чрезмерным, что лишение свободы и так уже достаточно суровое наказание, наконец, главное не суровость наказания, а его неизбежность. Но, читатель, согласны ли Вы с тем, что Чекатило достаточно было пожизненно лишить свободы? А теперь представьте себе, что это Вашу дочь, жену, мать, сестру насилует и убивает такой «Чикатило», достаточно ли в этом случае по-вашему лишить его свободы, или Вы будете требовать смертной казни? Представьте, что это Вашего сына, мужа отца ударил ножом пьяный подонок. В этом случае Вас устроит наказание в виде лишения свободы? А если кого-то из Ваших близких собьёт автомобилем представитель «золотой молодёжи», Вы удовлетворитесь решением суда об условном сроке и лишении убийцы водительских прав? Думаю Вы, если это коснётся Вас лично, будете не только требовать, но и готовы реально добиваться казни или самого сурового наказания убийцы и насильника. По крайней мере именно так повели себя россий-

ские правозащитники, потребовавшие у российского правительства ужесточить наказания за нападение на журналистов [2; 6]. Но такие требования правозащитников очень точно охарактеризовал блогер с ником Дерсу Узала. В частности он пишет: «...правозащитники считают, что ужесточение наказания может предотвратить преступление? Как же так? Эти люди 20 лет на голубом глазу рассказывают, что жестокость наказания только вредит, что наказание должно быть неотвратимым, а не суровым. Что нельзя заключать людей в неволю даже на 5 лет — после этого начинается неотвратимый процесс распада личности (а когда они убивали, то у них с личностью все было хорошо?), что государство не имеет права мстить» [5]. и Далее он добавляет: «Так вот — оказалось, что правозащитники и журналисты про свою гуманность нагло врали. Как только дело дошло до них, потребовали чуть ли не расстрелов на месте» [5].

Эмоционально? Да! Но и реакция человека, который сталкивается с насилием, направленным непосредственно на него, на его близких эмоциональна. Автор специально использовал приём который в формальной логике называется «обращение к публике», и при помощи которого вместо доказательства по существу автор обращается к эмоциям публики. И вот тут на арену должно выйти право.

Право (по крайней мере уголовное право) возникло как право талиона — «око за око», «зуб за зуб». С современной точки зрения это жестоко, но уже здесь реализуется главный принцип права — равенство всех перед законом, перед правовой нормой. Суть принципа талиона на самом деле заключается в том, чтобы эмоциональный порыв, зовущий человека к мести, ввести в определённые рамки, добиться того, чтобы, с одной стороны, преступник не ушёл от наказания, а, с другой стороны, чтобы наказание не было чрезмерным. Принцип талиона требует адекватного воздаяния за преступление, и, не смотря на смягчение нравов, он продолжает действовать в правовой системе и сегодня. Просто со временем он предстаёт в виде штрафа (виры), как это было в варварских Правдах, затем в виде телесного наказания, а в новое время в виде лишения преступника свободы.

Можно возразить, что жестокость наказания не есть гарантия соблюдения закона. Да, это так. К сожалению автор не помнит, в каком источнике он встретил сведения о том, что на площади в Париже карманники обчищали карманы горожан, которые пришли посмотреть на казнь других карманников. Этот пример приводился для иллюстрации тезиса о том, что жестокость наказания не является гарантом соблюдения закона. Мы и не возражаем против этого тезиса, речь идёт о другом — наказание должно быть адекватным деянию. Слишком жёсткое (или жестокое) наказание не является препятствием для совершения преступления. Именно соразмерность преступления и наказания и является сутью принципа талиона и сутью права как регулятора человеческих отношений.

В связи с вышесказанным интересны доводы современного российского исследователя философии права В. С. Нерсесянца, который приводит точку зрения И. Канта на смертную казнь. Он пишет: «Кант отстаивает идею равенства между преступлением и наказанием. Убийство должно караться смертной казнью» [1, с. 493]. Сам же В. С. Нерсесянц говорит о том, что: «...нельзя согласиться с доводами Канта в пользу допустимости смертной казни также и за иные (например, государственные) преступления.

Такое допущение явно нарушает принцип права, который требует равенства между преступлением как нарушением права и наказанием как восстановлением нарушенного права» [1, с. 493]. Однако именно это и происходит в современном Казахстанском законодательстве. Статья 47. Уголовного кодекса Республики Казахстан — Смертная казнь звучит так:

«1. Смертная казнь — расстрел как исключительная мера наказания устанавливается за террористические преступления, сопряженные с гибелью людей, а также за особо тяжкие преступления, совершенные в военное время, с предоставлением приговоренному права ходатайствовать о помиловании» [7].

К составам преступлений, за которые наше законодательство предусматривает смертную казнь относятся:

— Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны;

— Применение запрещенных средств и методов ведения войны;

— Убийство лиц, сдавших оружие или не имеющих средств защиты, раненых, больных, потерпевших кораблекрушение, медицинских работников, санитарного и духовного персонала, военнопленных, гражданского населения на оккупированной территории или в районе военных действий, иных лиц, пользующихся во время военных действий международной защитой;

— Геноцид;

— Участие наемника в вооруженном конфликте, военных действиях или иных насильственных действиях, направленных на свержение или подрыв конституционного строя либо нарушение территориальной целостности государства, повлекшее гибель людей или иные тяжкие последствия;

— Государственная измена, совершенные в военное время;

— Посягательство на жизнь Первого Президента Республики Казахстан — Елбасы;

— Посягательство на жизнь Президента Республики Казахстан;

— Диверсия — Совершение с целью подрыва безопасности и обороноспособности Республики Казахстан взрыва, поджога или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение вреда их здоровью, разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения, а равно совершение в тех же целях массовых отравлений или распространение эпидемий и эпизоотий;

— Посягательство на жизнь человека, совершенное в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие решений государственными органами Республики Казахстан, иностранным государством или международной организацией, провокации войны либо осложнения международных отношений, а равно посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в тех же целях, а также в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность, либо посягательство на жизнь человека, сопряженное с нападением на лиц или организации, пользующихся международной защитой, здания, сооружения, захватом заложника, зданий, сооружений, средств сообщения и связи, угоном, а равно с захватом воздушного или водного судна, железнодорожного подвижного состава либо иного общественного транспорта;

— Неповиновение или иное неисполнение приказа, совершенные в военное время;

— Сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению служебных обязанностей, совершенные в военное время;

— Насильственные действия в отношении начальника, совершенные в военное время;

— Дезертирство, то есть самовольное оставление части или места службы с целью уклонения от воинской службы, а равно неявка с той же целью на службу, совершенные в военное врем;

— Уклонение или отказ от несения воинской службы совершенные в военное время;

— Нарушение правил несения боевого дежурства совершенные в боевой обстановке или в военное время;

— Сдача или оставление противнику средств ведения войны [7].

Как видим, далеко не все составы преступления, за которые предусмотрена смертная казнь, связаны с убийством человека. Таким образом даже в нашем «гуманизированном» законодательстве принцип равенства между мерой преступления и мерой наказания нарушается. Более того, жизнь должностного лица оценивается выше чем жизнь простого гражданина — за посягательство на жизнь Президента (даже если оно и окончилось неудачей) предусмотрена смертная казнь, равно как и за «посягательство на жизнь человека, совершенное в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие решений государственными органами Республики Казахстан, иностранным государством или международной организацией, провокации войны либо осложнения международных отношений, а равно посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в тех же целях, а также в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность, либо посягательство на жизнь человека, сопряженное с нападением на лиц или организации, пользующихся международной защитой, здания, сооружения, захватом заложника, зданий, сооружений, средств сообщения и связи, угоном, а равно с захватом воздушного или водного судна, железнодорожного подвижного состава либо иного общественного транспорта» [7] (причём тоже совсем не обязательно удачное), — тоже предусмотрена смертная казнь. А вот за убийство простого гражданина, какими бы отягощающими обстоятельствами оно не сопровождалась, смертная казнь не предусмотрена. Автор совсем не призывает к отмене указанных статей, но у него возникает вопрос — почему не все граждане страны получают одинаковую правовую защиту своей жизни?

Уже упоминавшийся В. С. Нерсесянц считает: «Цивилизация лишь видоизмени-

ла и смягчила грубые формы выражения талиона как принципа равного воздаяния, но сам этот принцип присущ любому праву. И с точки зрения гуманизации наказания речь должна идти о поисках более точных и возможно мягких форм выражения этого эквивалента — в соответствии с исторически достигнутым реальным уровнем развития общества и его правовой культуры, характером нравов и общественного сознания, состоянием и динамикой преступности и т. д.

Что касается смертной казни, то ясно, что она юридически эквивалентна только одному преступлению — умышленному убийству. Убийство — абсолютное преступление, поскольку оно уничтожает абсолютную и высшую ценность — человеческую жизнь. И жизнь как уникальная ценность не имеет другой равноценной замены: одной жизни по принципу формального равенства эквивалента лишь другая жизнь.

Когда же смертной казнью наказываются другие преступления, не сопровождаемые умышленным убийством, мы имеем дело не просто с суровостью или жестокостью наказания, а с его явной неправомерностью, противоправностью.

По своей правовой сути смертная казнь за умышленное убийство — это выражение и подтверждение силы права и правового принципа равноценной ответственности в том крайнем случае противоправных действий, когда нарушается исходный и главный запрет права — запрет убивать. Наличие такого необходимого и справедливого соответствия между высшей санкцией и основным запретом права имеет фундаментальное значение для всей системы правовых запретов и соответствующих санкций. Отсюда ясно, что отмена смертной казни за умышленное убийство — это не простая замена одной санкции другой, а отказ от принципа права и равноценной правовой ответственности в самом важном и напряженном пункте правовой регуляции вообще. Но если можно отказаться от принципа правового равенства в этом ключевом пункте, то почему же его надо соблюдать в остальных случаях?» [1, с. 494].

Далее В. С. Нерсесянц утверждает: «...ссылка на абсолютную ценность человеческой жизни сама по себе правильна, но это по своей сути довод не против, а за смертную казнь, правда, только в качестве наказания за умышленное убийство, поскольку абсолютно ценна и жизнь жертвы» [1, с. 494—495]. Что же касается опыта передовых стран, которые отказываются от смертной казни, заменяя её другими, более мягкими видами наказания, то это возможно тогда, когда обществу удастся «...добиться утверждения самого принципа правового равенства и элементарного правопорядка в нашей жизни, включая и сферу уголовного права и процесса. Нам предстоит еще долгий путь к утверждению принципа правового равенства, от которого наши сторонники полной отмены смертной казни уже заранее готовы отказаться в ключевом вопросе права, уповая на окольный путь к добру и на «прыжок» в гуманизм» [1, с. 495]. В конечном итоге, по мнению В. С. Нерсесянца даже «...там, где смертная казнь отменена, сам принцип правомерности смертной казни за умышленное тяжкое убийство не ликвидируется и не исчезает, а лишь приостанавливается в своем действии, не применяется. Иначе говоря, из актуального состояния он переводится в потенциальное, но всегда остается в резерве права —пока есть убийства и пока есть право. Поэтому отмена смертной казни всегда будет оставаться правовым экспериментом (как бы долго он ни длился), в процессе которого будет проверяться, может ли соответствующий правопорядок нормально функционировать при допущенном отходе от основного принципа права и требования равноценной правовой ответственности. Если да — эксперимент будет продолжаться, если нет — у общества всегда сохраняется право в законном порядке восстановить смертную казнь за умышленное убийство» [1, с. 496].

Мы же, опираясь на идеи В. С. Нерсесянца, хотели бы поставить вопрос шире — о том, что вся правовая система должна строиться на принципе адекватности наказания преступлению. У нас же порой получается, что наказание воспринимается преступником как поощрение, либо объективно условия жизни осужденного оказываются лучше чем условия жизни человека, не совершавшего преступление.

Всего два примера из личного опыта автора. Первый случай. В 2004 году питание осужденных в УК 161/2 было лучше, чем питание курсантов Костанайского юридического института Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан. На питание осужденного бюджет выделял большие денежные средства, чем на питание курсанта — сотрудника правоохранительных органов. Сейчас ситуация выровнялась, питание курсантов не хуже. чем питание осужденных, но и не лучше.

Второй случай. В нулевые автору при-

шлось разговаривать с родственником знакомых, который вернулся после отбывания срока наказания. На вопрос о том, что может хватит уже бедокурить и возвращаться в места заключения, наш оппонент ответил, что обязательно вернётся, потому, что «там кормят». При этом наш оппонент не был идейным преступником. Парень росший без отца. Мать — проводник поезда, пять суток на маршруте, а сын предоставлен сам себе. Кража, хулиганка, снова кража. На сколько известно автору, этот человек снова отбывает срок наказания в колонии. Ему там лучше, чем на воле.

Наша мысль заключается в двух простых положениях:

1. Наказание должно быть адекватным преступлению.

2. Нарушитель закона не должен жить лучше, чем законопослушный гражданин.

Это не значит, что преступника нужно как в средневековье держать в яме или каменном мешке, морить голодом или пытать. Условия отбывания наказания должны быть человеческими, но общество и государство должны в первую очередь заботиться о людях которые живут честно, не нарушая закон. Сначала необходимо обеспечить достойные условия жизни законопослушным гражданам и действительное действие правового равенства, и только во вторую очередь создавать условия для преступников, смягчать их наказания. А иначе получается крайне выгодно нарушить закон и жить в лучших условиях, чем на воле, либо, обворовав государство на миллионы, отдать часть, и получить замену реального лишения свободы на условное, после чего жить на остатки своровавных средств.

Таки образом, гуманизация отношения к преступнику не должна идти в ущерб законопослушным гражданам, в противном случае она превращается в свою противоположность.

Литература

1. Нерсесянц, В. С. Философия права : учебник для вузов. — М. : Норма-Инфра-М, 1998.
2. Нужно ужесточить наказания за нападения на журналистов — депутат. — URL: http://rapsinews.ru/legislation_news/20101109/250989686.html (дата обращения: 15.03. 2018).
3. Руссо, Ж.-Ж. Эмиль или о воспитании / Ж.-Ж. Руссо // Электронная библиотека ЛитМир. — URL: https://www.litmir.me/br/?b=157478 (дата обращения: 15.03. 2018).
4. Руссо, Ж.-Ж. Юлия или новая Элоиза / Ж.-Ж. Руссо // Электронная библиотека ЛитМир. — URL: https://www.litmir.me/br/?b=148303 (дата обращения: 15.03. 2018).
5. Почему правозащитники вдруг сочли себя солью земли..? Их убивать нельзя. Других — можно! — URL: https://otvet.mail.ru/question/207129028 (дата обращения: 15.03. 2018).
6. Союз журналистов России потребует ужесточить наказание за нападение на сотрудников СМИ. — URL: http://www.rosbalt.ru/russia/2017/10/23/1655210.html (дата обращения: 15.03. 2018);
7. Уголовный Кодекс Республики Казахстан. Принят 3 июля 2014 года № 226-VЗРК // Правовая база Әділет. — URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (дата обращения: 15.03. 2018).

References

1. Nersesyants V.S. Filosofiya prava. uchebnik dlya vuzov. [Philosophy of law. textbook for high schools] — M.: Izdatel'skaya gruppa NORMA-INFRA-M, 1998.
2. Nuzhno uzhestochit' nakazaniya za napadeniya na zhurnalistov — deputat. [It is necessary to toughen penalties for attacks on journalists — a deputy]// URL: http://rapsinews.ru/legislation_news/20101109/250989686.html (data obrashcheniya: 15.03. 2018).
3. Sm. Russo ZH.ZH. Emil' ili o vospitanii. [Emil or about education]// Elektronnaya biblioteka LitMir. URL: https://www.litmir.me/br/?b=157478 (data obrashcheniya: 15.03. 2018).
4. Sm. Russo ZH.ZH. Yuliya ili novaya Eloiza. [Julia or the new Eloise]// Elektronnaya biblioteka LitMir. URL: https://www.litmir.me/br/?b=148303 (data obrashcheniya: 15.03. 2018).
5. Pochemu pravozashchitniki vdrug sochli sebya sol'yu zemli..? Ikh ubivat' nel'zya. Drugikh — mozhno! [Why did human rights activists suddenly consider themselves to be the salt of the earth ..? They can not be killed. Other — you can!]// URL: https://otvet.mail.ru/question/207129028 (data obrashcheniya: 15.03. 2018).
6. Sm., napr.: Soyuz zhurnalistov Rossii potrebuyet uzhestochit' nakazaniye za napadeniye na sotrudnikov SMI. [The Union of Journalists of Russia will demand toughen punishment for an attack on media employees]// URL: http://www.rosbalt.ru/russia/2017/10/23/1655210.html (data obrashcheniya: 15.03. 2018);

7. Ugolovnyy Kodeks Respubliki Kazakhstan. [The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan] Prinyat 3 iyulya 2014 goda № 226-VZRK. // Pravovaya baza d let. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (data obrashcheniya: 15.03. 2018).

ВИДЕРШПАН Александр Валерьянович, доцент кафедры социально-гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Костанайского филиала Федерального государственного образовательного учреждения высшего образования «Челябинский государственный университет», кандидат философских наук. 110006, Республика Казахстан, г. Костанай. ул. Бородина, д.168. E-mail: vav0571@mail.ru

VIDERSHPAN Alexander Valeryanovich, associate professor of the Department of Social and Humanitarian and Natural Science Disciplines of the Kostanay Branch of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Chelyabinsk State University», Candidate of Philosophy. 110006, Republic of Kazakhstan, the city of Kostanay. ul. Borodin Str. 168. E-mail: vav0571@mail.ru

ПП № 2(66)-2018. с. 112—118

УДК 316.624 — 053.6 + 159.922.8

С. Н. Дубинин

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДЕВИАНТНОЙ СРЕДЕ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

S. N. Dubinin

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL FEATURES OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS IN A DEVIANT ENVIRONMENT AND THEIR CHARACTERISTICS

Девиантное поведение детей вызвано недостатками систем воспитания, негативного влияния среды, в которой живет, проводит досуг и учится ребенок. Начиная с раннего детства, человека воспитывают родители, но в современном обществе, когда речь идет о физическом выживании, родители зачастую ограничиваются заботой об удовлетворении естественных потребностей ребенка.

Усложнение социальной жизни породило безнадзорность детей. Родители слишком заняты, озабочены поддержанием материального благополучия, у них нет желания исследовать и сил вникать в развитие внутреннего мира детей и кропотливо его направлять.

Из-за недостатка времени на ласку и внимание родители применяют жестоко авторитарный тип руководства. Ребенок подвергается тирании требований и запретов. Ему практически «все нельзя». Взрослые за него все решают. Постепенно такая жизнь для подростка может стать невыносимой. Учителя тоже не умеют наладить контакты с учащимися, особенно во внеурочное время, сковывают их инициативу, что подрывает веру учащихся в свои силы и возможности. Наряду с нарушенными межличностными отношениями девиантных юношей с родителями и учителями, в силу ряда психологических особенностей происходит и нарушение межличностных отношений со сверстниками.

Ключевые слова: *девиантность, психология, педагогика межличностные связи.*

Deviant behavior of children is caused by shortcoming of educational systems, negative influence of the environment where the child lives, spends free time and studies. Beginning from the early childhood the person is educated by his parents but in the modern world the parents do no more than taking care of satisfying natural needs of the child.

Children's neglection was caused by complicated social life. The parents are too busy, attend to support well-being, they have no desire to research and intrude into the development of the inner world of children and derect it laboriously. Because of time lack for kindness and attention parents use cruel authorial type of ruling. The child is subjected to tyranny of demands and bars. He can do mostly nothing. Adults do everything for him. Gradually such life becomes intolerable for the adolescent.

Teachers also cannot establish contact with pupils, they paralyze their initiative and undermine believe in their powers and abilities.

Breaching relations with youths of their age happens together with breaching of relations of deviant youths with their parents and teachers because of a number of psychological peculiarities.

Keywords: *deviance, psychology, pedagogy, interpersonal communication.*

Девиантная среда, по определению Л. М. Зюбина, это группа лиц, отличающаяся девиантным поведением. **Девиантное** (**отклоняющееся**) **поведение** — это система поступков или отдельных поступков, противоречащих принятым в обществе правовым или нравственным нормам. Девиантное поведение детей вызвано недостатками систем воспитания, негативного влияния среды, в которой живет, проводит досуг и учится ребенок.

Зачастую в девиантной среде находятся и лица без заметных дефектов в личном развитии, но так как основное звено составляют девианты, то они подчиняют и всех остальных.

Понятие «девиантность» говорит о результатах воспитания. Девиантные учащиеся трудны для педагогов, родителей и других людей, воспитывающих его, по отношению к нему мало — или совсем не эффективны общепринятые формы и методы педагогического воздействия.

Субъективной, психолого-педагогической основой девиантного поведения являются, прежде всего, недостатки нравственно — волевого развития личности.

Личность формируется в сложной системе отношений. Будучи отраженными и обобщенными в сознании, они переходят в собственное отношение человека и действительности, становятся существенной основной частью его самосознания и способности к самооценке. А это значит, что неправильное отношение человека к действительности, к другим людям возникает вследствие каких — то недостатков им социально — психологических дефектов общения. «Дефективность сознания, — пишет А. С. Макаренко, — это конечно, не техническая диффективность личности, это диффективность каких — то социальных явлений, социальных отношений — одним словом, это, прежде всего испорченные отношения между личностью и обществом, между требованиями личности и требованиями общества».

Общение с людьми играет исключительную роль в развитии человека. «Не случайно, — отмечает Б. Г. Ананьев, — роль ядра характера играют именно те свойства, которые возникают на основе потребностей в общении (коммуникативные свойства характера, проявляющиеся в отношении человека с другими людьми) и на основе потребностей в деятельности (волевые свойства характера)».

Роберт Оуэн считал, что «в человеке при появлении на свет нет ни положительного зла, ни положительного добра, а есть только возможность и способность к тому и другому, развиваемые в нем в зависимости от среды, в которой он живет и воспитывается, которое он получает в семье и обществе».

Проследим становление ребенка «трудным». Начиная с раннего детства, человека воспитывают родители, но в современном обществе, когда речь идет о физическом выживании, родители зачастую ограничиваются заботой об удовлетворении естественных потребностей ребенка. Социологи констатируют: от поколения к поколению родителям все труднее выделять время для воспитания детей. Даже в благополучных семьях в день на воспитание тратится всего 18 минут. А если семья неблагополучная?

Усложнение социальной жизни породило безнадзорность детей. Родители слишком заняты, озабочены поддержанием материального благополучия, у них нет желания исследовать и сил вникать в развитие внутреннего мира детей и кропотливо его направлять. Да и стиль воспитания, в большинстве случаев диктаторский или либеральный, оставляет желать лучшего.

Из-за недостатка времени на ласку и внимание родители применяют жестоко авторитарный тип руководства. Ребенок подвергается тирании требований и запретов. Ему практически «все нельзя». Взрослые за него все решают. До подросткового возраста все хорошо, но выросший «невольник» вступает в борьбу за свои права, приученные к безнаказанному диктаторству, родители в ответ на это еще более усиливают контроль и опеку. Постепенно такая жизнь для подростка может стать невыносимой. И во многом от его природного темперамента будет зависеть, останется он жалким, безропотным существом или предпримет попытку прервать всяческие отношения с родителями. Но в любом случае неразвитая с детства инициатива и самостоятельность сослужат потом в жизни плохую службу. Отсутствие самоконтроля, привычная опора на контроль извне приводят к реализации влечений подростка, а затем и юноши в самых нездоровых и социально неприемлемых формах.

Как ни странно, но гиперопека детей также приводит к бунту. Ограждение детей от трудностей жизни расслабляет их волю, порождает лень, неспособность преодолевать трудности, порождает в детях зависимость от окружающих, ориентир на их мнение по любому вопросу.

Согласно исследованиям А. С. Кона, К. Е. Игошева, Г. М. Миньковского и др. нормативные взаимоотношения в семье

у 51,7 % старшеклассников. Это те, кто на вопрос «Каково ваше положение в семье?» ответили: «Самостоятельный и равноправный член семьи? С ними считаются, советуется, прислушиваются к их мнению, разделяют их заботы. 10,4 % старшеклассников отмечают, что их чрезмерно опекают, относятся с повышенным гипертрофированным вниманием, они являются эпицентром заботы, прежде всего материальной. В. Я. Титаренко отмечает, что «система тепличного воспитания — это тот механизм, который превращает альтруизм родителей в эгоизм детей». Для 26,4 % старшеклассников в семье утвердился в основном авторитарный стиль в воспитании, основанный на подавлении личности и повиновении детей. Это вызывает у детей отчуждение от родителей, чувство своей незначительности. Родительские требования, когда они кажутся необоснованными, либо вызывают протест и агрессию, либо апатию и пассивность.

Наилучшие взаимоотношения старшеклассников с родителями складываются обычно тогда, когда родители придерживаются демократического стиля воспитания. Поведение ребенка направляется в этом случае твердо, последовательно, гибко и рационально; родитель всегда объясняет мотивы своих требований и поощряет их обсуждение ребенком; власть используется лишь в меру необходимости; в ребенке ценится как послушание, так и независимость; родители устанавливают правила и твердо приводят их в жизнь, но не считают себя непогрешимыми: они прислушиваются к мнениям ребенка, но не исходят только из его желаний. Но в семьях, воспитывающих наших «трудных» юношей и девушек, подобный стиль воспитания встречается крайне редко, а значит, семьи сами непосредственным образом детерминируют развитие личности по нисходящей.

Как только дети поступают в школу, многие родители снимают с себя всякую ответственность за воспитание детей, ограничиваясь контролем «выученности уроков». То, что недополучил в семье, ему должна дать школа. Но что происходит в действительности?

С первого класса особое внимание учителя уделяют не девиантам, на которых махнули рукой, а «благополучным мальчикам и девочкам».

До подросткового возраста успевающие дети получают наибольшее число эмоциональных положительных выборов в ситуации общения. В младшем школьном возрасте дети чрезвычайно доверчивы к мнению взрослых. Учитель на уроке всегда выделяет одних и тех же — кого же ему хвалить, как ни тех, кто лучше всех учится? А потому же они являются «звездами» в детском коллективе.

Но вот дети становятся подростками, и многое в их симпатиях меняется. Не сразу разберешь, от чего они теперь зависят. Конечно же, не от хорошей учебы и похвал учителя. Девианты окружены ореолом романтики. Ими восхищаются. Их ценят за физическую силу, дерзость по отношению к взрослым, которая в глазах подростков выглядит подлинной отвагой.

К восьмому классу страсти переломного момента в общении подростков в основном утихают. Межличностные привязанности укрепляются, становятся все более избирательными. Друзей теперь выбирают не по указке взрослых, но и не тех, кто своим вызывающим поведением бросается в глаза, общаться начинают с такими, кто ближе по духу, по воспитанию, по развитию. Девианты должны теперь найти какие-то новые средства завоевания авторитета, либо замкнуться в себе, либо объединится с себе подобными в данном коллективе или вне его.

Как, отмечает Л. М. Зыбин, «чем выше престиж юноши в официальном ученическом коллективе, тем меньше вероятность вхождения их в какие-либо асоциальные объединения вне учебного заведения.

Во многих исследованиях взаимоотношений девиантных учащихся в классе подчеркивается изолированность их в результате нежелания общения с ними большинства сверстников по учебе. Это связано в первую очередь с наличием определенных личностных качеств, мешающих обычному общению (грубость, лживость и т. д.) или делающих его беспредметным (утрата интереса к учебе, жизни коллектива, слабый запас знаний, искаженные потребности и интересы и т. п.).

Как показало социологическое обследование Л. И. Балозеровой, по мнению сверстников, 65 % девиантных юношей ориентированы на общение с более взрослыми лицами. Причем с возрастом среди них увеличивается количество «более взрослых» ребят, что свидетельствует о все большем их отрыве от коллектива сверстников.

Девиантные учащиеся во время учебы в школе испытывают постоянное ощущение тревожности и психологического дискомфорта, вызванного сознанием своего отчуждения от жизни коллектива.

Среди подобных учащихся с ослабленными контактами в классном коллективе

чаще всего встречаются школьники с отклонениями в поведении. Не получая признания среди товарищей по классу, они находят другую среду, где чувствуют себя психологически уютнее. Именно одиночество заставляет их искать общение, т.к. одиночество тяжелое, противоестественное состояние человека, особенно когда он молод и еще не уверен в себе. По мнению И. С. Кона, «одиночество в юности переживается острее всего потому, что идет формирование самосознания».

В кругу себе подобных трудные чувствуют себя «в своей тарелке» их принимают, дорожат их мнением, ценят качества личности, защищают от неудач и поражений. Юноши, не нашедшие признания у коллектива в школе, нередко становятся лидерами в стихийных досуговых группах, компаниях, имеющих или постепенно приобретающих негативную ориентацию.

Повышенный уровень притязаний на «взрослость» у трудных учащихся нередко является одновременно и причиной и следствием включения их в различные неформальные компании разновозрастной структуры. В таких компаниях больше внимания уделяется развлечениям; приобретаются вредные привычки (курение, пьянство, наркомания и т. д.). В компаниях либо «трудные» ребята идут на поводу у более взрослых друзей, либо, общаясь с более младшими по возрасту, они сами как старшие занимают лидирующее положение, компенсируя тем самым свой низкий статус по месту учебы. Исследования И. С. Кона и др. показали, что асоциальные компании формируются главным образом на базе совместных развлечений. Межличностные контакты в них ограничены по содержанию и потому поверхностны.

Влияние группировки зависит от роли, которую юноша в ней играет. Если он испытывает психологический комфорт, влияние максимально, в обратном случае, он не примет ее установок и порвет с ней при первой возможности.

Трудный ученик подвергается двум видам управляющих воздействий: во-первых, со стороны своего непосредственного руководителя, а во-вторых, со стороны неформальной группы, членом которой он является. И если группа ожидает от своего члена одного поведения, а руководитель другого, то, как — правило, возникает конфликт.

Нередко уличная компания одобряет и всячески поддерживает такие оценки, интересы, поступки и желания юноши, которые совершенно неприемлемы для семьи и школы, идут в разрез со всем тем, на что его ориентируют родители и учителя. Между тем он считается и с теми, и с другими. В результате личность юноши, принадлежащая к разным противоположно направленным референтным группам, переживает тяжелый психологический конфликт. В ситуации противоречивых требований человек, если он дорожит членством в группе, обычно ведет себя в соответствии с групповыми ожиданиями, а не с формальными требованиями, которые предъявляют ему учителя и родители. Как показали исследования В. А. Петровского и др., хорошее отношение членов группы обычно ценится дороже, чем похвала учителей и родителей.

Чем сплоченнее группа, тем труднее руководителю оказать воздействие на отдельного ее члена, минуя групповые нормы или вопреки влиянию группы. Тем более что зачастую только в неформальной группе, школьники находят поддержку и теплоту в межличностных отношениях.

Особенностями сферы личного общения девиантных учащихся часто определяется их отношение к людям, одной из ярких черт которого является недоверие и недоброжелательное отношение к взрослым, в том числе и к учителям.

Как отмечает В. П. Битуев; «Нередко ошибки в установлении правильных взаимоотношений с учащимися обусловлены тем, что учитель оценивает школьников в свете уже имеющихся у него установок. Поэтому, он склонен, одни признаки и качества у них замечать, другие не замечать или их замечать у одного и не замечать у другого».

«Трудные» дети это именно те, с которыми учителю трудно общаться. Да им и с самим собой и с ребятами говорить нелегко в силу отягощенности тяжким, неблагоприятным опытом социальных контактов ближайшего, непосредственного окружения, в том числе, например, и в семье.

Особо весомую педагогическую роль в школе играет комплекс отношений между учителями и учащимися.

«Как отмечает И. С. Кон: «В образе идеального учителя» на первый план выходят индивидуальные человеческие качества — способность к «пониманию», эмоциональному отклику, сердечность, т. е. в учители хотят видеть старшего друга. На втором месте стоит профессиональная компетентность учителя, уровень его знаний и качество преподавания, на третьем — умение справедливо распоряжаться властью». Три названных момента являются определяющими, на наш взгляд,

в формировании взаимоотношений между учителями и учащимися.

Исследования психологов и социологов показали, что осложняют нормальные отношения со старшеклассниками следующие проявления среды преподавателей: авторитарный режим; командный стиль в обращении; менторский тон; проработки, раздражительность; акцентирование недостатков личности ученика, нетактичное с ним обращение; неумение избегать конфликтных ситуаций; провоцирование ответной грубости; неправильный выбор формы общения; психологическое давление; нехватка интеллигентности и др.

Такая позиция преподавателей наводит на мысль, что учителя стремятся видеть в своих воспитанниках, прежде всего ученика, а не растущую личность, обращаются с ними в основном в русле преподаваемого предмета, избегая откровенных разговоров о жизни, окружающей школьника.

Эта нехватка человеческого общения вызывает осложнения, эмоциональную напряженность во взаимоотношениях с учащимися.

Учителя не умеют наладить контакты с учащимися, особенно во внеурочное время, сковывают их инициативу, что подрывает веру учащихся в свои силы и возможности.

Старшеклассники ценят такую позицию учителя, когда он считается с их мнениями и добрыми желаниями, не получают, а сотрудничает с ними. Среди качеств, наиболее важных для учителя, они отмечают уважение человеческого достоинства, справедливость, простоту, естественность, чуткость, доверие, владение собой, уравновешенность характера, увлекательное изложение материала, творческое отношение к своему делу, устойчивость настроения, мажорный тон и оптимизм.

Неприязнь старшеклассников вызывают, судя по отзывам, два типа учителей: «авторитаристы» и «либералы». Основные формы работы «авторитористов» — преобладание начальственного тона, нетерпящего возражений, психологическое давление, волевые методы обращения (принуждение, приказ, запугивание, требование и т. д.), что рождает сопротивляемость личности, напряженность взаимоотношений, конфликтность и т. д.

Формы работы учителей — «либералов» старшеклассники характеризуют как анархический попустительский стиль: формальное отношение к запросам и интересам старшеклассников, заигрывания с ними, самоустранение от жизни ученического коллектива, стихийные методы воздействия, что вызывает расслабление личности школьника, ведет к апатии и безразличию.

Эти категории учителей, по мнению старшеклассников, не пользуются авторитетом в школе. Иное отношение проявляется к учителям — «демократам», утверждающим наиболее правильный стиль работы с воспитанниками, отвечающий их ожиданиями. Такой стиль характеризуется старшеклассниками такими достоинствами, как разумная духовная близость к учащимся, уважительное к ним расположение, стремление к совместной деятельности, опора на мнение коллектива, на активность учащихся в ходе совместной работы, использование демократических способов общения, совет, ненавязчивое мнение старшего, альтернативность установок, отсутствие крайностей в подходе к учащимся и др., что стимулирует нормальные взаимоотношения, взаимоуважение, авторитет учителя, на что и следует ориентироваться учителям в своей работе с учащимися.

Наряду с нарушенными межличностными отношениями девиантных юношей с родителями и учителями, в силу ряда психологических особенностей происходит и нарушение межличностных отношений со сверстниками. Рассмотрим эти особенности: 1) у девиантных юношей зачастую наблюдается либо повышение, либо понижение самооценки. Неадекватная самооценка нередко приводит к осложнению межличностных отношений в коллективе, а, следовательно, к поискам иной среды и других путей для самоутверждения, которые могут способствовать правонарушению. 2) неудовлетворенность своим положением в классном коллективе, конфликтность с окружающими усиливают присущее юношам состояние тревожности. А оно чревато нежелательными последствиями: неблагоприятно влияет на характер человека, его поведение, на определение им своих жизненных перспектив. Человек, длительно находящийся в тревожном состоянии, может легче, чем другие, попасть под случайное, в том числе отрицательное влияние. 3) одной из серьезных опасностей, которая может возникнуть на пути личностного развития ребенка в современном, чреватом человеческими конфликтами обществами, и нарушить систему межличностных отношений, является формирование и укрепление такой черты, как агрессивность. Ее можно определить как преднамеренное поведение, причиняющее вред другому человеку или предмету. Это может

быть физическое нападение (ударить, укусить), вербальная агрессия (крикнуть, обозвать, оскорбить) и т. д. 4) следующий момент, осложняющий межличностные отношения, это искажение обратной связи с обществом.

Как отмечает Н. Н. Богомолова, — ценнейшее качество межличностного общения — возможность сразу в процессе общения увидеть, почувствовать и понять непосредственную реакцию партнера по общению на свои слова и поведение — т. е. обратная связь. Обратная связь, прежде всего, нужна для достижения взаимопонимания.

Ошибки в восприятии, неточности в оценках поведения и поступках являются одной из основных причин возникновения различных проблем и трудностей во взаимоотношениях между людьми.

Практически всегда мы воспринимаем и оцениваем людей под влиянием определенной установки. Эта установка может быть постоянной и изменчивой, зависящей от обстоятельств и особенностей воспринимаемых людей. Будучи стабильной и мало связанной с личностями оцениваемых людей, такая установка может принимать форму предупреждения и порождать необъективное отношение к человеку. Тот, в свою очередь, справедливо считая, что к нему относятся предвзято, отвечает тем же. Так складываются трудные, конфликтные ситуации, из которых сложно бывает найти выход, а поскольку вовлеченные в него стороны не усматривают в самих себе первоисточник конфликтной ситуации. Причиной конфликта людей, чаще всего встречающейся на практике, является непорядочное, несправедливое, недоброе, нечестное отношение одного человека к другому.

Рассмотрим более внимательно конфликтные внутригрупповые ситуации. Первый из межличностных конфликтов назван конфликтом безысходности по той причине, что из него для вовлеченных индивидов нет удовлетворительного выхода. Взаимоотношения людей в данном случае являются несовместимыми: один из членов группы относиться к другому отрицательно, а второй — положительно, и если ни тот, ни другой не захотят изменить свое отношение, то их взаимоотношения постоянно будут находиться в состоянии несовместимости.

Второй тип межличностных конфликтов представляет собой конфликт неопределенности, поскольку при неопределенном (положительном или отрицательном) отношении одного из партнеров к другому он с его стороны не встречает к себе столь же однозначного отношения, ни положительного, ни отрицательного. В силу этого обстоятельства взаимоотношения людей, вовлеченных в данную психологическую ситуацию, длительное время могут оставаться неясными, поскольку тот, чье отношение к другому положительное, может предполагать такое же отношение к себе со стороны партнера, а тот, чье отношение отрицательное, также может рассчитывать на положительное к себе отношение и в силу этого обстоятельства сохранять свои взаимоотношения с другими.

Третий тип межличностных конфликтов характеризуется тем, что один и тот же человек вызывает к себе одновременно и положительное и отрицательное отношение. Всякое движение, направленное на сближение с ним, довольно скоро останавливается, так как сближение вызывает усиливающееся стремление разорвать с данным человеком взаимоотношения. Здесь один индивид, испытывающий амбивалентное (противоречивое, двойственное) чувство к другому, одновременно и стремится к нему, и боится его. В результате он останавливается где-то на полпути к партнеру, сохраняя вместе с тем определенную психологическую дистанцию, уравновешивающую противоположно направленные силы стремления и избегания.

Последнее из аномальных отношений, которые, являясь по преимуществу личностным, также может выступить в сфере межличностных групповых отношений, — это фрустрация. В психологии фрустрация понимается как состояние эмоционально — психологического расстройства, связанное с переживанием неудачи в достижении поставленной цели, с тщетностью прилагаемых усилий. Фрустрация сопровождается разочарованием, раздражением, тревогой, иногда — отчаянием; она отрицательно влияет на взаимоотношения людей, если хотя бы один из них находится в состоянии фрустрации. В групповых отношениях фрустрация нередко способствует возникновению межличностных конфликтов.

Литература

1. Белозерова, Л. И. Причины неблагополучия во взаимоотношениях трудных подростков с одноклассниками / Л. И. Белозерова // Воспитательная работа с педагогически запущенными подростками. — М., 1982.
2. Богомолова, Н. Н. Психология общения: массовая коммуникация и общение / Н.Н. Богомолова. — М., 1988.
3. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. — М., 1968.
4. Игошев К. Е. Учебно-воспитательная работа с трудными учащимися : метод, пособие / К. Е. Игошев, Г. М. Миньковский. — М., 1982.
5. Кисловская, Р. С. Общительность и темперамент у школьников / Р. С. Кисловская. — Пермь, 1961.
6. Кон, И. С. Школьники в среде сверстников и взрослых / И. С. Кон. — М., 1989.
7. Махов, Ф. С. Категории общения и деятельности в психологии / Ф. С. Махов. — Вопросы философии. — 1979. — № 8.
8. Мудрик, А. В. Личность школьника и ее воспитание в коллективе / А. В. Мудрик. — М., 1983.
9. Титаренко В. Я. Семья и формирование личности / В. Я. Титаренко. — М., 1987.

References

1. Belozerova L.I. Prichiny neblagopoluchiya vo vzaimootnosheniyakh trudnykh podrostkov s odnoklassnikami. — V sb.: Vospitatel'naya rabota s pedagogicheski zapushchennymi podrostkami. — M., 1982.
2. Bogomolova N.N. Psikhologiya obshcheniya: Massovaya kommunikatsiya i obshche-niye. — M., 1988.
3. Bozhovich L.I. Lichnost' i yeye formirovaniye v detskom vozraste. — M.,1968.
4. Igoshev K.Ye. Min'kovskiy G.M. Uchebno-vospitatel'naya rabota s trudny-mi uchashchimisya: Metod, posobiye. — M., 1982.
5. Kislovskaya R.S. Obshchitel'nost' i temperament u shkol'nikov. — Perm', 1961.
6. Kon I.S. Shkol'niki v srede sverstnikov i vzroslykh. — M., 1989.
7. Makhov F.S. Kategorii obshcheniya i deyatel'nosti v psikhologii. — Voprosy filosofii, 1979, № 8.
8. Mudrik A. V. Lichnost' shkol'nika i yeye vospitaniye v kollektive. — M., 1983.
9. Titarenko V.YA. Sem'ya i formirovaniye lichnosti. — M., 1987.

ДУБИНИН Сергей Николаевич, профессор кафедры социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплин Костанайского филиала ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», доктор психологических наук, член-корреспондент Международной академии информатизации. 110000, Республика Казахстан г. Костанай, ул. Бородина 168-а. E-mail: dubinin-sergey@mail.ru.

DUBININ Sergey, professor of the Department of social, humanitarian and natural sciences disciplines, the Kostanay branch of the Chelyabinsk State University, doctor of psychology, associate member of the International Informatization Academy. 110000, Republic of Kazakhstan, Kostanay city, Borodin 168-a. E-mail: dubinin-sergey@mail.ru

ПП № 2(66)-2018. с. 119—129

УДК 343.85 + 343.97

А. Е. Мизанбаев, И. А. Петин

ПРЕСТУПНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ И ПУТИ ПЕРЕХОДА ОТ ФОРМЫ К СОДЕРЖАНИЮ

A. E. Mizanbaev, I. A. Petin

CRIMINALITY OF CRIMINALLY-LEGAL PROHIBITIONS AND THE PATH FROM FORM TO CONTENT

В настоящей статье раскрываются вредоносные последствия действия уголовно-правовых запретов, если при этом не учитываются информационные аспекты механизма преступного проявления в свете современных достижений наук о поведении человека. Также даются основные направления и средства перехода на эффективное уголовно-правовое регулирование в системе общественных отношений.

Ключевые слова: *уголовно-правовой запрет, преступление, механизм правового регулирования, криминализация.*

This article reveals the harmful consequences of criminal law prohibitions, if this does not take into account the information aspects of the mechanism of criminal manifestation in the light of current achievements in the sciences of human behavior. Also, the main directions and means of transition to effective criminal law regulation in the system of public relations are given.

Keywords: *criminal-legal prohibition, crime, mechanism of legal regulation, criminalization.*

Проблемы поведения человека в целом, и преступного, в частности, определяется его жизненными ориентирами. Последние зависят от характера мировоззрения, мировосприятия и миропонимания. Можно сказать иначе, а именно то, что поведение индивида зависит от характера и степени осознания внешнего и внутреннего мира, смысла всей жизни человека, места индивида в системе общественных отношений, которые формируют ценностные ориентации, интересы и порождаемые им мотивы и цели поведения. Эти огромные жизненные пласты можно свести к механизму преступного поведения, после чего определиться по методам и средствам уголовно-правового регулирования и уголовно-правового воздействия.

Нормы уголовного законодательства следует признать наиболее сильным регулятором общественных отношений из существующих в государстве, поскольку предусмотренные виды уголовных наказаний (в особенности, лишение свободы, пожизненное лишение свободы, смертная казнь), поддерживаемых при помощи государственной силы принуждения и связанных с этим институтов и различных надстроек, способны повлиять на любого человека и гражданина путём ограничения его поведения или ущемлением материальных или нематериальных интересов. С этим согласны другие авторы. В частности, Ю. С. Жариков обратил внимание на то, что уголовное право всегда было и остаётся одним из эффективных средств воздействия на противоправные события [8, с. 11]. Г. Э. Адагезалова отмечает, что «сегодня правовой порядок — самая эффективная и яркая форма социального контроля. Все иные его средства действуют под влиянием права» [8, с. 157]. Однако сила уголовно-правового регулятора ещё не означает его эффективности в аспекте достижения целей наказания и задач уголовного законодательства в целом. На это также указывают результаты социологического опроса, показавшие, что большинство из числа опрошенных руководствуются в своём поведении не законом, а своими интересами. В результате, как отмечает Ю. С. Жариков, преступность в стране «приобрела столь угрожающие размеры, что государство уже не в состоянии вы-

полнять» задачу по её предупреждению. И в качестве причины названный автор усматривает то, что государство не ставит перед собой достижение целей наказания, предусмотренных в ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса РФ (ч. 2 ст. 38 УК РК) (в дальнейшем — УК РФ) [6, с. 9].

В свою очередь, следствием данного обстоятельства в уголовно-правовой сфере становится возможность нарушений существующих норм закона и злоупотреблений должностных лиц в отношении участников уголовного процесса. Поэтому одновременно возникает проблема достижения соответствия норм уголовного законодательства конституционным положениям, закрепляющим в качестве высшей ценности человека, его права и законные интересы (ст. 1, 12, 13, 15, 16, 17 и др. Конституции РК, а равно, ст. 2, 7, 17, 18, 19, 21 Конституции РФ и др.). Наиболее существенными причинами отклонения воздействия норм уголовного права от своего функционального предназначения следует признать его несовершенство, чрезмерную оторванность от реальности и существующих в ней закономерностях внешнего и внутреннего мира человека, и, как следствие, нарастание фетишизации права и оценочность законодательных понятий или отсутствие таковых вообще в силу их недостаточной криминологической обоснованности. Вполне обоснованно С. А. Жинкин обозначил задачу перед юридической наукой по осмыслению не только места человека в мире права, но и места права во внутреннем мире человека, по выявлению роли права в самореализации личности в условиях психологически комфортного и социально адекватного, а также созидательного существования в конкретном культурно-историческом контексте. С. А. Жинкин также отметил системный недостаток науки уголовного права, в которой «не до конца преодолены экономический детерминизм, «фетишизация» общественных отношений в объяснении правовых явлений» [9, с. 6—7].

По верному замечанию Ю. С. Жарикова, уголовно-правовая наука до сих пор не может дать ответ на вопрос «о роли и месте уголовного законодательства в системе правового воздействия на негативные социальные процессы», анализ которых в данной науке практически отсутствует [8, с. 12]. При этом важным представляется замечание данного автора о том, что существенным недостатком прикладных исследований по теоретическим проблемам, проведённых в последнее время, является то, что их «теоретической основой являются исключительно положения общей теории права. Хотя сами по себе указанные положения и не бесспорны»[8, с. 14]. Поэтому прав Ю. С. Жариков в том, что в современных условиях «особую научную актуальность и практическую перспективу ...имеет разработка основ правового регулирования в сфере уголовно-правовых отношений» [8, с. 11]. Важным замечанием автора является о том, что нужна концепция уголовно-правового регулирования, способная определить основные пути и способы воздействия уголовного права не только на существующие в социуме общественные отношения, «но и на те, которые будут актуальны в скором будущем» [8, с. 12]. Перечисленные проблемы, которые давно уже требуют конструктивного разрешения, представляют актуальность для всех наук криминального цикла.

Современное состояние теории уголовного права и соответствующего законодательства в теории уже неоднократно характеризовалось как кризисное. Основная причина этого усматривается в том, что у криминологии как науки о преступности и преступлении, отмечается снижение её практической функции. Более того, ряд авторов не без оснований отмечает наличие кризиса в самой криминологии (А. Э. Жалинский, В. В. Лунеев, И. М. Мацкевич, Е. Г. Самовичев и др.). Так, А. Э. Жалинский отметил, что «криминология превращается в предмет лингвистических споров узких специалистов, ...перестаёт быть наукой о фактах и их контексте, а всё больше становится...наукой о дефинициях» [6, с. 156, 167]. Концептуальные проблемы криминологии поднимает Е. Г. Самовичев, обращая внимание на то, что в её фундаментальных работах «тема причин и причинности практически не звучит,... фактически сошла с авансцены концепция устранимости, искоренимости преступности,...из сферы интересов криминологии тема механизма криминализации людей выпадает,...а тема «Личность преступника» посвящена некой абстракции, фикции...практически не обсуждаются такие базовые концепции как свобода выбора лицом вариантов своего поведения, хотя на ней зиждется уголовная ответственность» [16]. Е. Г. Самовичев в качестве основного вопроса обоснованно рассматривает социально ориентированный заказ на криминологическую информацию и её реализацию в обеспечении безопасности правовых благ [16, с. 185]. Справедливости ради следует отметить, что темы и причинности, и свободе воли

как основы свободы выбора поведения, периодически рассматриваются в теории уголовного права, в частности, З. Б. Соктоевым [17], С. В. Шевелёвой [20], но вследствие несистемного и непоследовательного диалектического подхода, такие работы проявляют, как правило, утилитарную функцию по обоснованию уголовной ответственности и существующих институтов уголовного права.

И. М. Мацкевич, отметив, что криминологи, как и криминология в целом, стоят на перепутье, призывает учёных оглянуться назад и объективно оценить пройденный путь, чтобы избавиться от серьёзных просчётов и наметить перспективы дальнейшего развития, обоснованно полагая, что мы находимся в начале действительного расцвета этой науки [13, с. 192]. Практически к тому же призывал А. Э. Жалинский, говоря о том, что «необходим переход от сложившегося относительно линейного развития научного знания к целенаправленному пересмотру сложившегося состояния криминологической науки, к устранению накопившихся в ней «шумов»...и усилению служебной роли криминологии» [8, с. 165].

Информационный механизм управления поведением человека ставит перед наукой проблему незамедлительной разработки соответствующего научно обоснованного уголовно-правового регулирования общественными отношениями в необходимом для общества направлении уголовно-правового

воздействия на сознание и поведение субъекта. Отсутствие отражения такого механизма в действующем уголовном законодательстве приводит к выводу о недостаточности его корректировки, поскольку для этого требуется иная информационно-концептуальная основа. В связи с этим возникает необходимость конструктивного, системного переосмысления с точки зрения современных научных достижений механизма преступного поведения, основополагающей идеи уголовного права, его основных институтов, понятий преступного вреда и его вменения, принципов, целей наказания, средств и способов уголовно-правового регулирования для достижения целей наказания и задач уголовного законодательства в целом.

Предметом настоящей работы не является рассмотрение всего механизма уголовно-правового регулирования и его элементов в процессе его функционирования и взаимодействия. Нашей задачей является рассмотреть специфику содержания элементов данного механизма, объект и метод его воздействия в связи с предложенной нами идеей информационной обусловленности поведения субъекта и фактически существующей полной и всеобщей ответственности в широком смысле этого слова. Центральным звеном механизма уголовно-правового регулирования в его практическом аспекте представляется выявление основания для вменения преступного вреда. Данная проблема представляется определяющей в науке уголовного права, разрешение которой непосредственно определяет принципы, структуру и содержание институтов уголовного права и законодательства. Серьёзные исследования на данную тему встречались, в основном, в дореволюционный период у таких авторов, как Арон, Ч. Бекарриа, Г. В. Ф. Гегель, И. Кант, А. Ф. Кистяковский, Н. Неклюдов, С. Познышев, В. Спасович, Н. С. Таганцев, И. Фихте, И. Я. Фойницкий и другие. В этой литературе обоснованно рассматривался вопрос о праве государства на наказание своего гражданина (в том числе, о его формах и пределах), но отражение неосознанного и его влияния на поведение индивида в тот период не находило. В настоящее время системных исследований названных вопросов и их последовательное отражение в теории выявить не удалось.

Результаты проведённых нами теоретических исследований показывают несистемность существующего подхода в развитии уголовного права, а равно в формировании механизма уголовно-правового регулирования по следующим основаниям: 1) поведение субъекта рассматривается осознанным при наличии влияния на него неосознанного; 2) в условиях концепции субъективного вменения нефизическая причинность не учитывается; 3) как результат первых двух оснований поведение субъекта до сих пор считается «свободным», а последствия «свободы», в том числе порой и преступные — «случайными»; 4) и только искусственно созданное последнее основание даёт «нравственное» и «правовое» основание для постановки вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности за причинённый им преступный вред.

При этом нравственные и правовые нормы также обосновываются наличием свободы воли и поведения индивида (как правило, не раскрывая структуру и содержание данного понятия), тем самым образуя тавтологический круг в доказательствах. Такое положение неизбежно порождает в теории, законодательной и правоприменительной деятельности

различные противоречия, фрагментарность вносимых изменений и отсутствие системности, на что указывали и указывают многие исследователи, в частности, А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло [2], Ю. В. Голик [19], А. Э. Жалинский [7], Л. Л. Кругликов [11], А. А. Тер-Акопов [18] и другие [3, с. 6]. Конечно, в научном мире отношение к названным и подобным работам может быть неоднозначным, однако это только подтверждает кризис существующей теории уголовного права. Названные выше четыре основания объясняют, почему проблема устойчивого развития не только в уголовно-правовой сфере, но и в сфере права вообще, как обоснованно заметил Ю. В. Голик, практически не затрагивается [5, с. 6].

Для того, чтобы решить проблему, найти ответы на возникающие вопросы, в первую очередь надо выйти за пределы этих вопросов, то есть расширить своё сознание и сферу исследований, в частности, за счёт неосознанной области психики субъекта. Тогда становится понятным, что поведение человека обусловлено и системно, которое определяет сформированный у него интерес. И это свойство указывает на внутренний регулятор поведения человека, изменяя который через формирование или переориентацию интересов, можно влиять на внешнее поведение субъекта. Самый эффективный способ усматривается в использовании для этого доступной для понимания субъекта информации об известных закономерностях развития природы, человека и общества. Без этого невозможно никакое осознание, предвидение, желание или нежелание каких-либо последствий, а равно иное планирование своей деятельности. В связи со сказанным, категория «интереса» имеет не только криминологическое и уголовно-правовое значение, но и конституционное.

Конструктивная модернизация действующего уголовного законодательства становится возможной после построения новой объяснительной модели уголовного права, которая способствует пониманию его природы и возможностей. Представленная в работе модель уголовного права ориентирована на закономерности развития природы, человека и общества, последовательный учёт которых позволяет фактически планировать достижение поставленных целей. У субъекта под влиянием полученной им в процессе своего развития нередко искажённой информации о таких закономерностях, складывается соответствующее представление о жизненных ситуациях и моделях поведения в них. В таком процессе у субъекта может быть сформирован криминогенный интерес, который начинает влиять или определять его преступное поведение.

Поскольку внешнее поведение определяется внутренним миром, то для изменения внешнего поведения разумным представляется переориентация внутреннего интереса субъекта таким же информационным путём. Собственно понятие уголовно-правового воздействия, которому в последнее время уделяется достаточно много внимания в уголовном праве, по своему содержанию представляет собой информационный аспект уголовно-правового регулирования, обращённого непосредственно к сознанию субъекта и иных лиц. Практичность предлагаемого подхода заключается в том, что почти все существующие виды уголовного наказания можно оставить в силе, но их содержание, цели, средства, способы и формы реализации должны отражать качественно иную информацию. Речь идёт о учёте в уголовно-правовой сфере закономерностей развития природы, человека, общества и основных распространённых идеях, препятствующих их познанию. Первым шагом для этого требуется признание законодателем обусловленности внешнего поведения субъекта его внутренним миром, а также влияния на индивида неосознанного, после чего будут созданы условия для пересмотра основополагающих институтов уголовного законодательства. Данная задача в рамках предложенной концепции не только выполнима, но одновременно упрощает уголовное законодательство, делая его практической и эффективной конструкцией, открытой для современных научных достижений.

Достижение целей и задач уголовного законодательства во многом зависит от метода уголовно-правового регулирования. В действующем уголовном законодательстве основным методом являются уголовно-правовые запреты. Однако подобный метод противоречит закономерностям психологии поведения. Согласно законам нейролингвистического программирования поведения частица «не», а равно запрет в иной форме, подсознанием человека не воспринимается. Поэтому на неосознанном уровне в психику человека проникает информация, противоположная той, которую использовали в целях оказания воздействия на человека. Следовательно, запрет не может рассматриваться как метод регулирования поведения человека, поскольку он вызывает обратный эффект и создаёт

глубинную основу для самых различных правонарушений, либо на определённом этапе направлен на внутреннее саморазрушение. В этом заключается вредоносность любых запретов фактическая преступность уголовно-правовых.

В рамках предлагаемой в настоящей работе концепции данная проблема метода разрешается системно. В силу всегда существующей адекватности внешнего поведения субъекта его внутреннему миру, цель исправления трансформируется в цель осознания ещё неосознанных индивидом закономерностей природы и своего поведения, в частности, всеобщей причинно-следственной связи. У действительно осознавшего взаимосвязанность и обусловленность мира возникновение мысли причинения кому-либо вреда будет означать фактически причинение вреда самому себе. Таким образом, не запретные правила поведения надо определять, которые вызывают обратную реакцию, в том числе, на неосознанном уровне, а раскрывать криминологически значимую информацию о всеобщих причинно-следственных связях любого поступка, в том числе, возникающих у человека мыслей. Содержание последних зависят от характера мировоззрения индивида, и только изменение последнего может приводить к изменению образа мыслей, внутреннего отношения и внешнего поведения субъекта.

Игнорирование информации о закономерностях развития природы, человека и общества происходит вследствие распространённых в обществе с древних времён ложных идей о внешнем и внутреннем мире человека, о его смысле жизни и месте в обществе и окружающем мире. Наиболее вредной для должной переориентации поведения человека является идея о возможности случайного явления, события в жизни человека. Она позволяет индивиду исключать из своего миропонимания и основанной на этом оценке жизненных обстоятельств всегда существующие физические и нефизические причинно-следственные связи, что препятствует поиску причин происходящих с ним жизненных ситуаций в самом себе. И такое состояние является перманентным криминогенным фактором.

Поэтому управление обществом необходимо, как и воздействие на деструктивное поведение. Однако уголовно-правовое регулирование должно отвечать объективно существующим закономерностям [15], а не быть основанным на чрезмерно абстрактных и оторванных от реальности юридических фикциях вроде действующих признаков вины, не отражающих влияние существующего неосознанного, которое, в свою очередь, раскрывает действительные мотивы и цели субъекта. Требования системного подхода обязывает нас учитывать, что уголовная ответственность является ограниченным видом ответственности индивида за своё поведение. Существующая у человека система самонаказания, работающая на подсознательной информации, или известный в теории синдром Авеля, характеризует ответственность субъекта в широком смысле, под которой следует понимать разнообразные индивидуальные формы последствий миропонимания и обоснованного этим внешнего поведения. В частности, к таким явлениям можно отнести возникновение болезней как признак рассогласованности организма человека со средой и её пониманием, несчастные «случаи» как следствие субъективного искажения диалектики явлений и событий, трагедии, основанные на законе перехода количества совершённых внутренних и наружных движений индивида (причины) в качество (следствие) и т. д.

Предвосхищая упрёки в необоснованном расширении понятии ответственности субъекта за внешнее проявление его поведения в различных формах, следует обратить внимание на тот факт, что даже действующее уголовное законодательство содержит институт, учитывающий ответственность человека в широком смысле этого слова. Речь идёт об институте давности, предусматривающего императивное освобождение от уголовной ответственности и наказания, если не было уклонения от суда и следствия (ст. 69, 75 УК РК, а равно, ст. 78, 83 УК РФ). Немало авторов в прежнее время, в частности, Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий, рассматривали вопросы взаимосвязи длительности страданий от жизненных ситуаций и возможности наказания за совершённое ранее преступления, напоминая недопустимость последнего в силу общеизвестного принципа, запрещающего накладывать дважды наказание за одно преступление. В настоящее время к таким работам можно отнести исследования синдрома Авеля, или проявления системы самонаказания человека.

Ограниченность концепции субъективного вменения преступного вреда осознанной частью психики субъекта приводит к выводу о необходимости предложения концепции адекватного вменения преступного вреда. Адекватный в переводе с латинского adaequatus означает

равный, тождественный [14, с. 20]. В словаре С. И. Ожегова данное слово воспринимается как вполне соответствующий, совпадающий. Сущность предлагаемой концепции состоит в том, субъект отвечает за преступный вред, причинённый в совокупности осознанной и неосознанной частями его психического отношения. Особенности концепции адекватного вменения преступного вреда состоят в том, что она снимает необоснованные ограничения с исследования механизма преступного поведения и использования современных научных достижения при квалификации преступления.

Предлагаемая концепция вменения преступного вреда обладает достоинствами предшествующих до неё концепций объективного и субъективного вменения при одновременном устранении их недостатков. Если первая, признавая отсутствие свободы воли, позволяет учитывать глубинную и сложную роль неосознанного в поведении человека (внешний, доступный для восприятия, и неосознанный уровни его взаимодействия с окружающей действительностью), то вторая даёт возможность учитывать осознанный внутренний мир субъекта в форме его намерений (мотивов) и результата (целей) при одновременном преодолении фактора субъективного усмотрения правоприменителя. Вопросы определения осознанного и неосознанного в преступном поведении рассматривались выше. Одновременно в структуре психики субъекта обнаруживается внутренний регулятор, определяющий его конкретное поведение. Как отмечает И. И. Кондрашин, за психикой человека признаётся способность центральной нервной системы осуществлять взаимодействие с окружающей его средой как биосферы, так и инфосферы в форме именно адекватного реагирования на происходящие вокруг явления и события [11, с. 89].

Концепция адекватного вменения преступного вреда в полной мере реализует важнейший для достижения целей наказания принцип уголовного права, а именно, принцип неотвратимости, на что обращал внимание ещё Ч. Беккариа [4, с. 124]. Предлагаемая концепция органически может и даже требует включать в себя различные мировоззренческие взгляды на мир, человека, смысл его жизни, иных состояний или происходящих с ним событий, в том числе и смерти, а также психологические закономерности поведения субъекта. Поэтому адекватное вменение преступного вреда отвечает принципу системности как поведения человека, что представляется плодотворным в ходе формирования основанных на нём институтов уголовного права. Данные функции изначально присущи адекватному вменению, которое дополнительно учитывает различные взаимосвязи и взаимодействие индивида и окружающего мира на неосознанном (подсознательном) уровне, рассматривая и характеризуя поведение человека как системное, закономерное Тем самым во многом устраняется почва для различных сознательных злоупотреблений в уголовно-правовой сфере, что приведёт к нормализации политической, экономической, идеологической, социальной и психологической ситуации в обществе и возрождению человека и общества на истине и мудрости.

Чувство вины, которое является основным управляющим элементом системы самонаказания, рано или поздно приводит индивида к тем жизненным ситуациям, в которых происходит то, что обычно воспринимается под ярлыком «случайности». Важным для нашего исследования является то, что поведение индивида, причиняющего преступный вред, и последующее наказание за него (в том числе в широком смысле слова, через систему самонаказания) соответствует всеобщему закону причинности (физической, материальной и нефизической, волновой): взаимодействие осознанного и неосознанного как причина определяет преступное поведение как следствие. Реализованное поведение является причиной преступного вреда как следствия. В свою очередь, в силу причинно-следственных закономерностей вредоносное поведение является причиной и основанием одновременно уголовного наказания как следствия в виде ответственности в узком смысле этого слова. Таким представляется обоснованный подход к вменению преступного вреда, основанному на закономерностях бытия и влиянии осознанного и неосознанного на поведение человека.

Вместо морального осуждения и правовых ограничений, не ориентированных по действующему законодательству на изменение миропонимания у осуждённого, концепция адекватного вменения преступного вреда по своей сути ведёт к этому при помощи несущей в себе криминологически значимой информации о полной и всеобщей ответственности в широком смысле за любое преступное поведение. Смысл каждого поступка или события перестаёт быть случайным и наполняется реальным содержанием.

Нововведение содержит в себе саморегулирующий элемент, или обратную связь, наличие которой необходимо для управления и самоуправления в обществе во избежание разрушения и (или) саморазрушения. Реализация адекватного вменения в теории и практике позволяет упростить законодательство и правоприменительную практику и обеспечить их системность одновременно с упорядочением бытия человека и общества в окружающем мире.

Одновременно создаётся возможность превращения средств государственного принудительного воздействия в эффективный регулятор поведения субъекта, приводящий его к осознанию всеобщих закономерностей бытия как оснований реагирования на поведение субъекта. Восприятие в преступном поведении наличия причинно-следственных связей и влияния на него неосознанного приводит нас к выводу о необходимости внесения соответствующих изменений и дополнений в уголовное законодательство. Так, ст. 19 УК РК «Вина»(ст. 5 УК РФ «Принцип вины») принимает следующую редакцию: «Лицо подлежит уголовной ответственности только за те виновные противоправные действия (бездействие), которые причинили преступный вред или создали реальную угрозу его причинения». Соответственно, ст. 9 УК РК «Понятие преступления» (ст. 14 УК РФ) принимает следующую редакцию: «1. Преступлением признаётся виновное совершение деяния, причинившее преступный вред охраняемым настоящим Кодексом интересам или создавшее реальную угрозу причинения такого вреда». В ч. 2 ст. 9 УК РК (ч. 2 ст. 14 УК РФ) слова «не представляющее общественной опасности» заменяются на слова «не причинившие преступный вред или не создавшее реальной угрозы его причинения». В ч. 1 ст. 52 УК РК (ч. 1 ст. 60 УК РФ) «Общие начала назначения наказания» слово «справедливое» заменяется на слово «адекватное».

И та же закономерность поведения индивида в обществе разрешает проблему оснований уголовной ответственности. Причинённый преступный вред является следствием существующих причин, вытекающих из внешнего и внутреннего взаимодействия индивида, социума и окружающей реальности в целом. В соответствии со всеобщей причинно-следственной связью преступный вред, причинённый обществу, а также факт существования индивида в социуме, становится следующей причиной, определяющей основания и вид уголовно-правового реагирования со стороны общества в лице уполномоченных на то органов в целях сохранения норм и правил совместного проживания в социуме. Соответственно ст. 3 УК РК (ст. 8 УК РФ) «Основания уголовной ответственности» предлагается изложить в следующей редакции: «Основанием уголовной ответственности является причинение преступного вреда охраняемым интересам или создание реальной угрозы его причинения в результате виновного совершения предусмотренного настоящим Кодексом деяния».

Наличие и влияние неосознанного на поведение субъекта приводит к выводу, что такая цель наказания, как исправление, представляется некорректной, поскольку любое внешнее поведение обусловлено, или адекватно внутреннему миру, определяющему соответствующее миропонимание. Утверждать иное — означает доказывать неадекватность поведения, а также возможность случайности, казуса и т. д., что, как минимум, выводит такие примеры из сферы науки и уголовно-правового регулирования. Любое поведение индивида отличается степенью осознания жизненных ситуаций, которые можно и нужно рассматривать в рамках причинно-следственных связей. Поэтому только изменение осознания жизненной ситуации приводит к изменению направленности поведения. Тем более, что социологические исследования показали, что у большинства из числа опрошенных момент осознания своей вины возникает спустя определённое время после совершения деяния. Это объясняется тем, что после деяния в реальности начинают проявляться их последствия, и, соответственно, у лица растёт характер и степень осознания результатов своего «творения». Следовательно, цель наказания — исправление — должна быть заменена на иную цель — осознание закономерностей природы и поведения индивида.

В связи с этим ст. 38 УК РК (ст. 43 УК РФ) принимает следующую редакцию: «1. Наказание есть мера государственного воздействия, назначаемая по приговору суда. Наказание применяется к лицу, признанному виновным в причинении преступного вреда или в создании реальной угрозы его причинения, и заключается в наложении предусмотренных настоящим Кодексом обязательств, а при необходимости, в лишении или ограничении прав и законных интересов такого лица. 2. Наказание применяется в целях осознания осуждённым закономерностей природы, человека и общества, в особен-

ности, неотвратимости ответственности как основания изменения его поведения и предупреждения совершения новых преступлений». В результате уголовная ответственность превращается в отрицательную обратную связь целого по отношению к единичному, отражающую взаимосвязанность и взаимообусловленность внешнего и внутреннего мира человека. Такой подход ведёт к тому, что поведение индивида постепенно становится ориентированным на гармоничные отношения на всех уровнях бытия.

Данная концепция позволяет объяснять возникающие на практике вопросы и проблемы поведения человека, что позволяет предложить её в качестве модельного варианта для вынесения других предложений на законодательном уровне. Взаимосвязанность и обусловленность поведения человека не только меняет подход к основаниям уголовной ответственности и вносит качественные изменения в процесс квалификации преступления, затрагивая общие и частные начала назначения наказания и его исполнения. Полученные выводы позволяют предложить криминологически обоснованную с точки зрения механизма преступного поведения и влияния неосознанного на поведение индивида уголовно-правовую модель реализации концепции адекватного вменения преступного вреда, которая может послужить реальным направлением качественного преобразования и совершенствования уголовного законодательства в дальнейших научных и практических исследованиях.

Преступление продолжает оставаться «переступлением», поскольку его содержание меняется вместе с предлагаемой концепцией. С точки зрения концепции адекватного вменения оно означает, что субъект уголовной ответственности вследствие своего неосознания «переступает» закономерности целостного, единого мира, в связи с чем в силу той же всеобщей связи и обусловленности он должен понести заслуженное им наказание. Такой подход в уголовном праве не только в полной мере признаёт закономерности окружающей действительности и поведения субъекта, но и создаёт основу для реального исправления осуждённого и предупреждения других преступлений, наполняя жизнь субъекта истинным смыслом своей жизни — осознание своего сознания, включая неосознанное.

Последовательное использование диалектического подхода и переход от изменчивых «закономерностей» общественного развития к постоянно существующим закономерностям природы позволили нам подойти к исследованию преступного поведения как целостного явления в окружающей реальности, подчинённого определённым закономерностям. В соответствии с этим основная идея уголовного законодательства должна измениться с законодательного определения меры свободы и ответственности на идею отражения в нём закономерностей поведения индивида и вытекающей отсюда полной и всеобщей ответственности в широком смысле в силу действия физических и нефизических причинно-следственных связей. В результате становится возможным системное исследование внешнего и внутреннего мира человека, осознанного поведения и влияния на него неосознанного. Тем самым мы выходим на содержание юридической функции государства, которое С. А. Капитонов обоснованно усматривает в гарантировании «ответственности средствами познания (тот же информационный подход — *прим. авт.*) и реализации права и гарантирование законного интереса (пользы)[1] средствами познания и реализации государства» [10, с. 105]. При этом, конечно, важно осознавать, что «полезно и не полезно для обмена возможностями человека и пространства, обустроенного в государство» [10, с. 31]. Для раскрытия понятия преступного вреда и целей криминализации, предлагается в качестве пользы рассматривать то, что способствует всестороннему развитию человека и его гармоничному сосуществованию в природе, обществе и государстве. Соответственно, в качестве вреда следует воспринимать то, что препятствует или будет препятствовать такому развитию и состоянию человека.

В связи с признанием неосознанного и влиянием его на поведение субъекта направление принудительного воздействия должно быть переориентировано с карательного аспекта на информационный. Осуждённые должны иметь не только право, но и обязанность заниматься самообразованием, познанием окружающего мира и внутренних причин своего поведения или отношения к внешним событиям их жизни. В свою очередь администрация исправительных учреждений совместно с органами государственной власти и органами местного самоуправления должны создавать для этого необходимые условия для изменения мировоззрения

[1] Законный интерес представляет собой интегральный элемент, определяющим поведение субъекта в любой жизненной ситуации.

и ценностных ориентаций у осуждённых в ходе отбывания ими уголовного наказания или применения иных мер уголовно-правового воздействия.

Для достижения исправления (осознания) основной упор должен делаться на индивидуальное качество информации, способное приблизить миропонимание субъекта к адекватному отражению реальности, в которой всё взаимосвязано и обусловлено. Первым шагом на этом пути должен стать отказ от разделения мира на добро и зло, что означает начало устранения оснований для индивидуального, социального и исторического конфликта, преступного поведения и достижение гармонии внутреннего и внешнего мира индивида в обществе, государстве и мире. Карательные функции уголовного наказания должны постепенно трансформироваться в предупредительные, регулятивные, направленные на улучшение организации социума и ориентирующие субъекта на осознание мироздания как целостного и взаимосвязанного на всех уровнях, составной частичкой которого является человек.

В совокупности вышеуказанные изменения законодательства постепенно превратят осознание полной и всеобщей ответственности в реальный фактор в жизни человека, общества и государства, влияя через взаимодействие осознанного и неосознанного на поведение индивида. Меры уголовной ответственности становятся вынужденной формой реагирования на определённом этапе исторического развития общества до той поры, пока неотвратимость ответственности в широком смысле за любую мысль, слово или деяние не будет осознана индивидом и не войдёт в культуру, обычаи и представления общества, превратившись в обычное мировоззрение человека.

Таким образом, адекватное вменение преступного вреда, являясь системным следствием вредоносного поведения субъекта в окружающей реальности, одновременно превращается в эффективный способ достижения целей наказания. Содержание уголовно-правового регулирования представляет собой совокупность уголовно-правового и иного воздействия на общественные отношения, сущность функций которого образует социальный институт юридической защиты законных прав и интересов людей, а равно их единение в рамках общества в единое целое. В качестве объекта уголовно-правового воздействия должны выступать все сферы и институты, воздействующие или способные оказать воздействие на общественные отношения, влияющие на возникновение, формирование и предупреждение преступного (разрушительного) или саморазрушительного поведения. Важным, но недостаточно учитывающимся в теории, законодательстве и правоприменительной практике является виктимологические аспекты преступных посягательств, несмотря на то, что преступление всегда есть по существу конфликт интересов участвующих в нём сторон. Ориентация теории, законодателя и правоприменителя на единые закономерности развития природы, человека и общества способна привести к пониманию конфликтующих сторон.

С позиции сделанных в работе выводов преступление в первую очередь следует рассматривать как информацию о сбоях в системе формирования единого целого на уровня индивида и общества, которые ведут к разрушению общества и саморазрушению его составных частей, включая субъекта, и причиняет преступный вред, или создаёт реальную угрозу его причинения. Состав преступления остаётся традиционным, состоящий из объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны. Под правоотношением с диалектической точки зрения понимается форма взаимодействия целого и составных частей в процессе их деятельности на основании соотношения с установленными в нормах правилами поведения. Однако последние следует ориентировать в первую очередь на закономерности природы и поведения индивида, а затем уж можно учитывать закономерности общественного развития.

Уголовная ответственность превращается в социально-юридический институт, функции которого заключаются в реализации отрицательной обратной связи на основе физических и нефизических причинно-следственных связей по отношению к субъектам преступлений в форме предусмотренных законодательством наказаний. Соответственно последнее обоснованно представляет собой следствие отрицательной обратной связи целого (общества) по отношению к своим составным частям (субъектам преступлений), направленной на корректировку связей целого и единичного или конкретного. Тем самым функции наказания принимают преимущественно регулятивный, предупредительный характер. Задачи уголовного законодательства сводятся к созданию устойчивых социальных связей, направленных на гармоничное развитие личности и общества в целом,

на взаимодействие частей в рамках единого. К такой ориентации законодательства стремился А. Амон, Ч. Беккариа, Ф. Лист, выражал надежду Н. С. Таганцев и другие видные учёные. Всё сказанное в совокупности приводит человека к осознанию полной и всеобщей ответственности в широком и узком смыслах этого слова, что в теории уголовного права обоснованно со времён классической школы уголовного права наиболее надёжным средством для предупреждения преступлений.

Литература

1. Адыгезалова, Г. Э. Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка / Г. Э. Адыгезалова. — СПб., 2012.
2. Алексеев, А. И. Российская уголовная политика: преодоление кризиса / А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло. — М. : Норма, 2006.
3. Бабий, Н. Принципы построения уголовного закона и квалификация преступлений / Н. Бабий // Уголовное право. — 2006 — № 2.
4. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Ч. Беккариа. — М., 1995.
5. Голик, Ю. В. Уголовное право в период становления политики устойчивого развития : аналитический доклад / Ю. В. Голик. — М., 2011.
6. Жалинский, А. Э. Обновление криминологии / А. Э. Жалинский // Российский криминологический взгляд. — 2011. — № 2.
7. Жалинский, А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский. — М. : Проспект, 2009.
8. Жариков, Ю. С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации / Ю. С. Жариков. — М., 2009.
9. Жинкин, С. А. Психологические проблемы эффективности права / С. А. Жинкин. — СПб., 2009.
10. Капитонов, С. А. Юридический парадокс государства / С. А. Капитонов. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2012. — 317 с.
11. Кондрашин, И. И. Истины бытия в зерцале сознания / И. И. Кондрашин. — М., 2001.
12. Кругликов, Л. Л. Проблемы теории уголовного права: избранные статьи. 1982—1999 гг. / Л. Л. Кругликов. — Ярославль, 1999. — 200 с.
13. Мацкевич, И. М. Современная криминология: преодоление кризиса / И. М. Мацкевич // Российский криминологический взгляд. — 2011. — № 2.
14. Музрукова, Т. Г. Краткий словарь иностранных слов / Т. Г. Музрукова, И. В. Нечаева. — М, 1995.
15. Петин, И. А. Информационно-диалектические основания уголовно-правового регулирования / И. А. Петин. — М., 2014. — 424 с.
16. Самовичев, Е. Г. О некоторых проблемных вопросах преподавания общей части курса «Криминология» / Е. Г. Самовичев // Российский криминологический взгляд. — 2011. — № 2. — С. 178—185.
17. Соктоев, З. Б. Причинность в уголовном праве : автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / З. Б. Соктоев. — М., 2014. — 39 с.
18. Тер-Акопов, А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве / А. А. Тер-Акопов. — М., 2003. — 480 с.
19. Философия уголовного права. — СПб., 2004. — 348 с.
20. Шевелёва, С. В. Свобода воли и принуждения в уголовном праве : дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / С. В. Шевелёва. — Курск, 2015. — 403 с.

References

1. Adygezalova G. Je. Sociologicheskaja jurisprudencija SShA v HH veke: formirovanie doktriny, razvitie i sovershenstvovanie pravoporjadka. — SPb., 2012.
2. Alekseev A. I. Rossijskaja ugolovnaja politika: preodolenie krizisa / A. I. Alekseev, V. S. Ovchinskij, Je. F. Pobegajlo. — M. : Norma, 2006.
3. Babij N. Principy postroenija ugolovnogo zakona i kvalifikacija prestuplenij // Ugolovnoe pravo. — 2006 — № 2.
4. Bekkaria Ch. O prestuplenijah i nakazanijah. — M., 1995.
5. Golik Ju. V. Ugolovnoe pravo v period stanovlenija politiki ustojchivogo razvitija : analiticheskij doklad. — M., 2011.
6. Zhalinskij A. Je. Obnovlenie kriminologii // Rossijskij kriminologicheskij vzgljad. — 2011. — № 2.
7. Zhalinskij A. Je. Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyj analiz. — M. : Prospekt, 2009.
8. Zharikov Ju. S. Ugolovno-pravovoe regulirovanie i mehanizm ego realizacii. — M., 2009.
9. Zhinkin S. A. Psihologicheskie problemy jeffektivnosti prava. — SPb., 2009.
10. Kapitonov S. A. Juridicheskij paradoks gosudarstva. — SPb. : Juridicheskij centr-Press, 2012. — 317 s.

11. Kondrashin I. I. Istiny bytija v zercale soznanija. — M., 2001.
12. Kruglikov L. L. Problemy teorii ugolovnogo prava: izbrannye stat'i. 1982—1999 gg.. — Jaroslavl', 1999. — 200 s.
13. Mackevich I. M. Sovremennaja kriminologija: preodolenie krizisa // Rossijskij kriminologicheskij vzgljad. — 2011. — № 2.
14. Muzrukova T. G. Kratkij slovar' inostrannyh slov / T. G. Muzrukova, I. V. Nechaeva. — M, 1995.
15. Petin I. A. Informacionno-dialekticheskie osnovanija ugolovno-pravovogo regulirovanija. — M., 2014. — 424 s.
16. Samovichev E. G. O nekotoryh problemnyh voprosah prepodavanija obshhej chasti kursa «Kriminologija» // Rossijskij kriminologicheskij vzgljad. — 2011. — № 2. — S. 178—185.
17. Soktoev Z. B. Prichinnost' v ugolovnom prave : avtoref. dis. ... dokt. jurid. nauk: 12.00.08. — M., 2014. — 39 s.
18. Ter-Akopov A. A. Prestuplenie i problemy nefizicheskoj prichinnosti v ugolovnom prave. — M., 2003. — 480 s.
19. Filosofija ugolovnogo prava. — SPb., 2004. — 348 s.
20. Sheveljova S. V. Svoboda voli i prinuzhdenija v ugolovnom prave : dis. ... dokt. jurid. nauk: 12.00.08. — Kursk, 2015. — 403 s.

МИЗАНБАЕВ Аман Елеусизович, профессор кафедры права ФГБОУ ВО «ЧелГУ», доктор юридических наук. 110006, г. Костанай, ул. Бородина, 168 «а». E-mail: elnik-aman@inbox.ru

ПЕТИН Игорь Анатольевич, доцент кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный аграрный университет», кандидат юридических наук, доцент, 460014, г.Оренбург, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, д. 18. E-mail: shtab56@mail.ru

MIZANBAEV Aman, professor of department of the law of the Chelyabinsk State University, doctor of Law Sciences. 110006, Kostanay, Borodin Street, 168 «a». E-mail: elnik-aman@inbox.ru

PETIN Igor, associate professor of department of the criminal law Orenburg state agricultural universit", candidate of Law Sciences, associate professor, 460014, Orenburg, Chelyuskintsev Street, 18. E-mail: shtab56@mail.ru

ПП № 2(66)-2018. с. 130—137

УДК 343.122

В. М. Шакун

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО (РЕСТИТУЦИЯ) В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

V. M. Shakun

RESTORATION OF THE VICTIM'S SITUATION (RESTITUTION) IN CRIMINAL PROCEEDINGS

В данной статье рассматривается вопрос ответственности государства в уголовном судопроизводстве в контексте его обязанности восстанавливать нарушенные права потерпевшего в полном объеме. Существующее в республике Казахстан законодательство, в частности действующий Уголовно-процессуальный кодекс, не разрешает в полной мере данный вопрос, и более того, не рассматривает его как приоритетный по установленным в нем задачам уголовного процесса. Представляется, что эта позиция заслуживает обсуждения, а существующей положение кардинального изменения. В уголовном процессе должен действовать принцип полного возмещения вреда потерпевшему от уголовного правонарушения — при отсутствии такого возмещения виновным, а также при его не установлении. Принятие отдельного закона о компенсации вреда потерпевшим, который рассматривается в статье, также не разрешает затрагиваемую проблем у в полном объеме. В статье предлагается изменить подход к определению и возмещению вреда, причиняемого уголовным правонарушением потерпевшему, его учету, в том числе и в разрезе определения цены преступления и преступности в целом. В том числе и с использованием современных технологическим возможностей по собиранию, учету и обработки необходимой информации.

Ключевые слова: *уголовный процесс, преступление, вред, права потерпевшего, реституция.*

The article deals with the issue of state responsibility in criminal proceedings in the context of its duty to restore the violated rights of the victim in full. The existing legislation in the Republic of Kazakhstan, in particular the current code of Criminal procedure, does not fully resolve this issue, and moreover, does not consider it a priority for the tasks of criminal proceedings established therein. This position seems to merit discussion, and the current situation seems to merit a fundamental change. The principle of full reparation for the injury suffered by the victim of a criminal offence, in the absence of such reparation, as well as in its absence, must be applied in criminal proceedings. The adoption of a separate law on compensation for harm to victims, which is dealt with in the article, also does not resolve the affected problems in full. The article proposes to change the approach to the definition and compensation of damage caused by a criminal offence to the victim, its accounting, including in the context of determining the price of crime and crime in General. Including the use of modern technological capabilities to collect, record and process the necessary information.

Keywords: *criminal process, crime, harm, victim's rights, restitution.*

В соответствии с Концепцией правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года в государстве последовательно проводится обновление основных отраслей национального законодательства, в том числе и уголовно-процессуального.

4 июля 2014 года принят новый Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, который введен в действие с 1 января 2015 года и пришел на смену ранее действовавшему с 1 января 1998 года Уголовно-процессуальному кодексу РК.

В качестве задач уголовного процесса статья 8 ранее действовавшего кодекса предусматривала: 1) быстрое и полное раскрытие преступлений; 2) изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших; 3) справедливое судебное разбирательство и правильное применение уголовного закона.

Новый процессуальный кодекс также в статье 8 расширил круг задач уголовного процесса, закрепив следующие задачи: 1) пресечение, беспристрастное, быстрое и полное раскрытие, расследование уголовных правонарушений; 2) изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших; 3) справедливое судебное разбирательство и правильное применение уголовного закона; 4) защита лиц, общества и государства от уголовных правонарушений.

Как следует из приведенного законодательного регулирования поднимаемого в настоящем докладе вопроса, задача восстановления нарушенных прав и законных интересов потерпевшего в основных положениях процессуального кодекса, регламентирующих задачи уголовного судопроизводства, непосредственного закрепления не имеет.

При расширительном толковании закрепленной в новом кодексе задачи «защита лиц, общества и государства» можно предполагать в её содержании и восстановление (реституцию) прав потерпевшего, но в любом случае это не первая и даже не вторая задача действующего уголовного судопроизводства.

Несомненным достижением в совершенствовании законодательства по восстановлению прав потерпевшего является ст. 173 действующего Уголовно-процессуального кодекса РК, закрепившая положения о Фонде компенсации вреда потерпевшим.

Однако её положения регламентируют только общие вопросы права потерпевших «безотлагательно получить полностью либо частично государственную денежную компенсацию из этого фонда». В части случаев, порядка, размерах и сроках выплаты компенсации потерпевшим, она отсылает к «законодательному акту о фонде компенсации вреда потерпевшим».

Проект такого акта — «О Фонде компенсации вреда потерпевшим» был разработан 4 мая 2016 года и представлен на рассмотрение в Парламент Республики Казахстан. По Заключению Комитета по законодательству и судебно правой реформы Мажилиса Парламента Республики Казахстан от 12 октября 2016 года он был одобрен (в первом чтении).

10 января 2018 года принят Закон Республики Казахстан «О Фонде компенсации потерпевшим». При этом следует отметить, что его отдельные положения, регламентирующие именно реальную компенсацию потерпевшим, вводятся в действие только с 1 июля 2020 года.

Представляется, что необходимо было законодательно регламентировать этот вопрос в отдельной главе самого уголовно-процессуального кодекса, не ограничиваясь бланкетной по существу ст. 173 УПК РК.

Например, по аналогии с Главой 4 УПК РК, регламентирующей реабилитацию, возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органа ведущего уголовный процесс лицу, незаконно привлеченному к уголовной ответственности.

При достаточно редком применении реабилитации законодатель правильно уделил ей надлежащее внимание. В то же время причинение вреда потерпевшему является системной реальностью при совершении уголовных правонарушений и, тем более, нуждается в таком внимании.

Нельзя не обращать внимание на то, что реабилитация лиц, незаконно привлеченных к уголовной ответственности, охватывает очень незначительный круг лиц, в частности, из числа участников процесса.

Даже не затрагивая латентную преступность, размеры которой относительно определены, следует признавать очевидное — количество потерпевших как участников (субъектов) уголовного процесса, значительно больше, чем подозреваемых, обвиняемых, подсудимых и осужденных.

Для этого достаточно посмотреть далеко не стопроцентную статистику раскрываемости преступлений, особенно против собственности, составляющих более 50 % всех преступлений. По всем

нераскрытым преступлениям потерпевший остается один на один с причиненным ему вредом (ущербом). В уголовно-процессуальном кодексе нет никаких обязательств органов уголовного преследования (государства) перед потерпевшими по нераскрытым преступлениям.

Таким образом, реальным способом восстановления — реституции, прав потерпевшего на сегодняшний день является закрепленное в уголовно-процессуальном кодексе республики только его право на гражданский иск.

Следует признать, что реальность возмещения материального ущерба и морального вреда потерпевшему прямо и непосредственно зависит от материального положения виновного лица и зачастую возмещение или не происходит вообще, или происходит в неполном объеме.

Таким образом, по действующему законодательству можно говорить о том, что реституция в большей степени формально декларирована, чем реально обеспечена действенными правовыми механизмами и какими-либо материальными средствами со стороны государства.

Нельзя не отметить, что по действующему уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан, безусловно, доминирует публичная форма уголовного преследования.

Из 368 составов уголовных правонарушений, предусмотренных особенной частью Уголовного кодекса РК, только по 14 статьям предусмотрена частная форма и по 39 статьям — частно-публичная форма уголовного преследования, производство по которым начинается не иначе, как по жалобе потерпевшего.

Следовательно, в выборе уголовно-правовой формы защиты интересов потерпевшего превалирует публичный, а не частный интерес.

Это объяснимо наличием у государства правоохранительной (правозащитной) функции и обязанности её выполнять надлежащим образом.

Однако сам факт совершения уголовного правонарушения в отношении потерпевшего (даже при наличии виктимности в его поведении) свидетельствует о неисполнении или о не надлежащем исполнении государством указанной функции.

В то же время государство не принимает на себя обязанности по реституции как меры его ответственности (при несомненном праве регресса к виновному лицу при его установлении). Это остается только мерой ответственности указанного лица, а при его отсутствии, никто такой обязанности в рамках уголовного судопроизводства не несет.

Включение в Уголовный кодекс РК, который также является новым и введен в действие с 1 января 2015 года такого, запрещенного уголовным законом, деяния как уголовный проступок объективно и логично могло повлечь существенное расширение частной и частно-публичной формы уголовного преследования, однако этого не произошло.

Исследование этого же вопроса по законодательству Российской Федерации, в сравнении с законодательством Республики Казахстан, показывает следующее.

По основным положения Уголовно-процессуального кодекса РФ, закрепленным в Разделе 1, он выгодно отличается. В ст. 6 — «Назначение уголовного судопроизводства», в качестве первой задачи указана «защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений» и только в качестве второго назначения указано на «защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод».

Представляется, что это правильное определение приоритетов в определении назначений уголовного судопроизводства — в отличие от Казахстана.

В тоже время, в отличие от Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, в процессуальном законе России отсутствует положения, подобные ст. 173 УПК РК, регламентирующей создание Фонда компенсации вреда потерпевшим.

Как результат в кодексе отсутствует конкретный правовой институт реституции прав потерпевшего как при установлении виновного лица в причинении ему вреда (ущерба), так и при не установлении его.

Реальным способом защиты и восстановления нарушенных прав для потерпевшего является все тот же институт гражданского иска в уголовном процессе — аналогичный казахстанскому институту и при тех же указанных выше его недостатках и неполноте.

При этом нельзя не отметить изменения в процессуальном законодательстве России в сторону не развития и расширения реституции, а в сторону её сужения. В этом отношении действующий УПК РФ (принят 18 декабря 2001 года) — шаг назад по сравнению с действовавшим ранее УПК РСФСР, согласно которому формами возмещения ущерба, причиненного преступлением могли являться гражданский

иск (ч. 1 ст. 29 УПК РСФСР), возмещение вреда по инициативе суда (ч. 4 ст. 29 УПК РСФСР) и уголовно-процессуальная реституция (ст. 83—86 УПК РСФСР).

Действующее бюджетное законодательство Российской федерации также не отвечает требованиям полной реституции прав потерпевшего.

Как следствие существующего положения потерпевшего в уголовном процессе при причинении потерпевшим в 2015 году ущерба на общую сумму 11,2 млрд рублей, а в 2016 году уже на 17,5 млрд рублей — это только установленного по приговорам судов, реально возмещается только треть этого ущерба.

При существующих сведениях о том, что в среднем каждый десятый житель России становится потерпевшим от различных преступлений, согласно опросам общественного мнения, около 60 % их них не обращаются за уголовно-правовой защитой своих нарушенных прав, что свидетельствует о неверии в реальную реституцию.

Вопросы реституции прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве имеют место не только в законодательстве России и Казахстана.

Различным образом они разрешаются в правовых системах других государств и проходят различные этапы развития.

Так, Соединенные Штаты Америки типизировали именно законодательный подход к изменению правового статуса потерпевших (жертв). При этом развитие законодательства в рассматриваемой сфере началось на региональном, а не на федеральном уровне.

Первый в США Билль о правах жертв преступлений был принят в 1980 году. В последующем до настоящего времени вся система правового регулирования статуса жертв и методов обращения с ними строится на принципах согласованности федерального законодательства и законодательства штатов, причем без каких — либо практически значимых коллизий. В системе ныне действующих законов следует выделить, в первую очередь, Федеральный закон 1982 года о защите жертв и свидетелей, который предусматривал их права на защиту и помощь.

Закон 1982 года и сегодня является главной нормативной основой, определяющей, в первую очередь, правовые стандарты обращения со свидетелями и жертвами преступлений для органов юстиции США всех уровней.

Вскоре появился новый федеральный закон — Билль о правах жертв 1984 года где целевым объектом правового регулирования является вся система социальной защиты жертв преступлений. В нем подтверждены основные принципы обращения с жертвами но главное, внесены крупные организационные изменения в деятельность всей системы социальной поддержки жертв, перестроившем её структурно и, конечно определившем порядок её финансирования.

В отношении США необходимо отметить, что они не уступали своего лидерства в международном движении в поддержку жертв преступлений на протяжении длительного времени. В 1990 году Конгресс США в принял новый Федеральный закон — Билль о правах жертв, где упор сделан уже на возмещении ущерба в порядке реституции. Характерно в этом отношении и название самого закона 1990 года — О правах жертв преступлений и реституции.

Согласно этому, закону жертва преступления в числе множества прав, имеет право на возмещение ущерба виновным право на реституцию).

Не вдаваясь в детали исследования вопроса реституции (возмещения вреда) потерпевшим по законодательству ряда Европейских государств — Великобритании, Франции, Германии, следует выделить главное — в этих правовых системах, также как и в Республике Казахстан, который только подошел к разрешению этого вопроса, нет законодательного закрепления принципа полного возмещения государством вреда (ущерба) потерпевшему от уголовного правонарушения в уголовном судопроизводстве.

Несомненно, принятие и последующая реализация Закона РК «О Фонде компенсации потерпевшим» влечет увеличение расходной части бюджета государства. Даже при той компенсации по лицам, категориям преступлений и размерам в месячных расчетных показателях, которая закладывалась еще в проекте закона и которая далека от полного возмещения вреда потерпевшим, по предварительному расчету в 2015 году она составляла сумму порядка 1,2 млрд тенге.

Объективно возникает вопрос о том, что все-таки является определяющим в обеспечении конституционного права человека и гражданина на защиту его прав, в том числе и имущественных.

На данный момент, по действующему уголовно-процессуальному законодательству, получается, что оно ограничено финансовыми (экономическими) возможностями или интересами государства.

Государство не принимает на себя обязанность полностью возмещать гражда-

нину причиненный ему как потерпевшему вред уголовным правонарушением.

В тоже врем, согласно Конституции РК, в частности п. 1 ст. 66 «Правительство Республики Казахстан: 1) разрабатывает основные направления социально-экономической политики государства, его обороноспособности, безопасности, **обеспечения общественного порядка и организует их осуществление.**

Безусловно, правоохранительная или правозащитная функция как одна из внутренних функций государства присуща правовому государству.

Как следствие этого, Конституционный закон Республики Казахстан от 18 декабря 1995 года «О Правительстве Республики Казахстан» в ст. 9 «Компетенция правительства Республики» в п. 14 прямо закрепляет следующее «обеспечивает реализацию правовой политики; **разрабатывает и реализует меры по охране и защите прав и свобод граждан,** обеспечению законности и правопорядка, безопасности и обороноспособности Республики, территориальной целостности и охраны государственных границ Республики».

Не затрагивая вопросов необходимости расширения прав и гарантий потерпевшего в уголовном судопроизводстве, которые не урегулированы в полной мере и в последнее время явно отодвинуты на второй плане на фоне продолжающихся изменений уголовно-процессуального кодекса по вопросам расширения прав и гарантий подозреваемых, обвиняемых, судебного контроля на досудебной стадии, но не по проблемам потерпевших, следует отметить, что вопрос возмещения вреда (реституция) потерпевшему требует дальнейшего разрешения.

Нельзя ограничиться и остановиться только на такой форме защиты прав потерпевших как «компенсация потерпевшим» в том виде, в котором она предложена в настоящее время. Она недостаточна с точки зрения полной защиты интересов потерпевших от ущерба (вреда), причинного им уголовным правонарушением — как при наличии установленных виновных лиц в предусмотренном законом порядке в уголовном судопроизводстве, и особенно, при не установлении таких лиц.

Вопрос возмещения вреда (реституции) потерпевшим, хотя он давно не новый, поднимается в данной статье по той причине, что с принятием в результате долгого и непростого обсуждения — с 2015 года, Закона Республики Казахстан от 10 января 2018 «О Фонде компенсации потерпевшим», сам этот важный с социальной и правовой точки зрения вопрос, будет надолго отодвинут как разрешенный.

Однако, учитывая его содержание, условия и размеры компенсации, которые в нем заложены, он как раз не решает указанную проблему, а только её вуалирует.

Более того, возвращаясь к началу статьи, следует еще раз отметить, что вопрос возмещения вреда потерпевшим, не подменяя его компенсацией, должен на законодательном уровне, разрешаться и закрепляться в отдельной главе уголовно-процессуального кодекса.

Сам факт совершения уголовного правонарушения и причинения им потерпевшему физического, имущественного, морального вреда, свидетельствует о невыполнении или ненадлежащим выполнении государством своей правоохранительной (правозащитной) функции, о не обеспечении охраны прав и интересов граждан, а также законных интересов юридических лиц.

Государство должно нести обязанность по возмещению вреда потерпевшим от уголовных правонарушений независимо от установления или не установления виновных в их совершении лиц, тем более по доминирующей публичной форме уголовного преследования.

Причиненный уголовными правонарушениями вред (ущерб) должен объективно устанавливаться по каждому делу об уголовном правонарушении.

Объективно необходимо устанавливать этот ущерб в целом по всей совокупности уголовных правонарушений в государстве. Эта цифра должна быть известна обществу, чтобы реально знать размеры вреда, причиняемого преступностью как асоциальным явлением. Это будет только способствовать мобилизации сил и средств общества для борьбы с ней.

Еще в 2015 году частным учреждением «Академия Болашак» проведено фундаментальное исследование и по его результатам составлен Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Преступление и преступность: криминологические и экономико-правовые аспекты цены» (руководитель темы доктор юридических наук, профессор Б. М. Нургалиев).

В ней обоснованно указано на то, что «знание реальных объемов потерь от преступности позволит более взвешенно планировать доходы и расходы бюджета с учетом разрабатываемых государством мер».

При этом правильно в работе отмечено, что оценка ущерба от преступности

необходима не только с правовой точки зрения. Важно понять, что каждое преступление имеет свою «цену», причем не только для потерпевших, но и для более широкого круга лиц, а в некоторых случаях — для всех граждан страны.

Нельзя не согласиться и с указанием на то, что цена преступности — не простое понятие, в нем сосредоточены экономические, политические, социальные, психологические и идеологические факторы.

В контексте темы настоящей статьи представляются обоснованными выводы авторов проведенного исследования о том, что изучение научной литературы позволило им определить особенности и концептуально сформулировать общие подходы к определению стоимости преступности. Общими являются элементы, по которым определяется цена преступности. К ним относятся: **расходы потерпевшего, расходы правоохранительных органов, расходы преступника, нематериальный ущерб.**

В частности, представляется интересным определение расходов потерпевшего: **это имущественный вред, нанесенный потерпевшему от преступления, в том числе медицинские расходы, утраченный заработок, а также потеря или повреждение движимого и недвижимого имущества.**

Таким образом, используя вышеперечисленные элементы, можно произвести расчет стоимости отдельных преступлений. Проведение подобных расчетов имеет социальную значимость и в перспективе предоставляет возможность оценить экономическую эффективность политики государства в борьбе с преступностью.

В Казахстане исследование проблем стоимости преступности и причиняемого ею вреда потерпевшим от уголовных правонарушений как одной из её составляющих, является относительно новым направлением.

Принимая во внимание вызовы настоящего времени и проводимую в государстве политику в соответствии с посланием Президента Республики Казахстан «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» от 31.01 2017 года, Постановлением Правительства Республики Казахстан № 827 от 12.12.2017 года, принята государственная программа «Цифровой Казахстан».

В рамках реализации поставленных в ней задач, в частности: Задачи 6 — Государство — гражданам и Задачи 8 — Цифровизация внутренней деятельности государственных органов, возможно и необходимо поднять исследуемую проблему восстановления прав и возмещения вреда потерпевшим как составляющей цены преступности на более высокий и соответствующий запросам сегодняшнего дня уровень. Разрешаться она может на базе различных методологических концепций, которые могут потребовать отдельной разработки — для успешного решения проблемы нужно, прежде всего, точно и реально её установить и обозначить.

Тезис о том, что государство может и должно полностью восстанавливать в уголовном судопроизводстве нарушенные преступлением права потерпевшего и возмещать причиненный ему вред (ущерб), при условии не обеспечения этого виновным в преступлении лицом или его не установлении, требует дальнейшего всестороннего и глубокого обсуждения и, главное, как результат, разрешения и законодательного закрепления в уголовно-процессуальном кодексе.

Литература

1. Авдеев, А. А. Государство не обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба / А. А. Авдеев // Российский следователь. — 2016. — № 3. — С. 55—58.
2. Баев, А. К. Возмещение вреда, причиненного преступлением: проблема потерпевших или обязанность государства / А. К. Баев // Российская юстиция. — 2011. — № 8. — С. 65—69.
3. Гобеев, А. С. Как потерпевшему возместить вред от уголовного преступления? / А. С. Гобеев // Законность. — 2014. — № 1. — С. 33—35.
4. Государственная программа «Цифровой Казахстан» : постановление Правительства Республики Казахстан № 827 12.12.2017. — URL: adilet.zan.kz
5. Калиновский, К. Б. Статус потерпевшего в законодательстве зарубежных стран / К. Б. Калиновский. — СПб. : Питер, 2013. — 653 с.
6. Конституция Республики Казахстан, принятая на республиканском референдуме 30 августа 1995 года // Конституция Республики Казахстан — Алматы : Норма-К, 2010. — 27 с.
7. Концепция правовой политики на период с 2010 до 2020 года : Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858.

8. Преступление и преступность. Криминологические и экономико-правовые аспекты цены : отчет о науч.-исслед. работе. — 206 с. (285 источников, 14 приложений).
9. Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность : Послание Президента Республики Казахстан 31.01.2017. — URL: adilet.zan.kz.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, утвержден 13 декабря 1997 года № 206-1. — Алматы ; Юрист, 2012. — 308 с.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан № 231-V ЗРК, подписан 4 июля 2014 года. — Алматы : Норма, 2014. — 368 с.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ, в редакции от 17.03.2017 г. // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. Ч. I. — Ст. 4921; 2017. — № 11. — Ст. 1542.
13. Устинов, К. А. Вопросы возмещения морального вреда потерпевшему / К. А. Устинов // Российский следователь. — 2016. — № 1. — С. 39—44.
14. Чарыкин, К. А. Возмещение морального вреда потерпевшему в уголовном судопроизводстве / К. А. Чарыкин // Проблемные ситуации применения уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : материалы науч.-практ. конф.. — Саранск, 2017. — С. 46—64.
15. Эрделевская, Е. М. Проблемы компенсации морального вреда в зарубежном и российском законодательстве и судебной практике / Е. М. Эрделевская // Государство и право. — 2015. — № 10. —С. 21—26.
16. Ярошенко, А. А. Обязанности государства перед потерпевшим от преступления: теория и практика / А. А. Ярошенко // Законность. — 2016. — № 1. — С. 24—31.

References

1. Avdeev, AA the State does not provide victims with access to justice and compensation for damage [Text] / AA Avdeev // Russian investigator. -2016.- No. 3. - P. 55-58.
2. Baev, AK Compensation for damage caused by the crime: the problem of the victims or the duty of the state [Text] / AK Baev / / Russian justice. -2011.- No. 8.- P. 65-69.
3. Gobeev, As the victim to compensate for the harm of a criminal offense? [Text] / A. S. Gobeev / / Legality.- 2014.- No. 1.- P. 33-35.
4. State program «Digital Kazakhstan» Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan № 827 12.12.2017. adilet.zan.kz
5. Kalinovsky, K. B. the status of the victim in the legislation of foreign countries [Text] / K. B. Kalinovsky. SPb.:, Peter, 2013. — 653c.
6. Constitution of the Republic of Kazakhstan, adopted at the Republican referendum on August 30, 1995 / / Constitution of the Republic of Kazakhstan [Text] — Almaty, Norm-K, 2010.-27 C.
7. The concept of legal policy for the period from 2010 to 2020. The decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated 24 August 2009 No. 858.
8. Report on research work on the topic: Crime and crime. Criminological and economic and legal aspects of the price. (report 206 p., 285 sources, 14 annexes).
9. Address by the President of the Republic of Kazakhstan «Third modernization of Kazakhstan: global competitiveness» 31.01.2017. adilet.zan.kz.
10. Code of criminal procedure of the Republic of Kazakhstan, approved on 13 December 1997, No. 206-1. — Almaty; Lawyer, 2012. — 308 p.
11. Criminal procedure code of the Republic of Kazakhstan No. 231-V of the SAM, signed on 4 July 2014. — Almaty: Publishing House Norma, 2014. -368 p.
12. The code of criminal procedure of the Russian Federation [Text]: the Federal law of 18.12.2001 N 174-FZ, as amended on 17.03.2017 // Collection of legislation of the Russian Federation. — 2001. — No. 52 (part I). — St.4921; 2017. — No. 11. — St.1542.
13. Ustinov, K. A. questions of compensation of moral harm to the victim [Text] / K. A. Ustinov / / Russian investigator. — 2016. — No. 1. — P. 39-44.
14. Sharykin, K. A. moral damages to the victim in criminal proceedings [Text] / K. A. Chaykin // Problem situation application of the criminal procedure code of the Russian Federation / Materials of scientific-practical conference. — Saransk, 2017. — Pp. 46-64.
15. Erdelevsky, E. M. Problems of compensation for moral harm in Russian and foreign legislation and judicial practice [Text] / E. M. Erdelevsky // State and law. — 2015. — No. 10. Pp. 21 —26.
16. Yaroshenko A. A. duties of the state To the victim of a crime: theory and practice [Text] / A. Yaroshenko // Legality. — 2016.- No. 1.- P. 24-31.

Шакун Владимир Михайлович, профессор кафедры права Костанайского филиала ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», кандидат юридических наук. 110006, Республика Казахстан, г. Костанай, ул. А.Бородина, 168 А. E-mail: vlshakun@yandex.ru

Shakun Vladimir, professor, Department of law, Kostanay branch of Chelyabinsk state University, candidate of legal Sciences. 110006, Republic of Kazakhstan, Kostanay, St. A. Borodin, 168 A. E-mail: vlshakun@yandex.ru.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПРОБЛЕМЫ ПРАВА»

Объем статьи не должен превышать 40 тыс. знаков, включая пробелы, и не может быть меньше 5 страниц. Статья набирается в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.rtf шрифтом Times New Roman, размером 14 пунктов, в полуторном интервале. Отступ красной строки: в тексте — 10 мм, в затекстовых примечаниях (концевых сносках) отступы и выступы строк не ставятся. Точное количество знаков можно определить через меню текстового редактора Microsoft Word (Сервис — Статистика — Учитывать все сноски).

Параметры документа: верхнее и нижнее поле — 20 мм, правое — 15 мм, левое — 30 мм.

В начале статьи помещаются: инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация на русском языке объемом не менее 700 знаков или 10 строк, ниже отдельной строкой — ключевые слова. Ключевые слова приводятся в именительном падеже в количестве до десяти слов. Инициалы и фамилия автора (авторов) дублируются транслитерацией, название статьи должно быть переведено на английский язык.

В конце статьи перед данными об авторе должна быть надпись «Статья публикуется впервые», ставится дата и авторучкой подпись автора (авторов). При пересылке статьи электронной почтой подпись автора сканируется в черно-белом режиме, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в документ ниже затекстовых сносок.

Обязательно для заполнения: в конце статьи (в одном файле) на русском языке помещаются сведения об авторе (авторах) — полностью имя, отчество, фамилия, затем ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз (или организация, в которой работает автор); рабочий адрес вуза или организации (полные — включая название, город и страну — адресные сведения вместе с почтовым индексом, указывать правильное полное название организации, желательно — его официально принятый английский вариант), электронный адрес и контактные телефоны.

Библиографические ссылки

При подготовке рукописи автору рекомендуется использовать ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» (Полный текст ГОСТ Р размещен на официальном сайте Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии).

В редакцию журнала статья передается качественно по электронной почте одним файлом (название файла — фамилия автора). Тема электронного письма: Проблемы права.

Отправляемая статья должна быть вычитана автором; устранены все грамматические, пунктуационные, синтаксические ошибки, неточности; выверены все юридические и научные термины. За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы) статьи.

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

REQUIREMENTS TO THE ARTICLES TO BE PUBLISHED IN MAGAZINE "PROBLEMS OF LAW"

The article should not exceed 40 000 characters including whitespaces and may not be less than 5 pages. The article should be composed in Microsoft Word in *.rtf format using Times New Roman font, size 14, 1.5 line spacing. Indents: 10 mm (in text), no indents and hanging indents in endnotes. To calculate the characters, use Microsoft Word menu (Tools — Statistics — Include footnotes and endnotes).

Document parameters: 20 mm top margin and bottom margin, 15 mm right margin, 30 mm left margin.

Please state the following in the beginning of the article: initials and last name of the author (authors), the title of the article, annotation in Russian (not less than 700 characters or 10 lines), and the keywords on the next line. The number of keywords should not exceed 10. The initials and the last name of the author (authors) should also be transliterated. The title of the article should be translated into English.

Please include the phrase "The article is published for the first time", date and signature of the author (authors) in the end of the article. If you send the article via email, please scan the signature in black and white mode, save it in *.tiff or *.jpg and insert it into the document after the endnotes.

Required information: Information about the author (authors) in Russian at the end of the article (in the same file) — first name, patronymic, last name, academic degree, academic rank, post, department, university (or organization where the author is employed); address of the university or the organization (full address, including city and country, postcode/ ZIP code, full name of the organization including its official English version), email, and phone.

References

Please use GOST P 7.0.5-2008 «System of standards on information, librarianship and publishing». Reference. General requirements and compilation rules" (Full text of ГОСТ Р see at the Federal Agency on Technical Regulation and Metrology official web page).

Please submit the article via email in a single file (file should be named by the author's last name). Subject of the email: "Problems of Law".

The article should be proofread by the author. Please remove all grammar, punctuation and syntax errors and inaccuracies; re-check all legal and scientific terms. The responsibility for the scientific and factual errors is taken by the author (authors) of the article.

The articles submitted to the editors office will not be returned.

Материалы к публикации отправлять по адресу: E-mail: **urvest@mail.ru**
в редакцию журнала «Проблемы права»
или по почте по адресу:
Россия, 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76,
Издательский центр.

Издатель: ООО «Южно-Уральский юридический вестник»
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76. Издательский центр ЮУрГУ.

Отпечатано в типографии Издательского центра ЮУрГУ.
Формат 70×108 1/16.
Усл. печ. л. 12,25.
Тираж 100 экз.
Заказ 95/204.
Дата выхода в свет 30.03.2018.

Цена свободная.